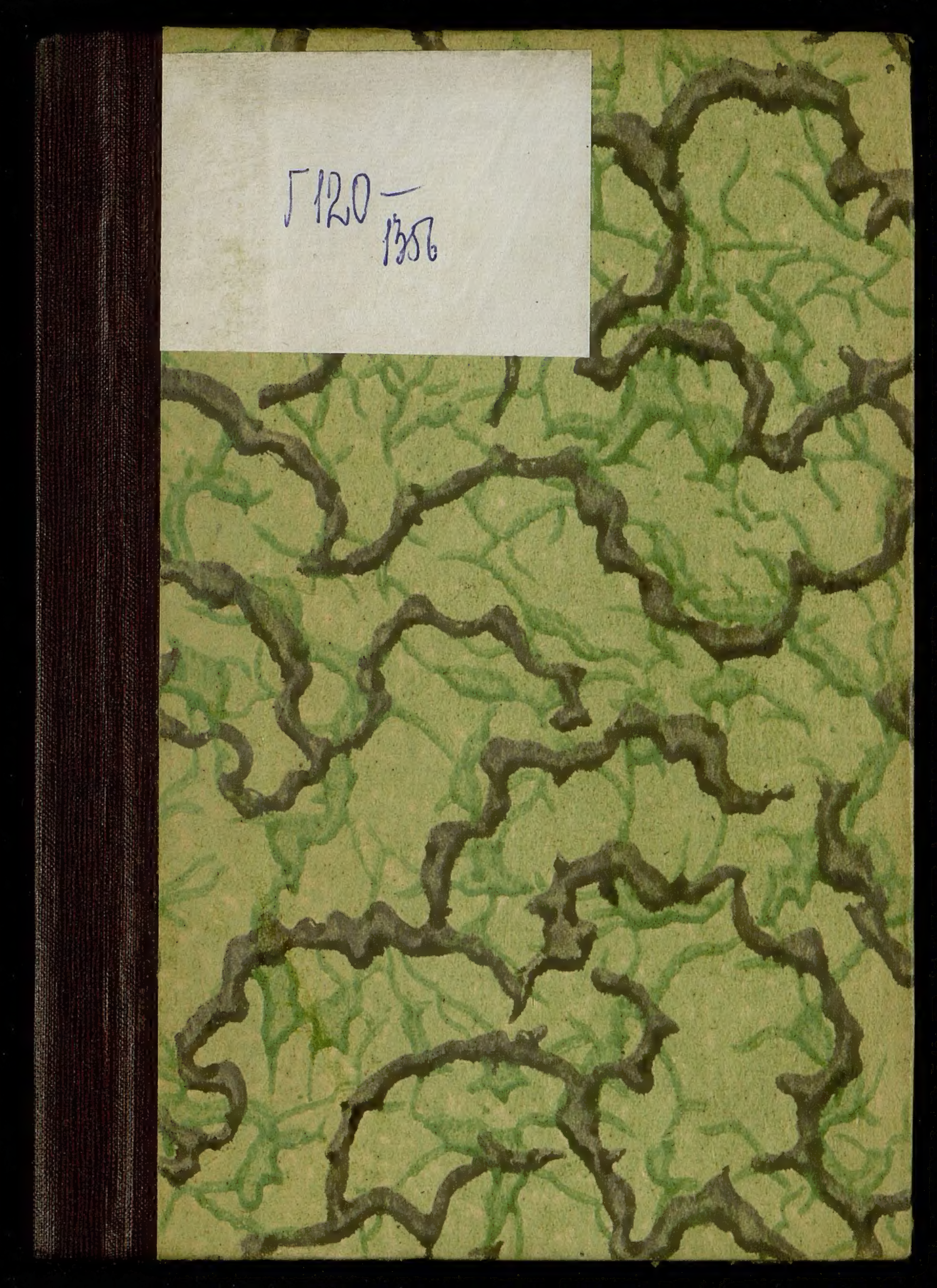
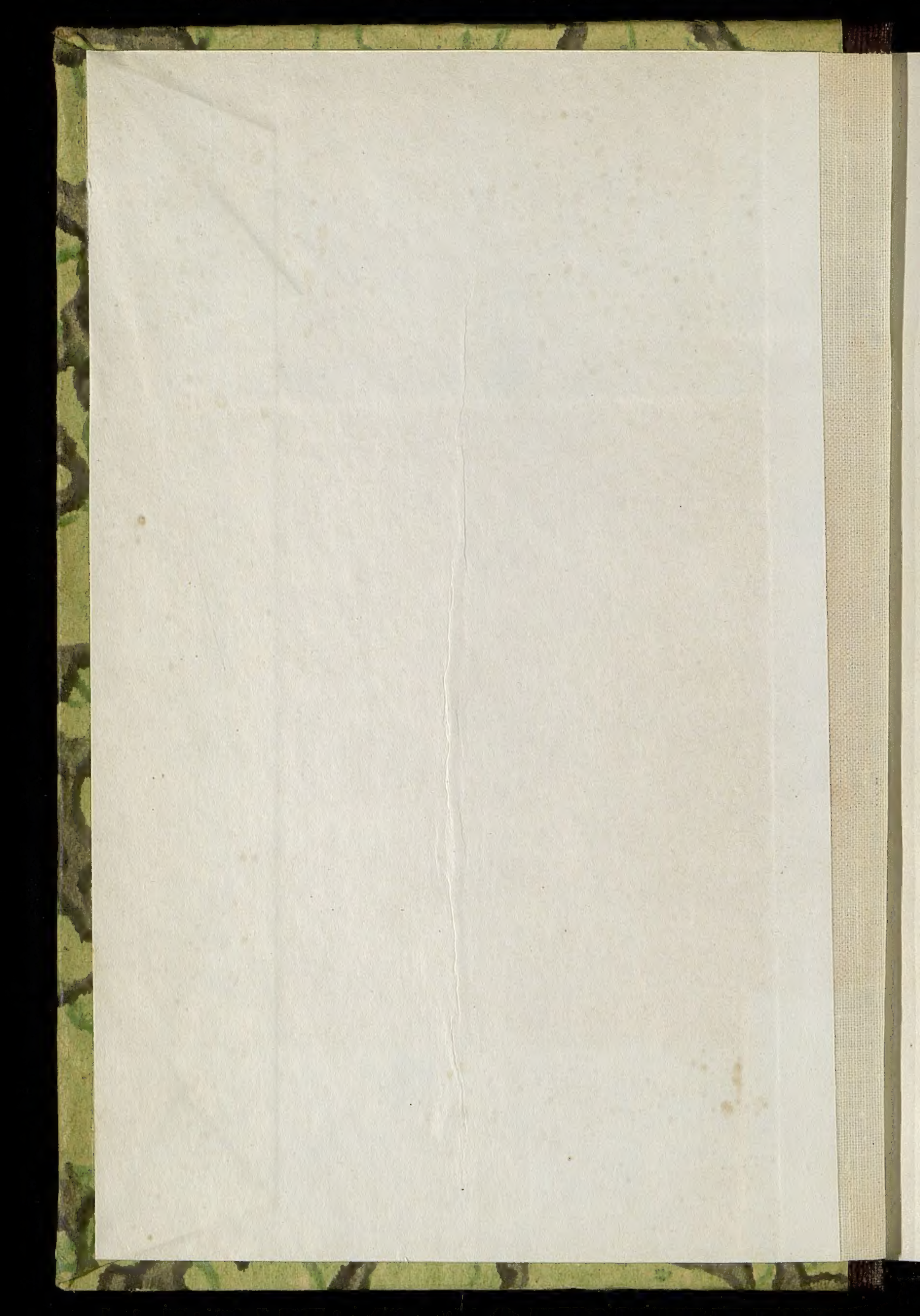

Г120 —
1356

Гр. А. А. Салтыковъ

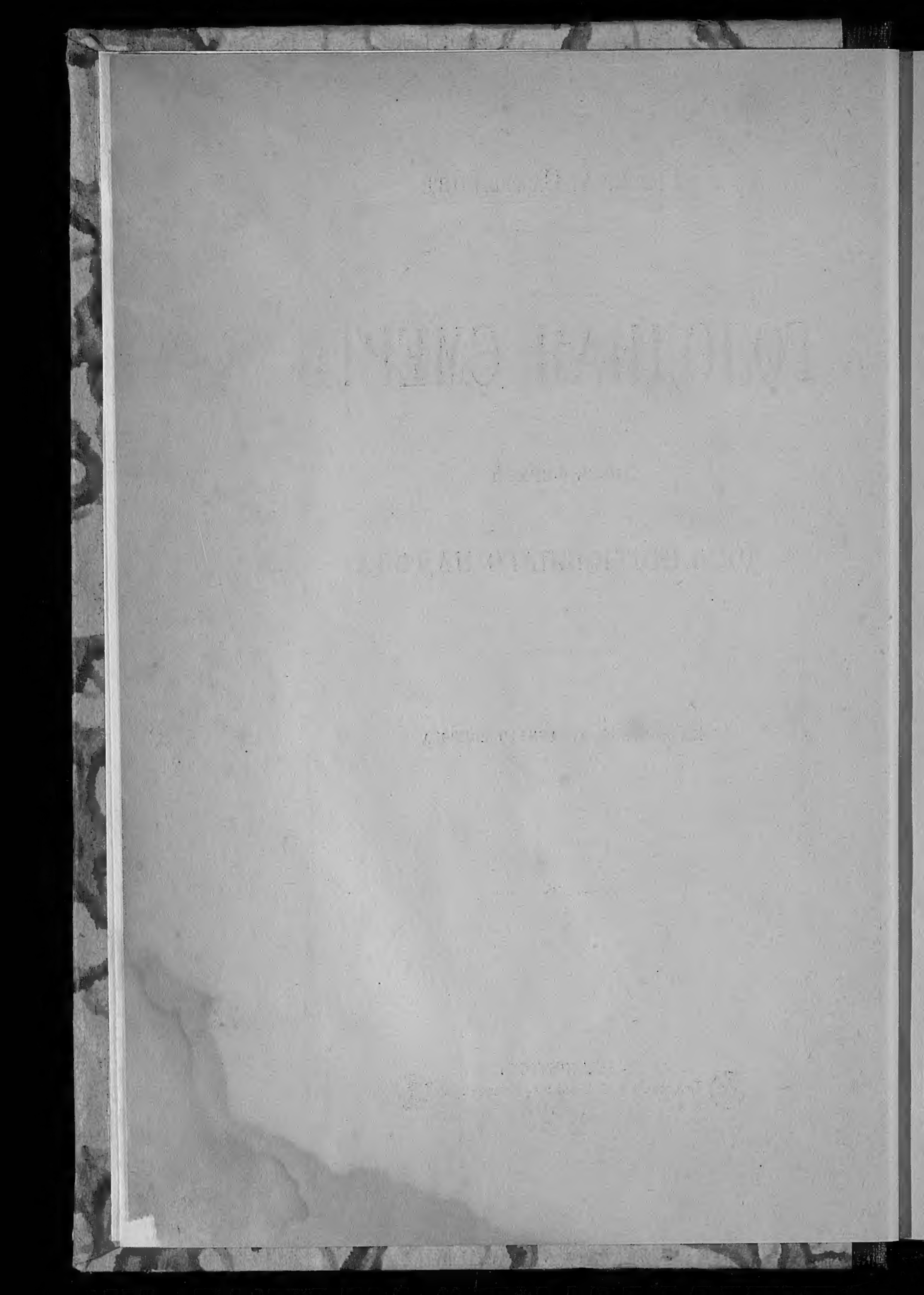
ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ

ПОДЪ ФИРМОЙ

ДОПОЛНИТЕЛЬНАГО НАДѢЛА

КЪ КРИТИКѢ АГРАРНАГО ВОПРОСА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13
1906

«Выростающая въ городской обстановкѣ и подъ городскими вліяніями современная интеллигенція легко теряется въ деревенскихъ вопросахъ».

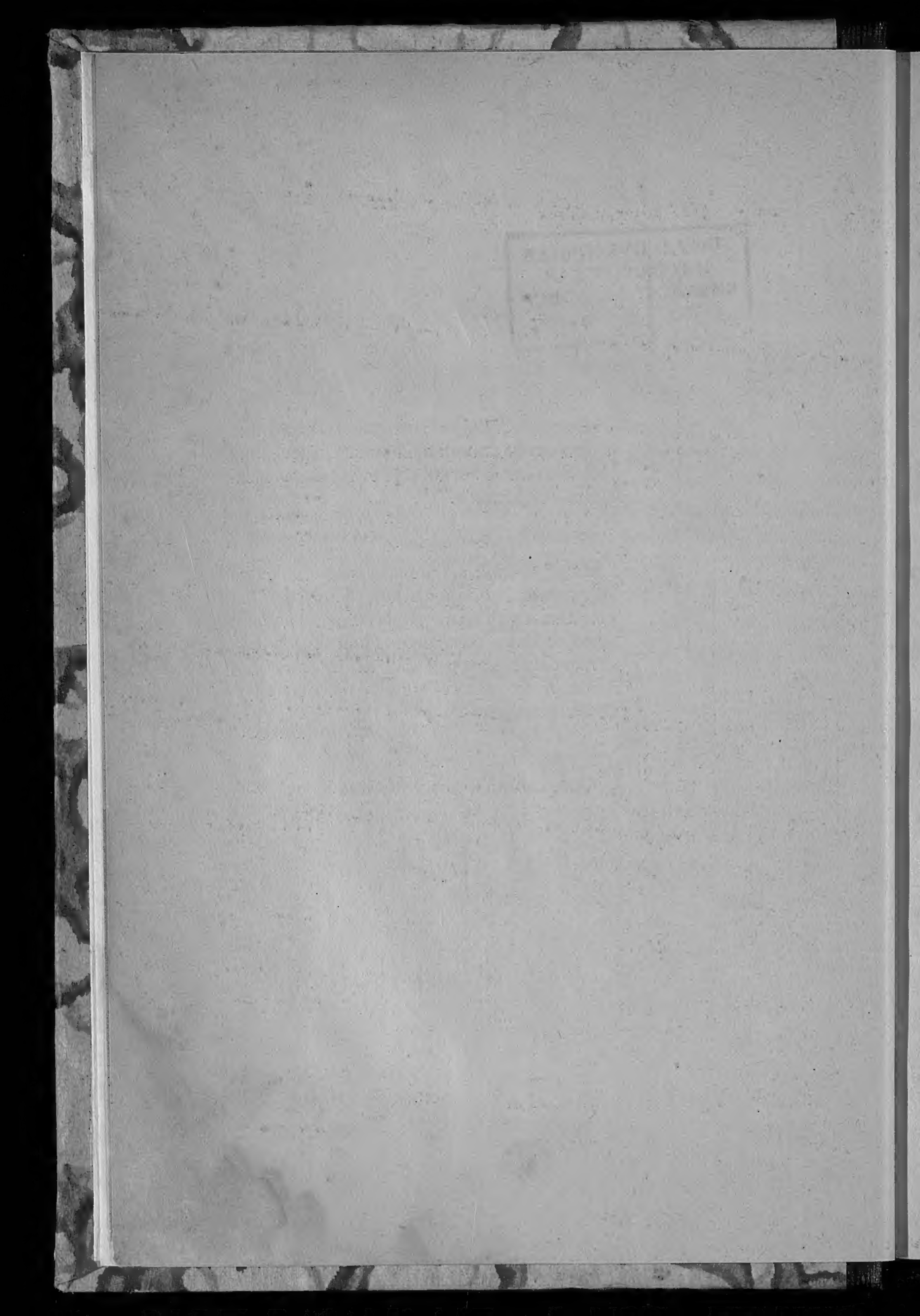
А. В. Пѣшехоновъ.

«Передъ нами встанетъ суровая дилемма: или сойти съ исторической сцены хорошо уже знакомой намъ дорогой недоѣданія и хроническихъ голодовокъ, или искать себѣ метрополію, которая съ Чемберленовской готовностью взяла бы насъ подъ свое покровительство».

А. В. Пѣшехоновъ.

«Все смѣшалось въ домѣ Облонскаго».

Гр. Левъ Толстой.

I.

ЛЕГЕНДА ОБЩАГО МАЛОЗЕМЕЛЬЯ.

Расширеніе надѣльной площади съ 1861 года. — Купчія и арендныя внѣнадѣльныя земли, какъ коррективъ надѣльнаго малоземелья. — Завѣдомая минимальность данныхъ о крестьянскомъ землепользованіи. — Преувеличенность данныхъ о количествѣ «наличнаго» сельскаго крестьянскаго населенія. — Неправильность исключенія женщинъ въ земельномъ вопросѣ. — Ошибочность исключенія земледѣльческаго населенія прочихъ (кромѣ крестьянъ) сословій. — Территоріальная неполнота картины изслѣдователей.

Сторонники дополнительнаго надѣленія крестьянъ исходятъ изъ того основного соображенія, что обезпеченіе крестьянъ землею съ 4,8 десятинъ на душу въ 1861 году понизилось до 2,6 дес. въ 1900 году[1]). Оставляя пока совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ или иномъ значеніи уменьшенія душевого земельнаго обезпеченія въ народно-хозяйственной жизни страны, сдѣлаемъ попытку разобраться въ вопросѣ, насколько сами по себѣ вѣрны вышеприведенныя цифры.

Душевое землеобезпеченіе земледѣльческаго населенія есть очевидно, частное отъ дѣленія всего количества находящихся въ пользованіи этого населенія земель на число его наличныхъ душъ. И это частное въ томъ только случаѣ можетъ быть вѣрно, если

[1]) И. Петрункевичъ, Сборникъ «Аграрный вопросъ», XXIX. Проф. Мануиловъ, ibid., 25. Проф. Герценштейнъ, ibid., 84.

правильно взяты дѣлимое и дѣлитель. Посмотримъ же, насколько эти элементарныя требованія соблюдены авторами аграрныхъ проектовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ цифровыхъ данныхъ прежде всего оказывается, что они сопоставляютъ не всю площадь современнаго землепользованія крестьянъ съ площадью землепользованія ихъ въ 1861 г., какъ это слѣдовало сдѣлать. Свои среднія нормы въ 4,8 дес. для 1861 года и 2,6 дес. для 1900 года изслѣдователи получаютъ путемъ раздѣленія одной и той же величины—111.730.000 десятинъ[1]), поступившихъ въ надѣлъ всѣмъ разрядамъ крестьянъ при реформѣ 1861 г., на соотвѣтствующія количества: ревизскихъ душъ для 1861 г. и душъ мужского пола для 1900 г. Между тѣмъ количество надѣльныхъ земель не осталось безъ измѣненія съ 1861 г., какъ то, повидимому, предполагаютъ авторы аграрныхъ проектовъ. Это количество увеличилось къ нашему времени и при томъ довольно значительно. На западѣ это расширеніе надѣльной площади произошло вслѣдствіе добровольнаго разверстанія угодій и отмѣны сервитутовъ, а на востокѣ и сѣверѣ—вслѣдствіе донадѣленія государственныхъ крестьянъ и отвода казенныхъ земель переселенцамъ. На этомъ увеличеніи не могли не отразиться и обычныя при формальномъ отграниченіи прирѣзки къ надѣламъ. По исчисленію Д. П. Семенова, происшедшее по вышеуказаннымъ и другимъ причинамъ расширеніе площади надѣльныхъ земель за одно только десятилѣтіе 1877—1887 гг. составляло 23 милліона десятинъ, и такимъ образомъ еще въ 1887 году, т. е. за тринадцать лѣтъ до 1900 г., надѣльное землевладѣніе 49 губерній Европейской Россіи (кромѣ Донской области) равнялось 135.013.128 дес.[2]). Въ настоящее время надѣльная площадь несомѣнно еще обширнѣе, но, не имѣя точныхъ данныхъ, приходится довольствоваться этой весьма неполной поправкой къ даннымъ гг. Мануилова и Герценштейна.

---

[1]) Герценштейнъ, «Аграрный вопросъ», 84.

[2]) Статистическій очеркъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи, стр. 3.

Но съ правильной точки зрѣнія при опредѣленіи душевого землеобезпеченія нельзя ограничиться надѣльными только землями. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1861 г. площадь землепользованія крестьянъ если и не вездѣ безусловно совпадала, то во всякомъ случаѣ не отклонялась сколько-нибудь значительно отъ площади крестьянскихъ надѣловъ. Но для нашихъ дней нельзя, при исчисленіи площади землепользованія крестьянъ, ограничиваться только надѣльными землями. Въ наше время надѣльныя земли составляютъ только часть землепользованія крестьянъ (какъ увидимъ, приблизительно $^{3}/_{5}$ его) и, ограничиваясь ими, мы придемъ къ завѣдомо невѣрному выводу. Вѣдь дѣло не въ юридическомъ признакѣ надѣльнаго землевладѣнія и не въ принадлежности даже извѣстнаго количества земли крестьянамъ на правѣ собственности, а въ фактическомъ размѣрѣ землепользованія крестьянъ, т. е. въ размѣрѣ всей той площади, которая служитъ обезпеченіемъ ихъ быта. Поэтому, чтобы сдѣлать возможнымъ сравненіе полной картины 1861 г. съ полною же картиной нашихъ дней, необходимо, при опредѣленіи душевого землеобезпеченія, прибавить къ надѣльнымъ землямъ купчія крестьянскія земли, а также земли, находящіяся въ арендномъ пользованіи крестьянъ.

Какъ же велика площадь тѣхъ и другихъ?

Въ отношеніи купчихъ земель изслѣдователи не расходятся существенно. По исчисленію проф. Чупрова, все крестьянское землевладѣніе еще въ 1877—1878 г. составляло 131 милліонъ десятинъ [1]), изъ чего можно заключить, что при 111 милліонахъ надѣльной земли къ купчимъ землямъ Чупровымъ отнесены 20 милліоновъ десятинъ. Проф. Мануиловъ опредѣляетъ количество купленныхъ крестьянами земель не то въ 12, не то въ 20 милл. дес. въ періодъ отъ 1863 г. до 1897 г. Къ цифрѣ въ 20 милл. дес. приходитъ и Д. П. Семеновъ въ цитированномъ уже замѣчательномъ трудѣ своемъ [2]), и на ней приходится остановиться.

[1]) Цитирую по Мануилову, Аграрный вопросъ, 64.

[2]) Стр. 88 и 95.

Обращаемся тепрь къ землямъ арендным[1]). По значительно устарѣвшимъ даннымъ земско-статистическихъ изслѣдованій площадь внѣнадѣльныхъ крестьянскихъ арендъ въ 183 уѣздахъ опредѣляется въ 10 милл. дес. [2]). При этомъ неизвѣстно, взяты ли уѣзды, гдѣ аренды сравнительно болѣе развиты, или преимущественно такіе, гдѣ аренды развиты въ менѣе сильной степени. Во всякомъ случаѣ въ губерніяхъ не земскихъ, гдѣ, какъ напр. въ Западномъ краѣ и губерніяхъ Прибалтійскихъ, аренда развита неизмѣримо болѣе, чѣмъ на земскомъ центральномъ черноземѣ, абсолютная арендная площадь не можетъ быть менѣе соотвѣтствующей площади въ губерніяхъ земскихъ. Отправляясь такимъ образомъ отъ данныхъ о 183 уѣздахъ, получаемъ цифру въ 40 милл. дес. Къ этой же цифрѣ приходитъ и проф. Чупровъ [3]).

Но, въ виду устарѣлости этихъ данныхъ, предпочтительно для настоящаго времени остановиться на исчисленіи Карышева, принимающаго площадь арендуемыхъ крестьянами внѣ надѣла земель въ 50 милл. дес. [4]).

Такимъ образомъ общая площадь землепользованія крестьянъ выразится въ:

135 милл. дес. надѣльной земли (1887).
20 » » купчей земли.
50 » » арендуемой земли.

---

[1]) Независимо отъ вышеуказанныхъ соображеній здраваго смысла, безусловно требующаго включенія арендныхъ земель при сравненіи современнаго землеобезпеченія съ землеобезпеченіемъ 1861 г., не могутъ ослабить этого требованія столь часто выдвигаемыя противъ современной практики арендъ обвиненія. Вѣдь если и согласиться съ тѣмъ, что существующія арендныя отношенія не вполнѣ удовлетворяютъ вызывающей ихъ потребности населенія, что аренды мѣстами высоки и несправедливы, то изъ этого возможенъ только тотъ выводъ, что отношенія эти нуждаются въ той или иной реформѣ. Но ни въ какомъ случаѣ подобныя обвиненія не могутъ дать основанія къ совершенному исключенію арендуемыхъ крестьянами земель изъ общаго итога ихъ земельнаго обезпеченія, *разъ рѣчь идетъ именно о немъ.*

[2]) Мануиловъ, Аграрный вопросъ, 39.

[3]) Цитирую по Мануилову, Аграрный вопросъ, 64.

[4]) Ibid., 66.

Итого въ пользованіи крестьянъ 205 милл. дес., что́, даже при неправильно взятомъ и преувеличенномъ дѣлителѣ въ 43 милл. душъ мужского пола, даетъ не 2,6 дес. на душу, какъ полагаютъ авторы проектовъ дополнительнаго надѣленія, а 4,76 десятины, т. е. приблизительно такую же величину земельнаго обезпеченія, какая (4,8 дес.) принята ими для 1861 г. Такимъ образомъ и указанныхъ соображеній и справокъ уже достаточно, чтобы быть вполнѣ убѣжденнымъ въ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью основного тезиса авторовъ аграрныхъ проектовъ.

Но есть цѣлый рядъ доводовъ и соображеній, съ полной очевидностью приводящихъ къ заключенію, что полученное нами душевое землеобезпеченіе въ 4,76 дес. значительно ниже дѣйствительнаго.

Коснемся прежде всего нѣсколькихъ подробностей крестьянской внѣнадѣльной аренды. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что вся площадь этой аренды не можетъ войти ни въ какую, самую даже совершенную статистику. Во-1-хъ, не говоря уже о томъ, что крестьяне считаютъ себя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заинтересованными въ уменьшеніи количества арендуемыхъ ими земель, можно рѣшительно утверждать, что отъ учета неизбѣжно ускользаетъ и часть арендъ крупныхъ съемщиковъ, которые фактически передаютъ землю въ субъ-аренду крестьянамъ, да не войдутъ въ статистику и тѣ въ общей сложности весьма значительныя количества запольныхъ клочковъ пашни, участковъ подъ «уругой», отдѣльныхъ «лядъ» и «рѣзовъ», распространенныхъ, напримѣръ, въ западной нечерноземной полосѣ, которые поступаютъ въ пользованіе крестьянъ не только отъ помѣщика непосредственно, но и отъ арендаторовъ-хуторянъ. Мѣстности, гдѣ существуетъ такая капиталистическая хуторская аренда частей имѣнія, далеко не единичны. Между тѣмъ всѣ эти отдѣльныя «ляда» и «рѣзы» значатся не за крестьянами, а за арендаторами хуторовъ.

Во-2-хъ, при исчисленіи крестьянскихъ арендъ ускользаетъ неизбѣжно значительная часть арендъ не денежныхъ, арендъ за отработки, мѣстами весьма распространенныхъ, и не менѣе распространенной аренды изъ части урожая. Особенно эта аренда

имѣетъ мѣсто при сдачѣ луговъ, да и вообще луга, особенно лѣсные, и пастбищныя угодья трудно подвергнуть исчисленію на десятины, вслѣдствіе чего они и ускользаютъ отъ таковаго.

Въ-3-хъ даже не сдающіяся крестьянамъ въ аренду и эксплоатируемыя лично владѣльцемъ земли все же бываютъ въ пользованіи и у крестьянъ, напримѣръ покосы по снятіи травы и поля послѣ снятія хлѣба. Всѣ подобныя въ общемъ весьма значительныя расширенія землепользованія крестьянъ никогда не войдутъ ни въ какую статистику.

Въ, 4-хъ, при исчисленіи площади арендныхъ земель имѣется, главнымъ образомъ, въ виду пахотная земля и притомъ, вслѣдствіе преобладанія у насъ сдачи подъ одинъ посѣвъ, лишь въ двухъ поляхъ: озимомъ и яровомъ. Между тѣмъ, если при исчисленіи полевыхъ земель, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ собственности, берется вся площадь этихъ полевыхъ земель, т. е. не только озимое и яровое поле, но и паровое, то и теоретически и практически нѣтъ ни малѣйшаго основанія уклоняться отъ того же масштаба и при исчисленіи земель арендуемыхъ. Этотъ болѣе логическій пріемъ одинъ уже самъ по себѣ увеличилъ бы арендную площадь полевыхъ земель на 50%. Все сказанное не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительная величина арендной площади значительно шире исчисленныхъ Карышевымъ 50 милл. дес.

По и площадь земель, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ собственности, несомнѣнно шире цифръ офиціальной статистики, которая къ тому же въ главной своей части — въ исчисленіи надѣльныхъ земель—относится къ 1887 году и потому значительно устарѣла. Но не говоря уже о томъ, что и послѣ 1887 г. продолжали разверстываться угодья и прекращаться сервитутныя отношенія, имѣя прямымъ слѣдствіемъ увеличеніе надѣльной площади, эта площадь не могла не увеличиться и вслѣдствіе сдѣлокъ объ обмѣнѣ участковъ земли, при которыхъ землевладѣльцы бываютъ вынуждены отдавать втрое, вчетверо и впятеро болѣе земли за каждую надѣльную десятину. Къ такого рода вынужденнымъ подаркамъ всегда приходится прибѣгать и при формальномъ от-

граниченіи надѣловъ, отчего постоянно увеличивается площадь послѣднихъ, не говоря уже о случаяхъ даренія добровольнаго. Въ неменьшей степени увеличивается надѣльная земля и путемъ захватовъ, которые не значатся ни въ какой статистикѣ, но, тѣмъ не менѣе, составляютъ явленіе весьма крупное и едва ли не повсемѣстное. Мнѣ знакомы мѣстности, въ которыхъ нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было лишней противъ надѣльнаго плана земли. На ряду съ захватами, уже осуществившимися, такъ какъ наше законодательство, и тѣмъ болѣе судебная практика, вопреки общепринятому въ цѣломъ мірѣ взгляду, ихъ допускаетъ, увеличеніе надѣльной площади создается захватами временными, т. е. землями, находящимися въ судебномъ спорѣ. Фактически во время спора, длящагося иногда цѣлые года, спорной землей всегда пользуются крестьяне, и поэтому, впредь до окончанія спора, такая земля фактически сливается съ надѣломъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ нестроеній, а также и указываемыхъ выше нормальныхъ источниковъ расширенія надѣльной площади, послѣдняя въ настоящее время, несомнѣнно, значительно шире принятыхъ Д. П. Семеновымъ для 1887 г. 135 милл. дес.

Но не слѣдуетъ забывать, что надѣльными и купчими землями не исчерпывается область вещно-правового обладанія крестьянъ. Изслѣдователи совершенно игнорируютъ то увеличеніе крестьянскаго землепользованія, источникомъ котораго являются весьма распространенныя въ западной полосѣ сервитутныя отношенія. Есть мѣстности, гдѣ сервитутныя имѣнія составляютъ не исключеніе, а правило. Огромное же значеніе сервитутовъ для крестьянскаго хозяйства вполнѣ уясняется той трудностью, съ которой сопряжена для землевладѣльцевъ ликвидація сервитутныхъ отношеній, и тою цѣнностью, которую сервитуты имѣютъ въ глазахъ крестьянъ.

Въ своей совокупности указанные мотивы, т. е. съ одной стороны не подлежащее никакому сомнѣнію расширеніе вещно-правового обладанія крестьянъ (сервитуты, дареніе, уступка земель при обмѣнѣ, отграниченіи надѣловъ и ликвидаціи сервитутныхъ отношеній, захваты), а съ другой стороны соображенія о неиз-

бѣжной неполнотѣ данныхъ изслѣдователей о крестьянскихъ арендахъ (субъ-аренды, аренды за отработки и изъ доли урожая, двойное владѣльческо-крестьянское пользованіе и исключеніе изъ счета арендныхъ земель парового поля) убѣждаютъ въ необходимости нѣкоторой надбавки къ приведеннымъ даннымъ. Необходимость эта очевидна, конечно, только въ томъ случаѣ, если мы въ самомъ дѣлѣ имѣемъ живое желаніе основываться на цифрахъ, болѣе или приближающихся къ дѣйствительности. Къ тому же, въ большей своей части, а именно по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, оффиціальныя данныя являются устарѣвшими (1887). Какъ же велика должна быть эта безусловно-необходимая надбавка? Не дѣлаю даже попытки отвѣтить точно на этотъ вопросъ. Но казалось бы, что, въ виду многочисленности факторовъ расширенія землепользованія крестьянъ и серьезности значенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, увеличеніе вычисленныхъ выше 205 милл. дес. на 10% должно быть признано минимальнымъ. Въ этомъ, въ частности, убѣждаетъ уже упомянутое нами обстоятельство, что, по исчисленію Д. П. Семенова, одно только оффиціальное увеличеніе надѣльныхъ земель дало за десятилѣтіе 1877—1887 гг. 23 милл. десятинъ, т. е. по 2 слишкомъ милліона дес. въ годъ. Какимъ же образомъ можетъ оказаться меньше этой цифры общее увеличеніе крестьянскаго землепользованія: и оффиціальное и не оффиціальное, и надѣльное и арендное, вмѣстѣ взятыя, и притомъ не за десять, а за тринадцать лѣтъ? Но мы все-таки остановимся на меньшей цифрѣ въ 20 милл. дес., т. е. примемъ общую площадь землепользованія крестьянъ въ 225 милл. дес.

Эти 225 милл. дес., даже при принимаемомъ гг. Мануиловымъ и Герценштейномъ дѣлителѣ въ 43 милл. душъ [1]) мужского населенія, даютъ душевое землеобезпеченіе въ 5,2 дес. Таковое такимъ образомъ является не уменьшившимся съ 1861 г., а, наоборотъ, нѣсколько увеличившимся. Но правильность этого заключенія усугубляется, если войти въ ближайшее разсмотрѣніе избраннаго авторами аграрныхъ проектовъ дѣлителя. Въ самомъ

---

[1]) Аграрный вопросъ, 85.

дѣлѣ, на чемъ основано утвержденіе, что количество наличнаго земледѣльческаго крестьянскаго населенія мужского пола равнялось въ 1900 г. 43 милл. душъ?

Такъ какъ всеобщая перепись была произведена не въ 1900 г., а въ 1897 г., то получимъ сначала искомую величину наличнаго мужского населенія для 1897 г., а потомъ уже нетрудно будетъ сдѣлать вычисленіе и для 1900 г. Совершенно ясно, что если дѣло идетъ о землеобезпеченіи, то можно имѣть въ виду лишь ту часть крестьянскаго населенія, бытъ котораго этою землею обезпечивается. Поэтому въ счетъ крестьянскаго населенія, обезпеченнаго надѣльною и иною землею, не должны войти ни тѣ крестьяне, которые уже стали вполнѣ городскими жителями или находятся внѣ предѣловъ Европейской Россіи, ни тѣ, которые уже пристроились прочно хотя бы въ деревняхъ и селахъ, но чужихъ имъ губерній Европейской Россіи, иногда на фабрикахъ или рудникахъ, иногда въ частной службѣ, торговлѣ и т. п. Эти двѣ категоріи крестьянъ не должно смѣшивать съ тѣмъ населеніемъ, которое отлучается отъ мѣстъ приписки лишь періодически, сохраняя при отхожихъ промыслахъ связь съ деревней. Напротивъ связь съ родиной вышеуказанныхъ двухъ категорій крестьянъ уже утрачена, ограничиваясь полученіемъ паспорта и присылкой денегъ. Это, по справедливому выраженію Д. П. Семенова, «данники деревни». Не ихъ земля кормитъ и обезпечиваетъ, а они, наоборотъ, питаютъ землю, вслѣдствіе чего и было бы ошибкой включать эти двѣ категоріи крестьянъ, достигающіе, по вычисленію Д. П. Семенова, приблизительно 5 милл. душъ мужского пола[1]), въ то сельское крестьянское населеніе, которое кормится своимъ земледѣліемъ. Общее же количество крестьянскаго приписного населенія по переписи 1897 г. было равно въ 49 губерніяхъ $36^1/_2$ милл. душъ мужского пола[2]). Чтобы получить количество наличнаго крестьянскаго земледѣльческаго населенія, надо, такимъ образомъ, вычесть изъ

---

[1]) Статистическій очеркъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, стр. 77 и 78.

[2]) Ibid., 23.

$36^{1}/_{2}$ милл. душъ тѣ 5 милл. душъ, которыя порвали связь съ родиной и земледѣліемъ. Въ результатѣ останется $31^{1}/_{2}$ милл. душъ, которыя выразятъ искомый нами дѣлитель. Его остается лишь исправить для 1900 г. Процентъ прироста наличнаго крестьянскаго населенія за 40 лѣтъ, съ 1858 по 1897 год., по Д. П. Семенову, опредѣляется въ 52%, слѣдовательно на одинъ годъ приходится 1,3%, а за 3 года, съ 1897 по 1900 г., это составитъ около 4% или на $31^{1}/_{2}$ милл. душъ приблизительно $1^{1}/_{4}$ милл. душъ, вновь народившихся. Такимъ образомъ, окончательно дѣлитель выразится въ $32^{3}/_{4}$ милл. душъ мужского пола. При 225 милл. дес. земельнаго обезпеченія, душевое обезпеченіе окажется равнымъ 6,8 дес. Слѣдуетъ отмѣтить, что авторы аграрныхъ проектовъ ошибаются и въ опредѣленіи душевой нормы 1861 г., нѣсколько уменьшая ее. Она, при 22.248.000 ревизскихъ душахъ, равнялась не 4,8 дес., а нѣсколько большей величинѣ, именно 5,05 дес., если взять всѣ разряды крестьянъ [1]). Если же допустить, что фактическое землепользованіе крестьянъ въ 1861 г. превышало надѣльную площадь на 10% —предположеніе скорѣе рискованное — то все же и исправленный такимъ образомъ размѣръ душевого землеобезпеченія 1861 года въ 5,55 дес. окажется значительно ниже современнаго, приближающагося къ 7 десятинамъ. Несомнѣннымъ, во всякомъ случаѣ, представляется то, что размѣръ душевого землеобезпеченія съ 1861 г. не уменьшился, какъ то хотятъ представить авторы аграрныхъ проектовъ, а значительно увеличился.

Размѣръ землеобезпеченія земледѣльческаго населенія Россіи въ дѣйствительности нѣсколько выше тѣхъ 6,8 дес. на душу, которыя были нами выведены. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія соображенія. Нельзя не замѣтить, что, во-первыхъ, отчасти содѣйствуетъ тому освѣщенію, которое желали придать изслѣдователи вопросу о душевомъ землеобезпеченіи, одинъ фактъ статистики населенія. Дѣло въ томъ, что перепись 1897 г. обнаружила измѣненіе соотношенія численности половъ, представляющее собою от-

---

1) Ibid., 23.

клоненіе отъ нормы, существующей почти повсемѣстно. Мужское населеніе Россіи оказалось возросшимъ болѣе значительно, чѣмъ женское, а такъ какъ обычно сравнивается землеобезпеченіе на душу мужского населенія, то и получаемая норма неизбѣжно оказывается ниже дѣйствительной, т. е. ниже той, которая получилась бы при сравненіи современнаго землеобезпеченія на душу не мужского только, а всего населенія съ таковымъ же 1861 г. Между тѣмъ съ правильной точки зрѣнія нѣтъ ни малѣйшаго повода исключать женское населеніе въ вопросѣ объ обезпеченіи землей, особенно если стоять, какъ то дѣлаютъ наши изслѣдователи, на почвѣ именно продовольственнаго обезпеченія, въ коемъ женщины, очевидно, нуждаются не менѣе, чѣмъ мужчины. Но и съ точки зрѣнія наивыгоднѣйшаго соотношенія рабочей силы къ размѣрамъ обрабатываемой площади,—точки зрѣнія, только случайно задѣваемой авторами проектовъ, ибо при изслѣдованіи въ этомъ направленіи самая мысль о дополнительномъ надѣленіи является нелѣпой,—и съ этой точки зрѣнія исключеніе женщинъ въ вопросѣ о землеобезпеченіи не можетъ ничѣмъ быть оправдано: вѣдь и женщины, подобно мужчинамъ, участвуютъ въ земледѣльческомъ трудѣ, и нашъ бытовой исконный тягловой надѣлъ не пренебрегалъ ими, надѣляя землей не ревизскую душу (мужскую), но брачную пару. Если существованіе подушной подати и бюрократическій счетъ населенія на ревизскія души и объясняютъ исторически нелѣпость душевого надѣла, то можно ли рабски подчиняться этой бюрократической нелѣпости въ изслѣдованіи аграрнаго вопроса? Такое подчиненіе дополняетъ неожиданными чертами характеристику авторовъ аграрныхъ проектовъ, едва ли поклонниковъ бюрократическихъ порядковъ и едва ли чуждыхъ идеѣ женской равноправности.

Между тѣмъ, разсчетъ на среднюю душу населенія—мужскую и женскую, будучи и по существу вполнѣ правильнымъ, пролилъ бы еще болѣе яркій свѣтъ на центральный фактъ увеличенія съ 1861 г. душевого земельнаго обезпеченія, нѣсколько затѣненный усиленіемъ прироста мужского населенія съ 1861 г. Для 1861 г. норма оказалась бы нѣсколько ниже вычисленной, вслѣдствіе уве-

личенія дѣлителя 1861 г., а для 1900 г., вслѣдствіе уменьшенія дѣлителя, норма оказалась бы нѣсколько выше принятой нами.

Слѣдуетъ признать, что вопросъ объ обезпеченіи землей земледѣльческаго населенія Россіи вообще не укладывается въ поставленныя изслѣдователями рамки. Ограничиваться изслѣдованіемъ землепользованія крестьянскаго только сословія въ общемъ вопросѣ всего земледѣльческаго населенія значитъ сознательно закрывать глаза на отдѣльныя части начертанной жизнью картины, значитъ задергивать ее занавѣсью. Почему не принято изслѣдователями во вниманіе землепользованіе сельскихъ, а мѣстами и городскихъ даже мѣщанъ, какъ купчее, такъ и арендное, по существу ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянъ-земледѣльцевъ? Неотдѣлимы по характеру своего земледѣлія отъ крестьянъ и сельскіе обыватели казачьяго сословія. На югѣ и на западѣ ничѣмъ не отличается отъ крестьянскаго земледѣліе однодворцевъ, сельскихъ чиншевиковъ и православныхъ арендаторовъ. А евреи земледѣльцы? А землепользованіе, такъ называемой, шляхты въ Западномъ краѣ? Все это пробѣлы и пробѣлы. И если факту уменьшенія или увеличенія душевого обезпеченія изслѣдователи придаютъ столь большое значеніе, то какъ же пренебречь въ общей картинѣ столь существенными чертами?

Не частична ли начертанная изслѣдователями картина и въ территоріальномъ отношеніи? Изслѣдователи не вводятъ въ нее ни Царства Польскаго, ни Кавказа, ни Степного Края съ Туркестаномъ, ни Сибири, ни владѣній Дальняго Востока. Выключать ихъ, говоря о землеобезпеченіи и землеустройствѣ, нѣтъ ни малѣйшаго—ни теоретическаго, ни практическаго—основанія. Всѣ наши окраины, за исключеніемъ Закавказья и южной части средне-азіятскихъ владѣній, не суть живущія особою экономическою жизнью колоніи. Онѣ—естественное продолженіе экономической территоріи внутренней Россіи, съ которою связаны органически. Таковы онѣ большею частью и по почвѣ и по климату, и по оро- и гидрографіи, по флорѣ и фаунѣ, а также и по роду занятій своихъ жителей-земледѣльцевъ. Съ другой стороны и въ практическомъ вопросѣ о разселеніи нѣтъ различія между внутренней

Россіей и окраинами. Какъ и во внутреннихъ губерніяхъ мѣстами нѣтъ свободной земли, такъ мѣстами нѣтъ ихъ уже и на окраинахъ. Но зато въ другихъ мѣстахъ свободныхъ земель много не только на окраинахъ, но мѣстами не мало ихъ и въ внутреннихъ губерніяхъ. Поэтому выключеніе Сибири и другихъ окраинъ при разрѣшеніи общеимперскаго вопроса о землеустройствѣ по существу дѣла глубоко ошибочно.

Мнѣ незнакомы данныя о землепользованіи крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, но душевое землеобезпеченіе въ немъ едва ли ниже таковаго же въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Можно даже съ увѣренностью предположить, что включеніе высокопромышленныхъ польскихъ губерній нѣсколько увеличитъ среднюю Европейской Россіи. Что касается средней общеимперской, то достаточно вспомнить о Сибири, чтобъ быть увѣреннымъ, что эта средняя выше выведенныхъ нами для 49 губерній Европейской Россіи 6,8 дес. Можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что если взять всю территорію Имперіи и всѣ разряды земледѣльческаго населенія, а также брать среднюю не мужского только, а всего наличнаго населенія, что, какъ мы видѣли болѣе правильно, то общеимперская средняя земельнаго обезпеченія окажется приближающеюся къ 8 дес. на душу, т. е. увеличившейся, сравнительно съ 1861 г., приблизительно на 45%. Другими словами, *увеличеніе площади землепользованія не отстало отъ роста земледѣльческаго населенія, а, вопреки утвержденіямъ сторонниковъ дополнительнаго надѣленія, переросло ростъ населенія въ 1½ раза.* Этотъ основной фактъ даетъ прямое указаніе на то, насколько ошибочно и опасно раздувать значеніе аграрнаго вопроса въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ малоземелья.

Вопросъ земельный въ правильной своей постановкѣ есть вопросъ объ удовлетвореніи потребности населенія въ землѣ. Поставленная въ такія рамки, разработка этого вопроса и важна и можетъ быть плодотворна. Но и въ такой своей постановкѣ этотъ вопросъ составляетъ лишь часть болѣе центральнаго вопроса о подъемѣ благосостоянія земледѣльческаго населенія, въ свою очередь неразрывно связаннаго съ общимъ вопросомъ подъема про-

изводительности нашей обширной Имперіи, если и не ставшей менѣе обильной со временъ Рюрика, то и не на много ушедшей отъ него впередъ въ дѣлѣ порядка и устроенія.

Въ этомъ сравнительномъ очеркѣ землепользованія крестьянъ въ 1861 г. и въ наши дни, какъ было уже замѣчено, оставленъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ или иномъ значеніи душевого земельнаго обезпеченія въ хозяйственной жизни крестьянъ. Изъ слѣдующихъ главъ будетъ видно, что вопросъ этотъ вообще не имѣетъ экономическаго значенія; что благосостояніе крестьянъ и подъемъ производительности крестьянскаго хозяйства зависитъ не отъ того, сколько у нихъ на душу приходится земли, а отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, изъ которыхъ главная и основная заключается въ формахъ крестьянскаго землепользованія, а также въ общихъ экономическихъ условіяхъ и экономической и финансовой политикѣ государства. Поэтому то обстоятельство, что душевое землеобезпеченіе крестьянъ съ 1861 г. увеличилось, представляется, на нашъ взглядъ, фактомъ настолько же малоутѣшительнымъ, насколько былъ бы лишенъ значенія тревожнаго симптома противоположный ему фактъ уменьшенія душевой земельной нормы, ибо оба эти факта, по нашему мнѣнію, суть факты экономически-безразличные, и не въ нихъ суть аграрнаго вопроса. Но такъ какъ съ легендой общаго малоземелья неразрывно связанъ грозящій нашей родинѣ голодною смертью и полнымъ финансовымъ и политическимъ разгромомъ призракъ черваго передѣла, то я счелъ нужнымъ остановиться на опроверженіи этой легенды, хотя, по существу дѣла, эта частная и привходящая задача является излишней для выясненія полной несостоятельности проектовъ дополнительнаго надѣла. Мнѣніе объ уменьшеніи площади крестьянскаго землепользованія съ 1861 г. котируется въ обществѣ по слишкомъ высокому курсу, и это мнѣніе рискуетъ сыграть слишкомъ трагическую роль. Поэтому я не могъ не указать, что то, чтó принимается общественнымъ мнѣніемъ за полноцѣнную монету, есть монета фальшивая, и при томъ самой грубой, аляповатой поддѣлки.

II.

ВОПРОСЫ ЧАСТНАГО МАЛОЗЕМЕЛЬЯ.

Кто такіе — малоземельные? — Существенная ошибка въ опредѣленіи ихъ количества.—Мѣстное значеніе малоземелья (центральный черноземъ). — Осложненіе понятія малоземелья купчими и арендными землями.— Малоземелье или оскудѣніе центра?—Формальное и второстепенное значеніе понятія малоземелья и его практическая негодность для разрѣшенія вопросовъ крестьянскаго хозяйства. — Относительное его значеніе въ связи съ системой хозяйства, промышленностью сельской и общей и характеромъ мѣстности.—Отношеніе крестьянскаго хозяйства къ частновладѣльческому.—Надѣльное малоземелье, какъ прогрессивный факторъ народнаго благосостоянія.— Связь съ вопросомъ о господствующихъ формахъ крестьянскаго землепользованія. — Пагубныя послѣдствія врачеванія малоземелья для всѣхъ сторонъ народной и государственной жизни. — Вопросъ о дарственникахъ и безземельныхъ крестьянахъ.

Глашатаи чернаго передѣла сами сознаютъ всю шаткость почвы общаго малоземелья въ виду полнаго его несогласія съ очерченными выше фактами и поэтому охотно покидаютъ столь ненадежный фундаментъ реформы, указывая на существованіе весьма остраго малоземелья мѣстнаго и на отдѣльныя категоріи крестьянъ, располагающихъ малымъ количествомъ надѣльной земли.

Какія же это мѣстности и категоріи населенія?

Проф. Мануиловъ считаетъ надѣленными въ недостаточномъ размѣрѣ всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ надѣломъ не болѣе выс-

шаго или указнаго надѣла по положенію 19 февраля. И такихъ крестьянъ будто бы было въ 1877—1878 годахъ 11,4 милл. душъ ревизскихъ, или 51,9%, и 13,5 милл. душъ наличныхъ, или 50,5%[1]). Авторъ не указываетъ, откуда взяты эти цифры. Между тѣмъ онѣ возбуждаютъ серьезное сомнѣніе. Дѣло въ томъ, что попытка опредѣлить общее количество крестьянъ, получившихъ надѣлы болѣе высшаго и менѣе высшаго, была сдѣлана какъ разъ на основаніи обслѣдованія 1878 года въ изданіи Комитета Министровъ [2]). Попытка эта, по мнѣнію Д. П. Семенова, даетъ весьма преувеличенное понятіе о числѣ крестьянъ, получившихъ надѣлы ниже высшаго, причемъ Д. П. Семеновъ приводитъ подробную мотивировку такого мнѣнія. Въ частности авторъ указываетъ на то, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда высшій надѣлъ представляетъ собою цифру, заканчивающуюся дробью въ $^1/_4$ или въ $^3/_4$, даже случаи, превышающіе высшій надѣлъ, попадаютъ въ число надѣловъ ниже высшаго. Чтобъ избѣгнуть этой ошибки, г. Семеновъ даетъ иную группировку крестьянъ въ отношеніи нормъ 1861 г. Именно онъ устанавливаетъ среднюю группу крестьянъ, получившихъ надѣлъ немного выше или ниже, но во всякомъ случаѣ близкій къ высшему; это и съ чисто логической точки зрѣнія неизмѣримо болѣе правильно, чѣмъ формалистическая, чуждая сути дѣла, группировка Мануилова. Результатъ же при этомъ получается тотъ, что въ центральную группу получившихъ надѣлъ отъ $^3/_4$ до $1^1/_4$ высшаго попадаютъ 8,1 милл. душъ, а въ группу получившихъ болѣе $1^1/_4$ высшаго надѣла попадаютъ 6,4 милл. душъ, изъ общаго числа 17,8 милл. душъ ревизскихъ [3]). Что касается до группы низшей (получившихъ менѣе $^3/_4$ высшаго надѣла), то въ нее отойдутъ только 3,2 милл. душъ ревизскихъ, т. е. 16%, или 4,8 милл. душъ наличныхъ 1878 г. (22%). Такимъ

---

[1]) Аграрный вопросъ, 27.

[2]) Д. П. Семеновъ, Статистическій очеркъ крестьянскаго землевладѣнія, 29.

[3]) Изъ 21,5 милл. душъ наличныхъ 1878 г. на среднюю группу придется 9,6 милл. душъ, а на высшую 8 милл. душъ.

образомъ количество субъектовъ того права на дополнительный надѣлъ, которое пытается установить въ своемъ проектѣ проф. Мануиловъ, приходится уменьшить втрое, даже если стоять на его формальной точкѣ зрѣнія «исправленія погрѣшностей 1861 г.».

Впрочемъ и самъ авторъ проекта выдѣляетъ изъ общаго количества «недонадѣленныхъ въ 1861 году» 2.700.000 душъ съ надѣломъ не болѣе 2 десятинъ, при чемъ даетъ указаніе, что «львиная доля» населенія, надѣленнаго мелкими надѣлами, приходится на черноземную полосу, а именно съ надѣломъ отъ 1 до 2 дес.

1.642.624 дес. въ черноземной полосѣ,
378.434 » » нечерноземной полосѣ [1]).

Такимъ образомъ самъ авторъ выясняетъ, что малоземельныхъ въ пять разъ болѣе въ черноземной полосѣ, сравнительно съ нечерноземной. Интересна въ смыслѣ правильнаго освѣщенія вопроса и мысль г. Кауфмана [2]), находящаго, что «аграрный вопросъ», т. е. пресловутое малоземелье, имѣетъ несравненно меньшее значеніе въ полосѣ нечерноземной и въ томъ еще отношеніи, что сибирская колонизація нечерноземныхъ переселенцевъ, какъ, напр., литовцевъ и бѣлоруссовъ, не тяготящихся ни суровымъ климатомъ, ни «гнусомъ», ни расчисткой земли изъ-подъ лѣса, имѣетъ неизмѣримо большую будущность, чѣмъ колонизація изъ мѣстностей черноземныхъ. Но если это такъ, если малоземелье имѣетъ въ различныхъ мѣстностяхъ совершенно различное и качественное и количественное значеніе, то какъ же не усомниться въ желательности и даже самой возможности рѣшать мѣстные вопросы тѣми мѣрами общаго характера, которыя намѣчаются авторами аграрныхъ проектовъ?

Но по существу дѣла неправильна и сама точка зрѣнія сторонниковъ дополнительнаго надѣленія, требующихъ его на основаніи недостаточности существующихъ надѣловъ. Эта точка зрѣнія совершенно игнорируетъ земли купчія и арендныя, дополняю-

---

[1]) Аграрный вопросъ, 28.
[2]) Ibid., 156.

щія и, какъ мы видѣли, весьма значительно надѣльное пользованіе крестьянъ. Доказать же, что при наличности условій потребности въ землѣ недостатокъ надѣльной земли не восполняется землей купчей или арендной, а также отхожими или мѣстными заработками населенія—есть задача совершенно невозможная. Даже отдаленно подойти къ разрѣшенію этой задачи возможно бы было лишь въ случаѣ всесторонняго и построеннаго на правильныхъ началахъ обслѣдованія не только отдѣльныхъ раіоновъ, напр. губерній и уѣздовъ, не только всѣхъ селъ и деревень, но и каждаго отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства. На практикѣ при этомъ неизбѣжно оказалось бы, что никакихъ ни общихъ, ни даже мѣстныхъ законодательныхъ мѣръ не представилось бы ни малѣйшей возможности установить, и пришлось бы законодательствовать для каждаго крестьянскаго двора въ отдѣльности,—что уже само по себѣ приводитъ къ абсурду идею законодательнаго врачеванія надѣльнаго малоземелья. Нечего, поэтому, прибавлять, что и матеріала для подобной работы въ настоящее время не имѣется, ибо существующая статистика изслѣдуетъ большею частью внѣшніе—формальные и второстепенные признаки крестьянскаго быта, а не существенные и главнѣйшіе [1]). Въ частности относительно купчихъ и арендныхъ земель едва ли возможно отвергать естественный порядокъ вещей, состоящій несомнѣнно

---

[1]) Въ частности по отношенію къ купчимъ землямъ Мануиловъ указываетъ лишь на то, что «значительная доля купчей земли пріобрѣтена группами зажиточнаго крестьянства и поэтому не является коррективомъ къ малоземелью». На это приходится возразить, что если и вѣренъ приводимый фактъ, то съ заключеніемъ не приходится согласиться ни въ какомъ случаѣ, за отсутствіемъ въ семъ силлогизмѣ второй посылки. Отождествленіе «менѣе зажиточныхъ» крестьянъ съ крестьянами «малоземельными» само еще нуждается въ доказательствѣ и на самомъ дѣлѣ по существу неправильно. Есть зажиточные и между малоземельными, и есть недостаточные и между крестьянами съ большими надѣлами. Подобныя указанія не могутъ быть названы даже слабой попыткой доказательства, представляя собою то, что зовется въ логикѣ idem per idem.

въ томъ, что при одинаковой потребности въ землѣ, обусловливаемой, въ свою очередь, цѣлымъ рядомъ факторовъ, земли больше покупаютъ и арендуютъ тѣ именно крестьяне, у которыхъ ея сравнительно меньше въ надѣлѣ. И это потому не можетъ быть иначе, что, чѣмъ кому земля нужнѣе, тѣмъ дороже онъ за нее и платитъ. Такимъ образомъ вопросъ малоземелья сводится къ вопросу о конкретной потребности въ землѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ то извѣстно деревенскимъ жителямъ, малоземельные раздѣляются на категоріи, которыя всѣ можно свести къ двумъ основнымъ типамъ. Къ первому относятся, на ряду съ издавна окрѣпшими на надѣльной, купчей или арендной землѣ, тѣ малоземельные, которые уходятъ на заработки, что имъ, какъ менѣе связаннымъ съ землей, очевидно, легче дѣлать, чѣмъ многоземельнымъ. Такіе малоземельные и даже безземельные крестьяне, заработавшіе деньги на сторонѣ и вернувшіеся домой, даютъ большой контингентъ покупателей и арендаторовъ, оказываясь сплошь и рядомъ богаче крестьянъ, сидящихъ на большомъ надѣлѣ. Ко второму же типу малоземельныхъ относятся тѣ, которые настолько ослабли экономически или настолько потеряли охоту къ землѣ, что не только не думаютъ о покупкѣ, но и свои-то надѣлы сдаютъ односельчанамъ. Что создаетъ этотъ второй типъ все-таки не малоземелье, видно уже изъ того, что крестьянъ этого типа столько же между малоземельными, сколько и между многоземельными. Но такихъ ослабшихъ и потерявшихъ къ землѣ охоту крестьянъ не въ состояніи поднять никакой дополнительный надѣлъ, даже такой, при которомъ земля отдавалась бы даромъ. Это не вольные земледѣльцы, а подневольные—servi poenae. Благодѣтеленъ будетъ для нихъ, какъ впрочемъ и для всѣхъ прочихъ разрядовъ крестьянъ, лишь тотъ законъ, который ихъ освободитъ отъ роковой крѣпости къ землѣ. Законъ безсиленъ создать то, что создается только трудомъ,—благосостояніе. Задача закона лишь въ облегченіи тѣхъ естественныхъ процессовъ, которые создаютъ и видоизмѣняютъ экономическія отношенія.

Сказанное о купчихъ земляхъ относится тѣмъ болѣе къ арендным. Болѣе земли при прочихъ равныхъ условіяхъ, т. е. прежде

всего при равномъ «обезпеченіи скотомъ и рабочими силами» [1]), надо, очевидно, тому, у кого ея меньше въ надѣлѣ. А что въ дѣйствительности дѣло такъ и стоитъ, на это даетъ косвенное указаніе самъ проф. Мануиловъ, приводя отзывъ Постникова, что бывшіе помѣщичьи крестьяне больше арендуютъ земли, чѣмъ государственные [2]). Между тѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне и суть малоземельные, сравнительно съ государственными, на что неоднократно указываетъ самъ Мануиловъ.

Какъ было указано въ предъидущей главѣ, изслѣдователи совершенно неправильно ограничиваются 49 или 50 губерніями Европейской Россіи. Но если вглядѣться въ ихъ эскизъ болѣе пристально, то окажется, что и эти 50 губерній отразились въ ихъ работахъ далеко не одинаково. Разработанными оказываются преимущественно, если не исключительно, данныя тѣхъ изъ земскихъ губерній, которыя входятъ въ центральную земледѣльческую полосу. Но разрѣшить при такихъ условіяхъ, что̀ въ начертанной картинѣ обусловлено въ частности той или иною величиной земельнаго обезпеченія и что̀ обусловлено общимъ вопросомъ оскудѣнія центра, является задачей едва ли достижимой. Курскій крестьянинъ несомнѣнно бѣдствуетъ. Но остается вопросомъ, потому ли онъ бѣдствуетъ, что слабо надѣленъ землей, или потому, что лишенъ крупныхъ городовъ и мѣстной промышленности? Подольскій крестьянинъ при вдвое меньшемъ надѣленіи сравнительно процвѣтаетъ. Но въ Подольской губерніи много мѣстечекъ—поселеній чисто городского характера; но тамъ вблизи границы, государство, сравнительно съ Курской губерніей, болѣе тратитъ и менѣе извлекаетъ изъ населенія. Еще богаче подольскаго ярославскій крестьянинъ. Но теменъ вопросъ, отъ того ли богаче онъ,

---

[1]) Даже этотъ совершенно естественный фактъ кажется г. Мануилову ненормальнымъ, и онъ приводитъ этотъ фактъ въ доказательство того, что арендная земля не всегда распредѣляется между съемщиками соотвѣтственно нуждѣ ихъ въ землѣ, забывая, что ѣдятъ не землю, а хлѣбъ. Хлѣба же «безъ рабочихъ силъ и скота» не получишь и при надѣлѣ въ 1000 дес. на душу.

[2]) Аграрный вопросъ, 40.

что надѣленъ шире на душу. На дворъ онъ надѣленъ даже слабѣе курскаго, но ему вмѣстѣ съ крестьянами Лифляндіи и Курляндіи, принадлежитъ несомнѣнно первое мѣсто въ Россіи по интенсивности земледѣльческой культуры, по высотѣ урожаевъ и развитію скотоводства. Что ярославецъ процвѣтаетъ не отъ обилія надѣльной земли, видно уже изъ того, что вдвое обильнѣе надѣленный самарецъ бѣдствуетъ. Въ чемъ же дѣло? Не въ томъ ли, что Ярославская губернія изъ тѣхъ, въ коихъ наиболѣе развиты отхожіе промыслы? Приходитъ на мысль и то, что ярославская сельская община, болѣе другихъ сохранившая распредѣленіе по тягламъ, одна изъ наименѣе искалѣченныхъ въ Россіи. Можетъ быть на судьбѣ ярославскаго крестьянства, сравнительно съ курскимъ, отразился и сравнительно высокій процентъ частной личной собственности (42%), въ то время какъ въ Курской онъ не выше 34%[1]). Что это не праздное предположеніе и что высокій процентъ въ мѣстности земель частнаго владѣнія, т. е. тѣхъ самыхъ земель, которыя теперь предполагаютъ ликвидировать авторы проектовъ, прямо пропорціоналенъ благосостоянію крестьянъ, показываетъ примѣръ губерній: Могилевской, Волынской, Подольской и вообще всѣхъ западныхъ, въ коихъ крестьянинъ не только не чахнетъ и не бѣднѣетъ, какъ на центральномъ черноземѣ, а наоборотъ—крѣпнетъ и богатѣетъ. Большимъ количествомъ частновладѣльческой земли отчасти объясняется и неизмѣримо болѣе быстрый ростъ и сильный притокъ населенія въ Новороссіи, сравнительно съ находящимися въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ, по рѣдкости населенія и плодородію почвы, восточными, заволжскими губерніями[2]). Во всякомъ случаѣ, и этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что въ дѣлѣ подъема крестьянскаго благосостоянія,—подъема мѣстами уже совершившагося,—на ряду съ замѣчаемымъ въ другихъ мѣстахъ несомнѣннымъ упадкомъ крестьянскаго благосостоянія, — въ этомъ дѣлѣ не только

---

[1]) Д. П. Семеновъ, Статистическій очеркъ крестьянскаго землевладѣнія, 3.

[2]) Ibid. 75.

общее малоземелье, составляющее, какъ мы видѣли, плодъ фантазіи изслѣдователей, но и частное, мѣстное, надѣльное малоземелье не можетъ играть сколько-нибудь существенной роли. Вопросъ крестьянскаго благосостоянія неотдѣлимъ отъ общихъ экономическихъ условій. На центральномъ черноземѣ онъ осложненъ вдобавокъ мѣстнымъ вопросомъ оскудѣнія центра, и строить на мѣстныхъ особенностяхъ основанія общей государственной реформы первостепенной важности, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, болѣе чѣмъ легкомысленно. Подобный законодательный зудъ объяснимъ лишь характеромъ переживаемой нами эпохи.

Какъ бы то ни было, частный и мѣстный фактъ надѣльнаго малоземелья совершенно не имѣетъ того значенія, которое хотятъ придать ему изслѣдователи, какія бы добросовѣстныя и полныя статистическія данныя они ни представляли (чего они, впрочемъ, не дѣлаютъ). Всѣ подобныя работы неизбѣжно останутся работами академическаго характера, какъ останется академическимъ, не получивъ практическаго значенія, всякій построенный на надѣльномъ малоземельи проектъ реформы—не только общей, но и частной по отношенію къ даннымъ группамъ населенія. Если къ чему и можетъ повести такой проектъ, то не къ улучшенію, а во всякомъ случаѣ къ ухудшенію положенія крестьянъ, и при томъ онъ ухудшитъ положеніе не только всѣхъ остальныхъ группъ крестьянства, удаливъ съ рынка множество земель, но и тѣхъ самыхъ группъ крестьянства, которыя предполагается облагодѣтельствовать дополнительнымъ надѣломъ, благодаря неизбѣжному сокращенію спроса на рабочія руки. Дѣло не въ теоретическомъ и грубо ариѳметическомъ врачеваніи абстрактнаго надѣльнаго «малоземелья», а въ конкретномъ удовлетвореніи живой потребности всякаго даннаго хозяйства въ землѣ. А при такой единственно правильной постановкѣ частный вопросъ надѣльнаго малоземелья низводится до фактора совершенно второстепеннаго значенія при разрѣшеніи вопроса о подъемѣ благосостоянія крестьянскаго населенія.

Совершенно искусственно возбужденный и невѣжественно возведенный въ перлъ созданія вопросъ надѣльнаго малоземелья,

этотъ жупелъ и металлъ старушки-академіи, есть вопросъ не только безполезный, но и прямо вредный, ибо Сцилла малоземелья со своей Харибдой — дополнительнымъ надѣломъ только стѣсняютъ, запутываютъ и затемняютъ путь, который надлежитъ избрать при разрѣшеніи вопроса о лучшемъ удовлетвореніи потребности населенія въ землѣ. Эта Сцилла и Харибда грозятъ окончательно разбить утлую ладью хозяйственной жизни крестьянъ. Чисто ариѳметическая точка зрѣнія изслѣдователей не проливаетъ на вопросъ никакого свѣта. Какое значеніе, въ самомъ дѣлѣ, можетъ имѣть ариѳметическій коэффиціентъ надѣла при несомнѣнности того факта, что въ однихъ мѣстахъ долженъ быть признанъ недостаточнымъ, при отсутствіи восполненія купчей и арендной землей или посторонними заработками, и такой надѣлъ, который въ другихъ мѣстахъ явился бы даже избыточнымъ. Минскій песокъ, напр., или Витебскій камень, очевидно, не могутъ въ той же мѣрѣ обезпечить бытъ земледѣльца, въ какой его обезпечиваетъ, при томъ же надѣльномъ коэффиціентѣ, подольскій черноземъ. И въ этомъ смыслѣ не было бы разрѣшеніемъ вопроса и установленіе нормъ не только для крупныхъ губернскихъ раіоновъ, но и для мелкихъ «мѣстностей», ибо качество земли въ двухъ рядомъ находящихся деревняхъ можетъ быть далеко не одинаково. Но вопросъ не только въ качествѣ земли, но и въ общихъ экономическихъ условіяхъ мѣстности. Какъ можно признать, напр., курянина съ его полутора-десятиннымъ надѣломъ менѣе обезпеченнымъ землей, чѣмъ самарца, которому его пять или семь десятинъ, при залежномъ хозяйствѣ, даютъ гораздо меньше, чѣмъ при трехпольѣ полторы или двѣ десятины [1]? Какъ можно приравнивать въ этомъ отношеніи чисто-земледѣльческія, безъ значительнаго развитія сельско-хозяйственныхъ производствъ, мѣстности съ другими, гдѣ развиты эти производства, или, напримѣръ лѣсные промыслы, дающіе столь значительный заработокъ крестьянству, какъ, напр., во всей нечерноземной полосѣ. Какъ можно приравнивать мѣстности съ большой доходностью земледѣлія и

---

[1]) **Кауфманъ, Аграрный вопросъ, 142.**

съ большими заработками, обусловленными близостью городовъ, къ мѣстностямъ, отъ городовъ удаленнымъ. Подобная кабинетная ариѳметическая справедливость при первомъ своемъ прикосновеніи къ жизни окажется вопіющей несправедливостью и несообразностью экономической. И она окажется одинаково несправедливой и безсмысленной какъ въ томъ случаѣ, если для опредѣленія того, кого надо надѣлять дополнительно, будетъ выхваченъ до нелѣпости формальный и механическій внѣшній признакъ надѣленія въ 1861 г. не свыше нормы высшаго или указнаго надѣла, такъ и въ томъ случаѣ, если субъектомъ права на дополнительный надѣлъ будутъ признаны тѣ 3 милл. душъ, которыя въ 1900 г., согласно вычисленію Мануилова на основаніи данныхъ 1877—1878 гг., владѣли не свыше 2 дес. на душу.

Но общенародное и святое дѣло крестьянскаго благосостоянія не только не въ имѣющемъ третьестепенное значеніе надѣльномъ малоземельи, но и вообще вовсе не въ вопросѣ обезпеченія землей. Такіе факторы, какъ вышеуказанная близость городовъ и промышленныхъ центровъ, развитіе мѣстныхъ производствъ и промысловъ и при томъ не только кустарныхъ крестьянскихъ, но и частно-владѣльческихъ сельско-техническихъ или лѣсныхъ самымъ кореннымъ образомъ измѣняютъ и всю картину крестьянскаго хозяйства и быта и конкретный бюджетъ каждаго крестьянскаго двора въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Нѣтъ сомнѣнія, что многія мѣстности въ этомъ отношеніи поднялись за послѣднее время, а другія упали. Но бороться съ этимъ мѣстнымъ паденіемъ путемъ общихъ мѣръ, направленныхъ на внѣшній и второстепенный признакъ надѣльнаго малоземелья, было бы такъ же безумно, какъ было бы, напр., безумно бороться съ холодной температурой комнаты путемъ держанія свѣчи подъ висящимъ на стѣнѣ этой комнаты градусникомъ: отъ повышенія ртути въ градусникѣ комната не стала бы теплѣе; вдобавокъ по отношенію къ крестьянскому хозяйству невѣренъ и самый градусникъ надѣльнаго малоземелья.

Зачѣмъ придумывать состоящія въ полномъ противорѣчіи съ фактами односороннія объясненія оскудѣнія крестьянства въ раз-

личныхъ мѣстностяхъ и дѣлать совершенно безплодныя сложныя вычисленія надъ многочисленными рядами цифръ сомнительной достовѣрности и вдобавокъ не имѣющихъ въ дѣйствительности придаваемаго имъ значенія, когда вопросъ для отдѣльныхъ мѣстностей совершенно ясенъ безъ всякихъ сложныхъ толкованій и объясненій. «У насъ», пишетъ Козловскій корреспондентъ въ случайно мнѣ попавшемся № «Новаго Времени», «всѣ аграрные безпорядки объясняють малоземельемъ, забывая самую простую истину, что человѣка кормитъ не земля только, но и трудъ. Прежде Тамбовская губернія зарабатывала въ зимніе мѣсяцы 12 милліоновъ рублей извозомъ. Теперь этотъ доходъ отошелъ желѣзнымъ дорогамъ и ничѣмъ не замѣненъ. Послѣдніе фабрики и заводы закрылись, не выдержавъ конкурренціи, въ 1877 и 1879 годахъ. До того времени въ Тамбовской губерніи было много суконныхъ, шерстяныхъ, ковровыхъ фабрикъ и кожевенныхъ заводовъ, работавшихъ только при денномъ свѣтѣ и исключительно шесть зимнихъ мѣсяцевъ... Теперь народонаселеніе увеличилось болѣе чѣмъ вдвое и ничего не дѣлаетъ шесть зимнихъ мѣсяцевъ. Ничегонедѣланіе въ продолженіе шести мѣсяцевъ развиваетъ лѣнь, пьянство и воровство. Въ зимніе шесть мѣсяцевъ бываетъ почти въ 7 разъ болѣе кражъ, чѣмъ въ лѣтніе». Съ другой стороны, весьма цѣнныя для характеристики значенія большихъ надѣловъ и вообще многоземелья указанія даетъ и г. Кáуфманъ [1]), удостовѣряющій, что у водворенныхъ въ Киргизской степи крестьянъ «при громадныхъ надѣлахъ и неограниченной возможности дешевой аренды у киргизовъ — въ результатѣ хроническіе неурожаи и голодовки, громадныя продовольственныя и всякія иныя недоимки». На отсутствіе стороннихъ заработковъ въ Сибири, какъ на главную причину трудности прочно обосновать переселенческое хозяйство, совершенно парализующую выгодныя стороны земельнаго простора, жаловались мнѣ всѣ возвратившіеся изъ Сибири переселенцы, и я увѣренъ, что всякому, кто сколько-нибудь сталкивался съ этимъ вопросомъ, извѣстны многочисленныя сви-

---

[1]) Аграрный вопросъ, 158.

дѣтельства этого рода. А у насъ еще до сихъ поръ и сердобольныя дамы и университетскіе профессора видятъ въ многоземельи панацею противъ всѣхъ печальныхъ сторонъ деревенскаго быта. При этомъ забываютъ, что, по скольку возможно у насъ создать многоземелье (возможность эта, какъ увидимъ, весьма относительна и по существу дѣла незначительна), это невозможно сдѣлать иначе, какъ за счетъ стороннихъ заработковъ того же крестьянства, которое хотятъ облагодѣтельствовать. Отчужденіе частновладѣльческой земли, прежде всего, уничтожитъ всѣ заработки крестьянъ, съ нею связанные. А эти заработки имѣютъ столь кординальное значеніе для благосостоянія крестьянъ, что г. Пестржецкій [1]) слишкомъ осторожевъ, полагая, что частно-владѣльческая земля даетъ крестьянамъ столько же въ видѣ заработной платы, сколько даетъ надѣльная въ видѣ урожая, т. е. въ среднемъ 15 р. на десятину. Безусловная необходимость для крестьянъ сохраненія частновладѣльческихъ хозяйствъ обостряется въ весьма широкомъ кругѣ мѣстностей печальной у насъ возможностью полнаго недорода хлѣбовъ,—недорода, иногда не окупающаго даже сѣмянъ. При такихъ условіяхъ значеніе «среднихъ» цифръ получаетъ академическій характеръ и особенно ярко выступаетъ, насколько хозяйство частно-владѣльческое является въ буквальномъ смыслѣ conditio sine qua non хозяйства крестьянскаго, какъ бы страхуя его отъ послѣдствій неурожая. Къ тому же не только земледѣльческіе, но и иного рода заработки получаетъ крестьянинъ отъ частновладѣльческой экономіи, въ той или другой формѣ и степени. Постоянное въ экономіяхъ возведеніе и ремонтъ построекъ, работа грабарская и плотничная, лѣсныя работы, перевозка самыхъ разнообразныхъ грузовъ и т. п.—все это настолько поддерживаетъ мѣстное населеніе, что можно не сомнѣваться въ большей для крестьянъ доходности всякой частновладѣльческой культурной десятины, сравнительно съ таковой же надѣльной. Если это преимущественное для крестьянъ значеніе экономическихъ заработковъ мѣстами и не выступаетъ столь

---

[1]) «Новое Время». № 10690.

рѣзко, напримѣръ, тамъ, гдѣ развиты пеньководство, льноводство, а также мелкія культуры табака и другихъ торговыхъ растеній, то несомнѣнно дѣлу расширенія этихъ культуръ полагаютъ недалекій предѣлъ условія рынка, а не малоземелье. Поэтому и эти мѣстности не ослабляютъ общаго вывода о кардинальномъ для крестьянъ значеніи владѣльческихъ экономій.

Послѣ всего сказаннаго выше не можетъ показаться парадоксальнымъ мнѣніе, что при господствующихъ въ настоящее время формахъ крестьянскаго землепользованія надѣльное малоземелье является факторомъ не упадка, а наоборотъ,—прогресса въ народно-хозяйственной жизни страны. Въ частности не можетъ подлежать сомнѣнію благотворное вліяніе этого фактора какъ разъ на ту часть русскаго крестьянства, которая будто бы гибнетъ отъ этого самаго малоземелья. Нельзя забывать, что въ силу самаго факта ограниченности надѣла малоземельные менѣе страдаютъ отъ тѣхъ темныхъ сторонъ крестьянскаго надѣльнаго владѣнія, которыя извѣстны всякому жителю деревни. Не предполагаю поднимать здѣсь споръ объ общинѣ. Споръ этотъ безплоденъ оттого, что происходитъ большею частью на почвѣ противоположенія коллективной собственности собственности индивидуальной и неограниченной. Между тѣмъ наше надѣльное владѣніе не есть коллективная собственность и не есть собственность индивидуальная и неограниченная,—то владѣніе недробимыхъ и неотчуждаемыхъ крестьянскихъ хуторовъ, къ которому намъ надо стремиться, чтобы не умереть съ голоду, и которое, прикрѣпивъ не крестьянина къ землѣ, а землю къ крестьянину, надо надѣяться, рано или поздно смѣнитъ губящую русскій народъ экономическо-правовую анархію крестьянскаго надѣльнаго хозяйства. Не входя пока въ разсмотрѣніе этого главнѣйшаго, если не единственнаго, нашего аграрнаго вопроса, ограничимся лишь указаніемъ по отношенію къ малоземельнымъ. Всѣ препятствующія личной иниціативѣ и подъему производительности крестьянскаго земледѣлія стороны надѣльнаго владѣнія, какъ-то: душевой надѣлъ и связанное съ нимъ измельчаніе полосъ, періодическіе передѣлы, дѣлежъ луговъ при общин-

номъ владѣніи, а равнымъ образомъ безконечные многочисленные судебные и внѣсудебные споры изъ-за надѣловъ, раздѣловъ и опекъ, разбросанность и удаленность полевыхъ участковъ, ихъ черезполосность и многополосность съ вытекающей отсюда огромной потерей полевой площади, благодаря межевымъ бороздамъ и т. п. черты обезсиливающихъ крестьянство аграрныхъ условій, общихъ какъ мірскому, такъ и подворному владѣнію, отражаются, очевидно, менѣе тяжко на малоземельныхъ крестьянахъ въ силу самаго факта незначительности находящейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли. Малоземельные менѣе многоземельныхъ заинтересованы въ надѣльныхъ дѣлахъ; они фактически менѣе зависимы отъ міра и легче могутъ выйти изъ круга обязательныхъ отношеній надѣльнаго владѣнія. А если это такъ, то всякій, кто проникнутъ очевидностью невозможности поднять производительность крестьянскаго земледѣлія при существующихъ формахъ надѣльнаго владѣнія, долженъ согласиться, что именно путемъ отслоенія малоземельныхъ отъ многоземельныхъ, на ряду съ образованіемъ многочисленнаго класса безземельныхъ крестьянъ, и происходитъ въ настоящее время освобожденіе русскаго народа отъ рабства надѣльнаго владѣнія. Во избѣжаніе неправильнаго толкованія того, что̀ высказано выше, я долженъ добавить, что понимаю это «освобожденіе» отнюдь не въ смыслѣ уничтоженія сословнаго характера крестьянскаго землевладѣнія или широкой мобилизаціи надѣльныхъ земель и осуществленія у насъ марксистскаго идеала сельскаго пролетаріата, но, наоборотъ, въ постепенномъ созданіи изъ безземельныхъ и малоземельныхъ крѣпкаго и состоятельнаго крестьянскаго класса хуторянъ—отнюдь не неограниченныхъ собственниковъ, но независимыхъ владѣльцевъ недробимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ, подобныхъ американскимъ гомстедамъ [1]). По такому типу могло бы сложиться на те-

---

[1]) Исходя изъ идеи равновѣсія между всѣми видами и формами землевладѣнія и землепользованія, какъ наилучшаго аграрнаго устройства, наиболѣе обезпечивающаго возможный подъемъ производительности сельскаго хозяйства, надо признать, что созданіе недробимыхъ

перешнихъ надѣльныхъ земляхъ и остальное крестьянство. Къ сельскому же пролетаріату мы придемъ неизбѣжно, если встанемъ на точку зрѣнія дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ. Мы этимъ искусственно прикрѣпимъ ихъ еще крѣпче къ тому самому надѣльному владѣнію, отъ котораго гибнетъ все крестьянство. Это и жестоко и безсмысленно. Развѣ не безсмысленно такое положеніе, при которомъ рискуетъ обратиться въ пролетарія крупнѣйшій въ мірѣ землевладѣлецъ, вдобавокъ свободный отъ какого-либо ипотечнаго долга? Всякій сторонникъ измѣненія такого положенія долженъ, если онъ хочетъ быть послѣдовательнымъ, не печалиться, а радоваться всякому обостренію надѣльнаго малоземелья. Онъ долженъ думать не о дополнительномъ надѣлѣ, а, какъ разъ наоборотъ, о тѣхъ или иныхъ формахъ выдѣленія или отрѣзки части надѣльныхъ земель для обращенія въ другой видъ владѣнія.

Съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ русскаго крестьянства нельзя упускать изъ вида и ту сторону надѣльнаго малоземелья, что имъ въ извѣстной степени обезпечивается тотъ minimum потребности частновладѣльческаго хозяйства и сельской промышленности въ рабочей силѣ, безъ удовлетворенія котораго, думается мнѣ, русскій народъ умеръ бы съ голоду. Революціонный вопль отмщенія «эксплоататорамъ помѣщикамъ» можетъ быть, въ условіяхъ нашего времени, прекрасной реторической фигурой, но, говоря о землеустройствѣ, необходимо покинуть почву

и неотчуждаемыхъ семейныхъ участковъ не исключаетъ возможности и желательности, на ряду съ этимъ основнымъ типомъ крестьянскаго землепользованія, и другихъ формъ. Таковыми могутъ быть: хутора, владѣемые крестьянами на правѣ полной и неограниченной собственности, а также хутора, находящіеся въ пользованіи крестьянъ на арендномъ правѣ. Нечего добавлять, что найдется много случаевъ, гдѣ, по природнымъ или инымъ условіямъ, еще можетъ быть надолго придется сохранить надѣльное владѣніе, но, разумѣется, не современную бюрократическую общину съ сельскимъ сходомъ и душевымъ надѣломъ, но общину бытовую, съ распредѣленіемъ земли по тягламъ.

реторики и перейти на народно-хозяйственную. Есть много причинъ, изъ-за которыхъ самое существованіе частновладѣльческихъ хозяйствъ можно признать эфемернымъ, но въ числѣ ихъ занимаетъ не послѣднее мѣсто недостатокъ рабочихъ рукъ, нашедшій столь рельефное выраженіе въ повсемѣстномъ и непропорціональномъ съ подъемомъ доходности повышеніи заработной платы въ сельскомъ хозяйствѣ за послѣднее десятилѣтіе. И было бы весьма плохой услугой крестьянству обострять въ этомъ отношеніи положеніе частновладѣльческаго хозяйства, такъ какъ по крайней мѣрѣ $^2/_3$ рабочаго времени крестьянъ не будутъ въ состояніи, какъ увидимъ далѣе, найти себѣ приложеніе исключительно въ крестьянскомъ хозяйствѣ даже при самомъ широкомъ дополнительномъ надѣлѣ. Эта вакантная рабочая сила крестьянъ можетъ найти себѣ приложеніе прежде всего въ хозяйствѣ частновладѣльческомъ, которое, будь хоть сколько-нибудь сноснѣе хотя бы политическія и правовыя условія его существованія, можетъ расширеніемъ вширь и вглубь хозяйственной инициативы въ самое короткое время удвоить и утроить свою потребность въ рабочей силѣ крестьянъ. Поэтому широкую поддержку крестьянскому хозяйству можетъ оказать прежде всего расширеніе хозяйства частновладѣльческаго. Надѣловъ же какъ ни расширяй, они не покроютъ даже продовольственныхъ нуждъ населенія. Эти нужды могутъ быть покрыты лишь повышеніемъ производительности; послѣдняя же, какъ то признаютъ всѣ изслѣдователи, значительно выше въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, чѣмъ въ крестьянскомъ [1]). Такимъ образомъ выходитъ, что авторы аграрныхъ проектовъ желаютъ лучше накормить людей, уменьшивъ въ странѣ количество хлѣба, что̀ уже само по себѣ есть безуміе. Позволительно въ частности спросить, какимъ образомъ будетъ

---

[1]) Съ противоположнымъ мнѣніемъ пришлось встрѣтиться въ Земельныхъ нуждахъ деревни А. В. Пѣшехонова (стр. 38). Но мотивировка автора доказываетъ только отсутствіе у него непосредственнаго знакомства съ трактуемымъ предметомъ или недобросовѣстность его, какъ изслѣдователя. Подробнѣе о томъ же вопросѣ см. ниже въ III главѣ.

«дополнительно надѣленная» Россія балансировать съ иноземными странами свой разсчетный балансъ, когда не будетъ того хлѣба, вывозомъ коего поддерживается въ настоящее время этотъ балансъ? Отвѣтъ одинъ: вымираніемъ русскаго народа отъ голода, ибо наши любители проектовъ не напишутъ, къ сожалѣнію, такого проекта, который могъ бы воспрепятствовать нѣмцамъ и англичанамъ вырывать нужный имъ хлѣбъ изо рта русскаго народа. Не оплатить же разсчетнаго баланса — это есть для насъ финансовое банкротство, отреченіе отъ всей нашей исторіи, потеря политической независимости и живой національной личности. Таковы отрадныя и заманчивыя перспективы, въ которыя увлекаютъ насъ подъ видомъ дополнительнаго надѣла.

Если частные землевладѣльцы не распродали доселѣ своихъ земель, хотя въ среднемъ такая продажа увеличила бы по крайней мѣрѣ вдвое ихъ доходъ, то этимъ они только доказываютъ родовую привязанность къ землѣ и несомнѣнный патріотизмъ. У насъ дѣло обстоитъ такъ, что во многихъ имѣніяхъ (главнымъ образомъ въ нечерноземной полосѣ) пустуютъ обширныя, обременяющія владѣльцевъ, пустоши, выгоны и участки запущенной пашни, а съ другой стороны крестьянское населеніе ощущаетъ живую потребность въ землѣ. Возможнымъ и желательнымъ выходомъ изъ такого положенія является обращеніе некультурныхъ площадей въ культурныя, т. е. переходъ части этихъ пустошей въ аренду или владѣніе крестьянъ, но, конечно, не въ формѣ принудительнаго дополнительнаго надѣленія, а въ формѣ свободнаго удовлетворенія живой потребности въ землѣ на началахъ свободной конкурренціи, которая одна только въ состояніи выдѣлить изъ общей массы крестьянскаго населенія тѣ группы крестьянъ, которыя дѣйствительно въ землѣ нуждаются. Одновременно съ такимъ переходомъ части пустошей въ крестьянскія руки должно расширяться частновладѣльческое хозяйство за счетъ другой ихъ части. Оба указанные выхода представляютъ собою *борьбу человѣка съ природой*, и только эта борьба, а не искусственное расширеніе одного вида владѣнія за счетъ другого можетъ поднять общее благосостояніе народа. Но какъ ни несовершенно,

какъ ни неполно проявлялась доселѣ эта борьба вслѣдствіе непроникшаго въ насъ сознанія благодѣтельности начала конкурренціи, а также вслѣдствіе беземельнаго бюрократизма правительственной политики, все то немногое, что̀ достигнуто въ этомъ отношеніи, достигнуто въ силу того, что̀ называется изслѣдователями «малоземельемъ». Всякая мѣра, направленная къ уменьшенію надѣльнаго малоземелья, поэтому, только замедлитъ естественный процессъ органическаго исправленія недостатковъ нашего аграрнаго устройства, уменьшивъ энергію этого благодѣтельнаго процесса.

Но у этого вопроса есть еще одна сторона, которою никоимъ образомъ пренебрегать не слѣдуетъ. Я всецѣло стою въ дѣлѣ устроенія русской жизни на земледѣльческой точкѣ зрѣнія и въ частности полагаю, что вдохновлять и осуществлять внутреннее управленіе такой земледѣльческой страны, какъ Россія, должны быть призваны главнымъ образомъ землевладѣльцы и земледѣльцы; что интересами государства должны быть у насъ прежде всего признаны интересы сельскихъ мѣстностей. Но прежде всего надо условиться о точномъ значеніи понятія земледѣльческой страны, ибо исключительность земледѣлія, какъ главной основы народнаго благосостоянія, встрѣчаетъ естественный предѣлъ въ достаточномъ у насъ разнообразіи климатическихъ, почвенныхъ, оро- и гидрографическихъ, а также геологическихъ условій, которыя, на ряду съ историческимъ раздѣленіемъ народнаго труда, дѣлаютъ Россію самодовлѣющимъ органомъ. Поэтому въ интересы земледѣлія входитъ и развитіе русской промышленности, долженствующей обезпечивать независимость нашу отъ чужеземныхъ народовъ. Поднять благосостояніе нашего земледѣльческаго населенія нельзя, поэтому, безъ расширенія внутренняго рынка для продуктовъ земледѣлія. Такимъ рынкомъ служатъ, во-первыхъ, города, ростъ коихъ прямо обусловливается ростомъ промышленности и торговли; но возможно и желательно, на ряду съ развитіемъ городской жизни, созданіе у насъ ремеслъ и промышленности въ мѣстностяхъ сельскихъ, и кое-гдѣ эта промышленность уже существуетъ; существуетъ и промежуточная сельско-городская форма

промышленности: какъ извѣстно, даже крупныя фабрики отдаютъ значительную часть своихъ работъ земледѣльцамъ, и эти работы производятся крестьянами на дому, иногда на дальнемъ отъ фабрикъ разстояніи. Всѣ эти три формы промышленности увеличиваютъ рынокъ земледѣлія и отвлекаютъ отъ него нѣкоторую часть крестьянскаго населенія. Таково же вліяніе неземледѣльческихъ отхожихъ заработковъ (ярославцы московскихъ трактировъ, городскіе дворники и извозчики изъ подгородныхъ мѣстностей, шахтеры копей Донецкаго бассейна и т. п.). Этому отвлеченію части сидящаго на надѣлахъ крестьянскаго населенія отъ земледѣлія суждено сыграть крупную и благодѣтельную роль въ дѣлѣ хозяйственнаго устроенія остальной части крестьянства, остающейся въ деревнѣ и занимающейся земледѣліемъ. И эта сторона дѣла имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ Россіи, гдѣ, въ силу климатическихъ условій, земледѣльческій трудъ не можетъ не прекращаться въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году. Но даже и въ остальные шесть мѣсяцевъ земледѣліе, какъ надѣльное, такъ и арендно-купчее и частно владѣльческое, не можетъ занять всей массы крестьянства. Поэтому всякая мѣра, направленная къ искусственному удержанію крестьянъ на землѣ, даже столь незначительная по своему дѣйствію, какъ, напр., проектъ дополнительнаго надѣленія, должна быть признана пагубной и для всей экономической жизни страны и для тѣхъ самыхъ категорій населенія, въ пользу которыхъ она намѣчается. Всякая такая мѣра неизбѣжно сократитъ благодѣтельное дѣйствіе надѣльнаго малоземелья.

Къ сказанному остается добавить, что всѣ соображенія о значеніи надѣльнаго малоземелья относятся всецѣло и къ крестьянамъ, получившимъ четвертные или дарственные надѣлы. Ихъ выдѣляютъ въ особую группу и предполагаютъ надѣлить землей не только сторонники, но и многіе противники дополнительнаго надѣла. Но такое выдѣленіе дарственниковъ, неправильное логически, не оправдывается къ тому же никакимъ реальнымъ фактомъ и объясняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что категорія дарственниковъ малочисленна, и поэтому, казалось бы, надѣленіе ихъ землей не должно встрѣтить тѣхъ препятствій, ко-

торыя неизбѣжны при надѣленіи болѣе широкихъ круговъ крестьянства. Дарственниковъ было, по свѣдѣніямъ Ходскаго, въ 37 губерніяхъ менѣе 1% общаго числа крѣпостныхъ[1]), и надѣлить ихъ, конечно, легче, чѣмъ всѣхъ малоземельныхъ. Къ тому же часть ихъ, по свидѣтельству Д. П. Семенова[2]), уже пріобрѣла землю, т. е., надо думать, именно та часть ихъ, которая имѣла потребность въ землѣ. Но, спрашивается: откуда исходитъ требованіе надѣленія дарственниковъ? Оно исходитъ, несомнѣнно, изъ того же признанія надѣльнаго малоземелья, какъ источника бѣдствій крестьянства, а несостоятельность этого взгляда мы и старались посильно выяснить. Поэтому тотъ, кто согласенъ съ основнымъ нашимъ положеніемъ, т. е. тотъ, кто противъ дополнительнаго надѣленія вообще, не можетъ, не рискуя быть непослѣдовательнымъ, оказаться сторонникомъ надѣленія дарственниковъ въ частности, и, наоборотъ, если наши противники правы въ частномъ вопросѣ о дарственникахъ, то они неизбѣжно правы и въ общемъ вопросѣ о надѣленіи малоземельныхъ, ибо разница между тѣми и другими лишь количественная, а не качественная. Но сторонники дополнительнаго надѣла равно неправы какъ въ общемъ вопросѣ о «малоземельныхъ», такъ и въ частномъ — о «дарственникахъ». Основанное на отдѣльныхъ примѣрахъ утвержденіе, что послѣдніе находятся въ особенно тяжкомъ положеніи[3]), такъ же голо-

---

[1]) Цитирую по Мануилову, Аграрный вопросъ, 18.

[2]) Статистическій очеркъ крестьянскаго землевладѣнія, 90.

[3]) Аграрный вопросъ, 27. Здѣсь проф. Мануиловъ опять прибѣгаетъ къ своему излюбленному пріему логически-неправильныхъ доказательствъ idem per idem. Долженствующее уменьшить малоземелье дарственниковъ надѣленіе ихъ требуется во имя бѣдственности ихъ положенія. Но это бѣдственное положеніе, въ свою очередь, доказывается ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же малоземельемъ. И подъ такимъ научнымъ «изслѣдованіемъ» не стыдится подписаться полнымъ именемъ профессоръ Московскаго университета! Здѣсь же приводятся, между прочимъ, данныя г. Серебрякова, изъ коихъ оказывается, что съ 1861 года число дарственниковъ въ Симбирской губерніи возросло съ 40.000 до 112.000. Если примѣнить къ этимъ цифрамъ совершенно

словно, какъ было бы голословно лишенное мотивировки обратное утвержденіе, основанное на многочисленныхъ примѣрахъ такихъ селъ съ дарственнымъ надѣломъ, какъ, напр., Павлово и Ворсма Нижегородской губерніи, хлѣботорговое село Промзино Симбирской губерніи и другія, которыя особенно процвѣли и разбогатѣли. Эти примѣры показываютъ, что, во всякомъ случаѣ, дарственный надѣлъ не препятствуетъ создаваться благосостоянію тамъ, гдѣ есть условія для его созданія. Вопросъ и здѣсь не въ размѣрѣ надѣльнаго землевладѣнія, а въ совокупности мѣстныхъ экономическихъ условій. Въ числѣ ихъ надѣльное малоземелье не только занимаетъ послѣднее мѣсто, но, какъ мы видѣли, является первымъ и необходимымъ стимуломъ освобожденія крестьянъ отъ ига господствующихъ формъ землепользованія, тѣмъ стимуломъ, подъ вліяніемъ котораго развивается покупка и аренда земель и мѣстные промыслы и совершается разумный и желательный отливъ части населенія въ города, на окраины и на фабрики.

Есть основанія предполагать, что стимулъ малоземелья оказалъ бы неизмѣримо болѣе могущественное дѣйствіе въ дѣлѣ подъема народнаго благосостоянія, если бы въ 1861 году четвертные надѣлы получили болѣе широкую область примѣненія, и такимъ образомъ группа дарственниковъ оказалась бы болѣе значительной. Такимъ образомъ не только не приходится винить Положеніе 19 февраля за допущеніе дарственныхъ надѣловъ, но

нами нераздѣляемый, но излюбленный г. Мануиловымъ методъ «государственнаго освѣщенія», то окажется, что населеніе дарственниковъ за эти 40 лѣтъ возросло на 180%, въ то время, какъ вообще крестьянское населеніе возросло: приписное на 64%, а наличное только на 52%. Такимъ образомъ, опираясь на приводимыя г. Мануиловымъ цифры и его же «научный методъ», который есть, повидимому, перифразъ извѣстнаго выраженія Горбуновскаго героя: съ хорошей жизни не полетишь, приходится придти къ заключенію, что дарственники не только не находятся въ бѣдственномъ положеніи, но, наоборотъ, особенно быстро, сравнительно съ прочими группами крестьянъ, размножаются и процвѣтаютъ.

слѣдуетъ сожалѣть, что законъ въ излишне категорической формѣ выдвинулъ принципъ отчужденія помѣщичьихъ земель.

Выводъ о дарственникахъ распространяется въ полной мѣрѣ и на крестьянъ безземельныхъ. «Надѣленіе» ихъ, при существующихъ формахъ землепользованія, не будучи обезпеченіемъ ихъ быта, сдѣлается, наоборотъ, неизбѣжнымъ источникомъ рабской зависимости ихъ отъ надѣльно-полоснаго владѣнія, отъ котораго безземельные, къ счастью, еще свободны. Законъ и въ этомъ случаѣ долженъ не нарушать, а облегчать ту естественную группировку безземельныхъ, въ силу которой однѣ группы отвлекаются въ частно владѣльческое хозяйство, въ промыслы и города, а другія постепенно осѣдаютъ на купчей или арендной землѣ. Нечего добавлять, что изъ того, что безземельныхъ не слѣдуетъ «надѣлять», нельзя дѣлать вывода о томъ, что не слѣдуетъ удовлетворять ихъ потребность въ землѣ. Эта потребность безземельныхъ должна удовлетворяться такъ же широко, какъ и спросъ на землю со стороны всѣхъ остальныхъ классовъ населенія.

III.

ЛИКВИДАЦІЯ ЧАСТНОВЛАДѢЛЬЧЕСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ФОРМѢ ДОПОЛНИТЕЛЬНАГО НАДѢЛА.

Незначительность расширенія крестьянскаго землепользованія при отчужденіи во владѣніе крестьянъ всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, городскихъ и частновладѣльческихъ земель.—Пагубное вліяніе такого отчужденія на благосостояніе крестьянъ со стороны обезпеченія населенія заработкомъ и со стороны продовольственной.—Голодная смерть русскаго народа и финансовое банкротство Россіи, какъ неизбѣжный результатъ ликвидаціи частнаго землевладѣнія.—Общее пониженіе культурныхъ условій и сокращеніе сельской и городской промышленности и торговли подъ вліяніемъ той же причины.—Тожественность результатовъ экспропріаціи всей земельной собственности съ результатами ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства по проекту дополнительнаго надѣла. — Разореніе всѣхъ разрядовъ крестьянства подъ вліяніемъ дополнительнаго надѣла.—Полная правовая необоснованность проекта.—Его характеръ сословной привилегіи и не вытекающей изъ природы существующихъ отношеній подражательности реформѣ 1861 г. — Политическая сущность и подпочва проекта.—Отношеніе дополнительнаго надѣла къ идеямъ національзаціи земли: революціонная «соціализація» и планъ Г. Джорджа.—Частныя замѣчанія по поводу проекта дополнительнаго надѣла: несообразности и путаница, связанныя съ признаніемъ права собственности крестьянъ на отчуждаемыя земли, а также съ отношеніемъ крестьянской аренды въ случаѣ національзаціи отчуждаемыхъ земель; физическая неосуществимость надѣленія; коллизіи между малоземельемъ и потребностью въ землѣ; отклоненіе дополнительнымъ надѣломъ государственной аграрной политики отъ единственно-правильнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса.

Что же изъ себя представляютъ, во всей своей реальности, построенные на основаніи признака надѣльнаго малоземелья проекты? Прежде всего возникаетъ вопросъ общаго характера, а

именно: въ сколь значительномъ размѣрѣ вообще достижимо, при имѣющейся въ Европейской Россіи наличности внѣнадѣльныхъ земель, увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія? Вотъ что по этому поводу говоритъ проф. Чупровъ:

«Представимъ себѣ, что вся удобная земля, находящаяся въ Европейской Россіи, какимъ-либо чудомъ попала въ руки крестьянъ. Насколько увеличилась бы чрезъ то площадь ихъ землевладѣнія? По единственно полнымъ, но нынѣ уже сильно устарѣлымъ свѣдѣніямъ 1877—1878 гг., все землевладѣніе крестьянъ исчисляется въ 131 милліонъ десятинъ. Всѣхъ прочихъ земель, кромѣ крестьянскихъ и государственныхъ, считается 108 милл. дес.; если къ нимъ присоединить еще 4 милл. дес. изъ государственныхъ земель, то и въ такомъ случаѣ прибавляющаяся площадь была бы меньше той, которая имѣется нынѣ во владѣніи крестьянъ. Но не нужно забывать, что прибавка не будетъ достигать даже этого размѣра: около половины частновладѣльческихъ, удѣльныхъ и государственныхъ удобныхъ земель уже теперь находится въ пользованіи крестьянъ на арендномъ правѣ...

Обращеніе всей удобной земли въ собственность крестьянъ увеличило бы нынѣшнее ихъ пользованіе на 72 милл. дес., или на 42%» [1]).

Но будемъ щедрѣе проф. Чупрова и предоставимъ крестьянамъ, забывъ о государственномъ значеніи лѣсной площади, не только 4 милл. дес. такъ называемыхъ казенныхъ «оброчныхъ статей», но и всю площадь казенныхъ лѣсовъ и все удѣльное землевладѣніе, преимущественно лѣсное. Казенныхъ лѣсовъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, имѣется 107 милл. дес., но изъ нихъ 94 милл. дес. расположены въ 6 сѣверныхъ губерніяхъ и, очевидно, для земледѣльческаго пользованія крестьянъ не годятся. Но все-таки и въ земледѣльческихъ губерніяхъ казенные лѣса составляютъ весьма значительную площадь въ 13 милл. дес. Изъ 7.367.000

[1]) Цитируется по Мануилову, Аграрный вопросъ, 64.

дес. удѣльныхъ земель 4.540.000 дес. находятся въ 7 сѣверныхъ губерніяхъ и потому опять-таки для крестьянъ не годятся. Но все-таки, за исключеніемъ этихъ 4.540.000 дес., останется около 3 милл. дес. удѣльной земли, годной для земледѣльческаго пользованія.

Принявъ для частновладѣльческихъ земель (вмѣстѣ съ городскими, монастырскими и др.) цифру проф. Мануилова 96 милл. дес. [1]) и сложивъ эту цифру съ предыдущими, получаемъ:

казенныхъ оброчныхъ статей	4	милл.	дес.
казенныхъ лѣсовъ	13	»	»
удѣльныхъ земель и лѣсовъ	3	»	»
частновладѣльческихъ земель	96	»	»
Итого	116	милл.	дес.

Но изъ этого количества minimum 50 милл. дес. (см. стр. 4—6) уже находятся въ арендномъ пользованіи крестьянъ, такъ что для сравненія современнаго землепользованія крестьянъ съ тѣмъ, что они будутъ имѣть въ случаѣ перехода къ нимъ всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель, необходимо изъ полученнаго итога 116 милл. дес. вычесть 50 милл. дес. арендныхъ земель. Остается 66 милл. дес. Вотъ эту-то прибавочную площадь и надо сравнить съ площадью теперешняго крестьянскаго землепользованія. Послѣдняя, согласно вышеприведенному разсчету (стр. 8), равна 225 милл. дес. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается, что переходъ къ крестьянамъ всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель увеличитъ крестьянское землепользованіе менѣе, чѣмъ на 30%. Если же исключить изъ этого разсчета 13 милл. дес. казенныхъ лѣсовъ и 3 милл. дес. преимущественно лѣсныхъ удѣльныхъ земель, въ виду ихъ государственнаго значенія и значительной трудности, сопряженной съ ихъ обращеніемъ въ пашню, то остающіеся 50 милл. дес. казенныхъ и частновладѣльческихъ земель увеличатъ крестьянское землепользованіе значительно менѣе, чѣмъ на одну четверть.

[1]) Аграрный вопросъ, 66.

И изъ-за этого ничтожнѣйшаго результата стоило огородъ городить, рыться въ цифрахъ и писать длиннѣйшіе трактаты![1]) Впрочемъ слѣдуетъ оговориться: результатъ этотъ ничтоженъ только въ смыслѣ того плюса, который онъ даетъ крестьянамъ. Въ смыслѣ же минуса такой результатъ можно назвать гигантскимъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ грозитъ крестьянству ничѣмъ инымъ, какъ голодной смертью. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь самъ проф. Мануиловъ приводитъ данныя Комиссіи по оскудѣнію центра, по которымъ оказывается, что въ среднемъ приходится на дворъ надѣльной земли въ 4—5 разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы для использованія рабочей силы населенія[2]). По разсчету Комиссіи, общее число работниковъ, потребное для уборки урожая со всей площади хлѣбныхъ посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ, составляло въ 1900 г. 11.360.200 человѣкъ обоего пола; въ дѣйствительности же наличное число мѣстныхъ крестьянъ обоего пола въ рабочемъ возрастѣ составляло въ томъ же году 44.724.800 человѣкъ. Такимъ образомъ, избытокъ рабочихъ силъ сельскаго населенія достигалъ почти 33 милл. человѣкъ. Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, именно тотъ, что передача частновладѣльческихъ и казенныхъ земель крестьянамъ только въ томъ случаѣ могла бы служить предметомъ обсужденія, если бы такая передача была въ состояніи увеличить крестьянское землепользованіе до размѣра, способнаго занять всю рабочую силу крестьянства, т. е. увеличить его въ 4—5 разъ. Между тѣмъ мы видѣли, что дополнительный надѣлъ можетъ увеличить крестьянское землепользованіе въ лучшемъ случаѣ только на 20—25%. Что же получится, спрашивается, если ликвидировать помѣщичье хозяйство? Теперь хоть часть

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что собственно результатъ, намѣчаемый авторами Аграрнаго вопроса, еще болѣе ничтоженъ: они не ликвидируютъ всего частнаго владѣнія, а отрѣзаютъ отъ него приблизительно 25 милл. дес., такъ что ихъ проектъ увеличитъ крестьянское землепользованіе менѣе, чѣмъ на одну восьмую.

[2]) Аграрный вопросъ, 31.

вышеупомянутаго избытка рабочихъ силъ сельскаго населенія въ 33 милл. человѣкъ находитъ работу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и нашло бы ее въ неизмѣримо большемъ размѣрѣ, если бы измѣнились къ лучшему современныя тяжкія условія частновладѣльческаго хозяйства. При ликвидаціи же послѣдняго эти 33 милл. живыхъ людей останутся окончательно безъ дѣла. Единственнымъ способомъ дать приложеніе вакантнымъ нынѣ рабочимъ силамъ населенія, казалось бы, должно состоять, при подобныхъ условіяхъ, въ улучшеніи положенія помѣщичьяго хозяйства, въ созданіи для него такихъ условій, при которыхъ явился бы разсчетъ его развивать и расширять, что дастъ заработокъ свободнымъ рабочимъ силамъ крестьянъ. Между тѣмъ предполагается совершенно обратное—его ликвидація.

Послѣдняя прямо осуждаетъ на голодъ и праздность и ту часть крестьянства, которая какъ никакъ, а все же кормилась доселѣ, посредственно или непосредственно, всецѣло или отчасти, около частновладѣльческаго хозяйства. Отсюда только одинъ шагъ до криковъ: «panem et circenses». Но какъ удовлетворить эти вопли въ странѣ, которая не только не живетъ, подобно древнему Риму, на счетъ покоренныхъ народовъ, но сама вотъ уже столько лѣтъ высасывается иностранцами.

Къ выводу о голодной смерти значительной части населенія подъ вліяніемъ дополнительнаго надѣла приводятъ и соображенія продовольственно-земледѣльческія. Предполагать, что путемъ пониженія производительности земледѣлія можно увеличить благосостояніе земледѣльческой страны и въ частности продовольственное обезпеченіе земледѣльческаго населенія, есть уже само по себѣ безуміе или недомысліе. Между тѣмъ всѣ изслѣдователи сходятся въ томъ, что производительность крестьянскаго хозяйства значительно ниже частновладѣльческаго, именно на 20—30%. «Если принять, говоритъ проф. Мануиловъ, средній размѣръ урожая у частныхъ владѣльцевъ въ 45 пуд. съ десятины, а площадь посѣва у крестьянъ въ 47 милл. дес., то окажется, что крестьяне собираютъ хлѣба ежегодно..... на 423 милл. пуд. менѣе, чѣмъ могли бы собрать, если бы культура крестьянскихъ земель была

доведена хотя бы до культуры частновладѣльческихъ [1])». Нечего говорить, что эту цифру придется значительно повысить, если принять во вниманіе купчія и арендныя крестьянскія земли, а также и то, что принятая урожайность въ 45 пуд. крайне низка для частновладѣльческаго хозяйства. Но, какъ бы то ни было, является совершенно непонятнымъ, какъ не замѣчаетъ проф. Мануиловъ того бросающагося въ глаза противорѣчія, что на одной страницѣ онъ доказываетъ, какое большое количество хлѣба не добираетъ русскій народъ изъ-за экстенсивности крестьянскаго хозяйства, а на другой, съ нею рядомъ находящейся, предлагаетъ передать и помѣщичьи земли крестьянамъ, т. е. увеличить на 20—30% недоборъ хлѣба крестьянами, отнявъ у русскаго народа то, что онъ, при всѣхъ нашихъ несовершенствахъ и трудностяхъ, всетаки умудряется теперь получать, благодаря частновладѣльческому хозяйству [2]). Тотъ, кто знаетъ условія деревенскаго хозяйства не по книжкамъ, а по живому соприкосновенію съ дѣйствительностью, не можетъ не знать, что только благодаря частновладѣльческому хозяйству и остается у крестьянъ тотъ minimum хлѣба, молочныхъ продуктовъ, яицъ и т. д., который позволяетъ русскому народу не умереть съ голоду. Частновладѣльческая земля съ каждой своей десятины даетъ теперь крестьянину въ видѣ заработной платы не менѣе того, что онъ получаетъ съ десятины своей земли въ видѣ урожая. Превышеніе же частновладѣльческаго урожая, сравнительно съ крестьянскимъ, на единицу площади даетъ возможность крестьянину не выбрасывать на рынокъ хотя бы часть своего урожая. Только благодаря частновладѣльческому хозяйству, въ Россіи имѣется нѣкотораго рода избытокъ продуктовъ земледѣлія, вывозомъ которыхъ за-

---

[1]) Аргарный вопросъ, 42.

[2]) На самомъ дѣлѣ разница производительности земли въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, сравнительно съ крестьянскимъ, значительно выше 20—30% Частные землевладѣльцы производятъ не только сравнительно больше хлѣба, но и больше, напр., мяса и масла; вдобавокъ они производятъ сахаръ и спиртъ, что еще больше увеличиваетъ на единицу земельной площади производительность ихъ полеводства.

границу покрывается нашъ разсчетный балансъ. Конечно, строго говоря, вывозимый нами избытокъ не есть настоящій избытокъ, и было бы лучше, чтобы нашъ пищевой экспортъ оставался дома, улучшая недостаточное питаніе русскаго народа. Но какъ ни дорого обходится намъ вслѣдствіе этого нашъ экспортъ, все-таки благодаря ему мы спасаемся отъ финансоваго банкротства. Что же будетъ, когда, съ переходомъ въ руки крестьянъ всего частновладѣльческаго хозяйства, не окажется, вслѣдствіе значительно меньшей производительности крестьянскаго земледѣлія, и того условнаго избытка продуктовъ полеводства, которымъ оплачиваетъ теперь Россія свои международныя обязательства? Западный биржевой капиталъ не проститъ намъ, очевидно, нашихъ долговъ, и въ случаѣ нашего банкротства прямо, какъ видно изъ предыдущаго, вытекающаго изъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ, потребуетъ за долгъ ту или иную часть нашей государственной территоріи или тѣ или иные источники государственнаго дохода. При этомъ такое лишеніе Россіи тѣхъ или иныхъ суверенныхъ правъ ея произойдетъ въ тѣмъ болѣе широкомъ размѣрѣ, что сами государственные доходы испытаютъ рѣзкое пониженіе при всеобщей финансовой пертурбаціи. Во всякомъ случаѣ при такомъ направленіи дѣла уже не придется мечтать о независимости русскаго государства, о самостоятельности русскаго народа. Если бы мы жили во время великаго переселенія народовъ, то могли бы еще сбросить иноземное финансовое иго и огнемъ и мечемъ добывать себѣ богатую казну и обильныя земли. Но мы живемъ въ такое время, когда и огонь и мечъ въ рукахъ того, у кого больше золота, и поэтому, въ нашихъ современныхъ условіяхъ, для насъ невозможна вооруженная борьба съ Западомъ изъ-за хлѣба насущнаго. И это тѣмъ болѣе справедливо, что народъ русскій, не бывъ никогда воинственнымъ, несетъ въ себѣ, особенно теперь, вслѣдствіе трагическаго направленія нашей исторіи XIX вѣка, много прискорбныхъ признаковъ слабости и вырожденія. Поэтому въ наше время мягкихъ формъ и жестокихъ сущностей дѣло обойдется и безъ кровопролитія и даже, можетъ быть, безъ захвата нашей территоріи и на-

шихъ государственныхъ доходовъ иностранцами. Но русское крестьянство настолько уже захвачено въ машину международнаго оборота, настолько, чрезъ посредство механизма нашей финансовой и экономической жизни, подчинено биржевому капиталу Запада, что русскій крестьянинъ, въ случаѣ неизбѣжно связаннаго съ дополнительнымъ надѣленіемъ уменьшенія количества хлѣба въ Россія, не будетъ имѣть ни малѣйшей возможности удержать у себя тотъ хлѣбъ, который потребуютъ въ уплату своихъ процентовъ французы, нѣмцы и англичане. Безъ непріятельскаго нашествія, безъ яркихъ проявленій понужденія, чрезъ мирную работу волостныхъ правленій, казенныхъ винныхъ лавокъ, хлѣбныхъ скупщиковъ и комиссіонеровъ, чрезъ банки и экспортныя конторы, необходимый для пропитанія русскаго народа minimum будетъ постепенно и сначала незамѣтно уменьшаться. Начнутъ голодать и пойдутъ по міру сначала наиболѣе слабые хозяева. Потомъ пошатнется благосостояніе болѣе крѣпкихъ. Начнется съ недоѣданія, потомъ наступитъ усиленная болѣзненность и смертность, и такъ, сначала незамѣтно и только въ наиболѣе обездоленныхъ мѣстностяхъ, а потомъ захватывая повсемѣстно все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, наступитъ вымираніе русскаго народа, кое гдѣ и теперь уже отчасти замѣтное. Такимъ образомъ въ словахъ, что дополнительный надѣлъ поведетъ за собою голодную смерть русскаго народа,—нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія.

Къ тому же выводу съ совершенно другой стороны приводитъ и цитируемый проф. Мануиловымъ изъ Свода трудовъ мѣстныхъ комитетовъ примѣрный подробный бюджетъ средняго крестьянскаго двора[1]). Общій расходъ такого двора опредѣляется въ 158 руб. 88 коп. при доходѣ въ 98 руб. 56 коп. Значитъ недохватка, которую надо такому двору добыть стороннимъ заработкомъ, опредѣляется въ 60 руб. Но дополнительный надѣлъ, какъ мы видѣли, даже и въ наиболѣе широкой своей формѣ можетъ увеличить землепользованіе такого средняго двора въ луч-

---

[1]) **Аграрный вопросъ**, 30.

шемъ случаѣ на 20% (стр. 39—40). Слѣдуетъ замѣтить, что при томъ же количествѣ капитала на большей площади хозяйство должно сдѣлаться еще болѣе экстенсивнымъ. Но, если даже, благодаря чуду, увеличеніе земельной площади на 20% увеличитъ настолько же и доходность, то, по отношенію къ вышеприведенному примѣру средняго двора, это увеличеніе не можетъ быть выше 30 руб. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, половина той недохватки, которую теперь дворъ покрываетъ стороннимъ заработкомъ, попрежнему останется недохваткой. Но этой недохватки уже нечѣмъ будетъ покрыть послѣ ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства. Какъ ни вертись, стало быть, все клинъ выходитъ «народу» съ этой передачей ему всей земли. И этотъ клинъ окажется вбитымъ прямо въ сердце народное, если вспомнить о неурожайныхъ годахъ, когда особенно рѣзко отклоняется отъ средней нормы крестьянская урожайность, когда особенно ярко выступаетъ благодѣтельность и необходимость для крестьянъ процвѣтающаго частнаго землевладѣнія. Съ ликвидаціей послѣдняго, къ тому же, должны исчезнуть безвозвратно сельскохозяйственное винокуреніе и производство сахара, крахмала и т. п., а также чистокровное коннозаводство, коневодство и разсадники племенного рогатаго скота; должны сильно сократиться, а отчасти прекратиться совершенно культуры картофеля, свеклы, кормовыхъ растеній и льна; должны обезцѣниться, а отчасти и совершенно уничтожиться десятки милліоновъ рублей, затраченные въ постройки и инвентарь. Что касается промышленности неземледѣльческой, то должны сильно сократиться всѣ производства, связанныя съ послѣдней, т. е. мукомольное, маслобойное, производства всякаго рода строительныхъ матеріаловъ, земледѣльческихъ машинъ; должно сократиться передвиженіе грузовъ по рельсовымъ и воднымъ путямъ и, какъ результатъ всѣхъ этихъ перемѣнъ, должна прекратиться постройка новыхъ желѣзныхъ путей и сократится потребленіе нефти, каменнаго угля, желѣза, чугуна и стали. Подъ вліяніемъ всего вышеизложеннаго, а отчасти и подъ непосредственнымъ вліяніемъ неизбѣжнаго при дополнительномъ надѣлѣ обѣднѣнія сельскихъ классовъ, сократится въ весьма силь-

ной степени покупательная способность населенія, что отразится и на всѣхъ остальныхъ видахъ промышленности, и на торговлѣ, и на денежномъ рынкѣ, и на кредитномъ дѣлѣ. Таковы неизбѣжные результаты ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства.

Проектъ дополнительнаго надѣла только въ томъ случаѣ не грозилъ бы русскому народу голодной смертью и банкротствомъ, если бы одновременно съ нимъ возможно было по щучьему велѣнью утроить или учетверить размѣры нашей промышленности. Но промышленность питается рынкомъ, который для русской промышленности состоитъ главнымъ образомъ изъ русскаго земледѣлія. И представляется загадочнымъ, какъ, разоряя деревню, можно обогатить городъ и промышленность. Если, благодаря покровительственнымъ тарифамъ, у насъ обогатилась небольшая кучка фабрикантовъ, то такое благополучіе не можетъ не оказаться эфемернымъ при малѣйшемъ потрясеніи. Поэтому можно только удивляться, какъ до сихъ поръ не создалось въ средѣ промышленниковъ сильнаго движенія противъ дополнительнаго надѣла. Дополнительный надѣлъ несомнѣнно значительно понизитъ фабричную заработную плату, но неизмѣримо сильнѣе проявится его дѣйствіе въ сокращеніи покупательной силы населенія. Поэтому не только нельзя думать о расширеніи промышленности подъ вліяніемъ дополнительнаго надѣла, но можно быть увѣреннымъ, что черный передѣлъ грозитъ промышленности сильнымъ сокращеніемъ.

Противъ всего вышесказаннаго могутъ возразить, что проекты чернаго передѣла, въ частности проектъ, одобренный Московскимъ совѣщаніемъ 28 и 29 апрѣля 1905 года, не суть проекты всеобщаго уничтоженія частной земельной собственности и не предполагаютъ вовсе передачи всѣхъ частновладѣльческихъ земель всему крестьянскому населенію. Эти проекты надѣляютъ землей лишь нѣкоторыя категоріи крестьянъ и притомъ надѣляютъ ихъ лишь частью земель казенныхъ и частновладѣльческихъ. Но отъ такой перемѣны постановки вопроса, думается, нисколько не перемѣняется сущность дѣла. Напротивъ, такая кажущаяся частичной ломка отразится, на мой взглядъ,

еще более тяжко на крестьянскомъ дѣлѣ и будетъ еще болѣе безсмысленна и преступна, чѣмъ какой бы то ни было проектъ національзаціи земли.

Опредѣляютъ въ 20—30 милл. дес. площадь, подлежащую отчужденію изъ частнаго владѣнія для надѣленія тѣхъ крестьянъ, которые въ 1861 г. были надѣлены въ размѣрѣ не свыше высшаго или указнаго надѣла. Но если эти 20—30 милл. дес. и не составляютъ всей частновладѣльческой собственности въ Россіи, а только часть ея, то развѣ не ясно, что отчужденіе этой части будетъ все-таки вполнѣ равносильно полной ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства. Частная земельная собственность уже давно находится въ Россіи въ процессѣ раздробленія, и этотъ процессъ приводитъ къ тому болѣе или менѣе повсемѣстному положенію, что типическое среднее имѣніе только при условіи вдумчиваго и прогрессивнаго хозяйства въ состояніи оплачивать бюджетъ землевладѣльца. Если же нѣтъ на лицо этого условія, если землевладѣлецъ придерживается хозяйства на старый ладъ или смотритъ на него сквозь пальцы, тамъ имѣніе въ лучшемъ случаѣ можетъ служить для землевладѣльца лишь источникомъ дополнительнаго дохода при другомъ основномъ бюджетномъ источникѣ. Такое имѣніе уже ожидаетъ своего новаго владѣльца или ликвидаціи черезъ Крестьянскій банкъ, и то или иное рѣшеніе вопроса есть только вопросъ времени, болѣе или менѣе весьма непродолжительнаго. Никакая статистика не въ состояніи, безъ всякаго сомнѣнія, установить для 1905 года процентнаго отношенія «настоящихъ» хозяевъ къ ненастоящимъ. Но также несомнѣнно и то, что природою вещей первые предназначены замѣщать вторыхъ, и процессъ этого замѣщенія наблюдается уже много лѣтъ и повсемѣстно. И вотъ именно такія-то среднія хозяйства, хозяйства наиболѣе интенсивныя, наиболѣе ищущія новыхъ путей, наиболѣе полно осуществляющія свою миссію культурнаго подъема окрестнаго крестьянскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дающія этому населенію наибольшій заработокъ, будутъ въ первой линіи потрясены до основанія и ликвидированы намѣчаемой реформой. Эта хирургическая реформа въ террито-

ріальномъ отношеніи сохранитъ нѣкоторыя части такихъ имѣній, но она уничтожитъ самое главное—живой организмъ хозяйства такихъ имѣній, а съ его разрушеніемъ ничего иного не останется владѣльцу, кромѣ поспѣшной ликвидаціи остатковъ, какъ ликвидируются въ городахъ остатки товаровъ по окончаніи сезона. Вмѣстѣ съ имѣніями этой категоріи размѣрами отъ 200 до 2.000 десятинъ, смотря по мѣстности, представляющими собою то значительное большинство русскихъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, внѣ облегченія положенія которыхъ едва ли возможно и облегченіе условій хозяйства крестьянскаго, реформа осуждаетъ на безвозвратное уничтоженіе и хозяйство мелкихъ землевладѣльцевъ. Хозяйство это, обусловленное непосредственнымъ управленіемъ, надзоромъ, а иногда и физическимъ личнымъ трудомъ землевладѣльца, ни по существу, ни юридически ничѣмъ, кромѣ высшей культурности, не отличается отъ таковаго же или приближающагося къ нему по размѣрамъ хозяйства болѣе состоятельныхъ крестьянъ на купчихъ и даже арендныхъ земляхъ. Между тѣмъ, по точному смыслу проекта, отрѣзка должна производиться и отъ такого хозяйства, напримѣръ въ 50 дес., и въ числѣ бенефиціантовъ ея можетъ оказаться и сосѣдній, имѣющій 100 дес. собственной земли крестьянинъ, если онъ имѣетъ генеалогически-привилегированное положеніе потомка лица, получившаго въ 1861 году надѣлъ въ размѣрѣ не свыше высшаго или указнаго размѣра. И такія рѣшенія принимаются во имя справедливости и государственныхъ соображеній!

Такимъ образомъ несомнѣнно выясняется, что уцѣлѣютъ отъ реформы только наиболѣе крупныя владѣнія, стало быть тѣ именно, которыя наименѣе полезны съ точки зрѣнія народной экономіи, т. е. наименѣе доходны для своихъ владѣльцевъ и даютъ наименьшій на единицу площади заработокъ населенію. Этотъ выводъ о сохраненіи латифундій подтверждается съ другой стороны тѣмъ, что лѣса исключаются проектомъ изъ выкупа. Мелкихъ участковъ лѣса владѣльцамъ, очевидно, не будетъ смысла сохранять, и они будутъ ликвидированы. Крупныя же лѣсныя дачи, и за, небольшими исключеніями, только онѣ, останутся за

владѣльцами. Останутся, можетъ быть, и нѣкоторыя усадьбы, на которыя кн. Долгоруковъ такъ трогательно и такъ безнравственно рекомендуетъ «смотрѣть лишь какъ на дачу», совершенно ликвидируя хозяйство [1]). Такимъ образомъ проектъ проф. Мануилова, не будучи формально проектомъ экспропріаціи всей частной земельной собственности, является все-таки не инымъ чѣмъ по существу, какъ именно полной ликвидаціей частновладѣльческаго земледѣльческаго хозяйства.

Посмотримъ теперь, какъ, въ частности, отразится проектъ на судьбѣ непосредственно крестьянъ. Мы видѣли уже, на сколько небольшой плюсъ при громадномъ минусѣ вслѣдствіе потери частновладѣльческихъ и отчасти промышленныхъ заработковъ дала бы населенію національзація всей частновладѣльческой земли. Въ результатѣ одна часть народа умерла бы съ голоду, другая часть отправилась бы зарабатывать въ иноземныхъ странахъ исчезнувшій изъ Россіи хлѣбъ, но третья часть, именно та, бюджетъ которой и въ настоящее время вполнѣ обезпеченъ землей, если бы не произошло непріятельскаго завоеванія, продолжала бы свое существованіе, и даже безбѣдно, при порѣдѣвшемъ населеніи и множествѣ освободившихся земель. До мора же и наступленія экономическаго и финансоваго банкротства страны благосостояніе такихъ и ранѣе вполнѣ обезпеченныхъ земледѣльцевъ, т. е. имѣющихъ много и надѣльныхъ, и купчихъ, и арендныхъ земель, даже увеличилось бы несомнѣнно — въ той мѣрѣ, въ какой имъ прибавилось бы земли. Но частичная національзація по проекту Мануилова не дастъ и такого, покупаемаго цѣной отказа Россіи отъ всей ея исторіи, отъ политической и всякой иной самостоятельности, повышенія грубо-матеріальнаго благосостоянія одной группы населенія. Проектъ Мануилова не подыметъ ни одной группы, ни одной мѣстности, а погубитъ и разоритъ всю Россію, всѣ классы ея населенія, все крестьянство. Надѣленіе землей болѣе малоземельныхъ разрядовъ крестьянства прежде всего не дастъ этимъ надѣленнымъ разрядамъ никакого плюса, ника-

[1]) Аграрный вопросъ, 8.

кой реальной прибавки, никакого увеличенія благосостоянія. Прибавка есть только тогда прибавка, когда ее есть къ чему прибавлять, и совершенно правъ, поэтому, представитель «крайней лѣвой», по выраженію проф. Мануилова, г. Н. А. Каблуковъ, думающій, что проектъ не удовлетворитъ крестьянъ. Если прибавить къ десяти, напр., десятинамъ даже хотя бы полдесятины, то это все-таки будетъ прибавка, но если прибавить полдесятины, или даже десятину, или двѣ къ одной или двумъ десятинамъ, владѣемымъ вдобавокъ на надѣльно-полосномъ правѣ, то нельзя думать, что обезпечиваешь такой прибавкой земледѣльца. Ариѳметическое 2 + 2 = 4 въ области экономической можетъ имѣть значеніе 0 + 0 = 0, потому что, по совершенно правильному выраженію Ѳ. И. Родичева: «если земледѣлецъ не обезпеченъ своей землею вполнѣ, онъ вовсе не обезпеченъ ею» [1]). Поэтому, если бы даже и можно было согласиться принципіально съ передачей частновладѣльческой земли крестьянамъ, то было бы скорѣе понятно и естественно передать ее именно многоземельнымъ, а особенно уже имѣющимъ купчія и арендныя земли, но ни въ коемъ случаѣ не малоземельнымъ. Или, если бы проектъ могъ дать малоземельнымъ 6 — 8 десятинъ, прибавивъ ихъ къ имѣющимся 1 — 2 десятинамъ, тогда, оставивъ въ сторонѣ принципіальную и общенародную сторону дѣла, можно было бы все-таки обсуждать проектъ съ точки зрѣнія его цѣлесообразности по отношенію къ тѣмъ группамъ населенія, для которыхъ онъ предназначается. Такое надѣленіе было бы несправедливо и пагубно для народнаго блага, но оно все-таки имѣло бы какой-нибудь смыслъ. Но проектъ не можетъ дать этихъ 6 — 8 десятинъ. Онъ можетъ, какъ мы видѣли, дать малоземельнымъ самую небольшую прибавку. Еще и въ томъ случаѣ можно было бы говорить о дополнительномъ надѣленіи малоземельныхъ, если бы, оставивъ неисполнимую, при господствующихъ формахъ землепользованія, мысль объ обезпеченіи ихъ только землей, возможно было озаботиться дополнительнымъ обезпеченіемъ ихъ стороннимъ зара-

---

[1]) **Аграрный вопросъ, 304.**

боткомъ. Но черный передѣлъ не только не проявляетъ подобной заботливости, но, наоборотъ, весь смыслъ его—именно въ уничтоженіи всякаго посторонняго заработка крестьянъ. Ликвидація частновладѣльческаго хозяйства есть прежде всего полная ликвидація тѣхъ заработковъ, которые частное хозяйство даетъ именно малоземельнымъ. Такимъ образомъ именно малоземельнымъ проектъ ровно ничего не даетъ и очень многое у нихъ отнимаетъ. Онъ ихъ пускаетъ по міру, «въ кусочки», въ самомъ буквальномъ значеніи этого слова. Но къ чему же другому могъ прійти этотъ въ кабинетѣ высиженный проектъ, исходящій изъ выдуманнаго, книжнаго, совершенно не лежащаго въ существѣ дѣла признака?

Но проектъ обездоливаетъ не только тѣ разряды населенія, о которыхъ непосредственно мнитъ себя заботящимся. Въ частновладѣльческихъ экономіяхъ заняты не только представители разряда малоземельныхъ, но и всѣ прочіе разряды крестьянства. Съ ликвидаціей частновладѣльческаго хозяйства всѣ они потеряютъ свой заработокъ. Потеряютъ они многое и съ другой стороны: потеряютъ свою будущность. Съ передачей помѣщичьей земли малоземельнымъ перестанетъ удовлетворяться та здоровая и живая потребность крестьянъ въ землѣ, которая доселѣ, худо ли, хорошо ли, но все же удовлетворялась покупкой и арендой. И, отдавая частновладѣльческія земли одной привилегированной группѣ, выдѣленной вдобавокъ на основаніи совершенно внѣшняго, случайнаго и механическаго признака, проектъ ставитъ такимъ образомъ крестъ на всѣ остальныя группы крестьянства. Это даже не хирургія, какъ выразился одинъ изъ участниковъ Московскаго аграрнаго съѣзда, — это прямо вивисекція.

И во имя чего, во имя какихъ высшихъ интересовъ покушаются совершить это позорное, это черное дѣло? Во имя какого правового основанія злоумышляютъ этотъ безсмысленный актъ самаго дикаго произвола? Гдѣ тотъ мотивъ и титулъ, та общеполезная цѣль boni publici, въ силу которой, и только въ ея силу, можетъ получить правовой характеръ такое принудительное отчужденіе? И гдѣ то преступленіе, въ силу котораго уничтожается однимъ

почеркомъ пера цѣлый историческій классъ населенія, всегда бывшій и доселѣ остающійся передовымъ и наиболѣе культурнымъ, уничтожается съ «отписаніемъ на Государя» всего его имущества? Но развѣ не ясно изъ всего, что̀ было сказано, что это—отписаніе не на своего, а на чужихъ государей? «Кто является субъектомъ предполагаемаго права?» спрашиваетъ вполнѣ резонно Ѳ. И. Родичевъ. «Вы говорите: крестьяне съ недостаточнымъ надѣломъ. А почему же вы исключаете изъ этого права другихъ недостаточно обезпеченныхъ землей земледѣльцевъ? Въ 1861 г. ясно было, кому слѣдовала земля,—освобожденнымъ крестьянамъ. Какая земля? Та, которую они обрабатывали, которую они создали. Теперь на эти вопросы отвѣтить нельзя. На какую именно землю, на какой планъ имѣютъ право тѣ или другія лица изъ надѣляемыхъ? На сосѣднюю? Почему? Почему именно они, а не другія? Да и есть ли она—эта сосѣдняя земля?... Предлагаютъ установить не право общее для всѣхъ, а привилегію; не потому, что это справедливо, а потому, что полезно. Но это и не полезно. Вы разбудите всѣ апетиты и не сможете ихъ удовлетворить и, не имѣя сами правового основанія, не сможете его никому объяснить» [1]).

На несправедливость прирѣзки, какъ общей законодательной мѣры, указываетъ и кн. Е. Н. Трубецкой, но съ другой стороны. «Такъ, напримѣръ, въ Калужской губерніи крестьяне, по словамъ князя, совсѣмъ не нуждаются въ прирѣзкахъ земли, ибо тамъ и теперь уже пустуетъ много земель, не исключая и надѣльныхъ, такъ какъ населеніе занимается отхожими промыслами. Между тѣмъ экономическое положеніе крестьянъ и тамъ не лучше, чѣмъ въ другимъ мѣстахъ. Очевидно поэтому, вопросъ тамъ не въ малоземельѣ [2]), а въ какихъ-то иныхъ причинахъ, и слѣдовательно тамъ жметъ и причиняетъ боль не тотъ сапогъ, который мы собираемся передѣлать» [3]). Нельзя также не согласиться и съ мнѣніемъ покойнаго кн. С. Н. Трубецкого,

---

[1]) **Аграрный вопросъ**, 303.

[2]) Мы видѣли уже, что вопросъ нигдѣ не заключается въ малоземельи (надѣльно-душевомъ).

[3]) **Аграрный вопросъ**, 314.

выражавшаго опасеніе, какъ бы подъ девизомъ уравненія аграрная реформа не создала «новаго сословія привилегированныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ» [1]. И въ самомъ дѣлѣ, есть ли съ правовой стороны какое-либо различіе между исключительнымъ предоставленіемъ извѣстной категоріи земель потомству «крестьянъ, надѣленныхъ не свыше высшаго или указнаго надѣла», и подобной же привилегіей, дарованной, напр., потомству дружинниковъ Вильгельма Завоевателя? Почему и въ наши дни не проектировать подобной же привилегіи въ пользу потомства, напр., Радши, Андрея Кобылы или Михаила Прушанина? И проф. Мануиловъ потому могъ бы тѣмъ менѣе возражать противъ такого проекта, что цѣлые разряды русскихъ земледѣльцевъ, обезпеченныхъ землей ничуть не лучше его малоземельныхъ крестьянъ, какъ, напр., казаки, мѣщане, сельскіе чиншевики, дворяне-земледѣльцы Западнаго края, не могутъ тѣмъ не менѣе воспользоваться его привилегіей. Къ этой несправедливости проектъ присоединяетъ еще и другую: въ пользу привилегированныхъ группъ крестьянства нарушаются даже не интересы, не принципъ собственности, какъ таковой, но интересы извѣстной только категорій собственниковъ, т. е. помѣщиковъ, да и то не всѣхъ. Между тѣмъ «элементарная справедливость, по выраженію Ѳ. В. Татаринова, требуетъ распространить эту мѣру на всѣ остальные виды собственности или, по крайней мѣрѣ, на всѣ категоріи земельной собственности» [2].

Въ проектѣ проскальзываетъ мысль уравненія не землепользованія вообще (это-де задача національзаціи, съ которой защитники проекта даже полемизируютъ), а землепользованія крестьянскаго: уравненіе малоземельныхъ крестьянъ съ многоземельными, т. е. имѣющими, кромѣ бо̀льшаго надѣла, еще и купчія и арендныя земли, — вотъ задача проекта. Однако непосредственнаго передѣла крестьянскихъ земель «конечно никакой планъ реформы не предполагаетъ», спѣшитъ оговориться одинъ изъ изслѣ-

[1]) **Аграрный вопросъ, 339.**
[2]) **Аграрный вопросъ, 331.**

дователей, придя въ ужасъ отъ одной мысли о подобномъ рѣшеніи аграрнаго вопроса, и вмѣстѣ съ другими производить это крестьянское уравненіе на чужой, помѣщичій счетъ [1]). Соглашаюсь, что отнимать у многоземельныхъ крестьянъ землю для малоземельныхъ было бы въ высшей степени несправедливо и нелѣпо. Но рѣшительно не понимаю, почему менѣе несправедливо и менѣе нелѣпо отнять эту землю у частныхъ землевладѣльцевъ? Не потому ли это оказывается менѣе несправедливымъ и менѣе нелѣпымъ, что многоземельные крестьяне своей земли не отдадутъ—ни за деньги, ни подъ угрозой пулеметовъ и шрапнелей, а прямо костьми лягутъ на своей землѣ? Повидимому, для нашихъ законодателей такая ultima ratio и есть ratio iuris.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній выясняется вполнѣ и реальная народнохозяйственная сущность намѣчаемой реформы и ея правовое обоснованіе, или, вѣрнѣе, полная необоснованность. По своей соціально-экономической сущности реформа является полной ликвидаціей всего частновладѣльческаго хозяйства, ибо тѣ обломки его, которые сохраняетъ реформа въ видѣ латифундій, и преимущественно лѣсныхъ площадей, не могутъ быть признаны сколько-нибудь замѣтнымъ факторомъ народнохозяйственной жизни.

Само же дополнительное надѣленіе, не составляя сущности проекта, есть лишь форма, въ которую облечена ликвидація частновладѣльческаго хозяйства. Это чисто формальное, внѣшнее значеніе дополнительнаго надѣла вытекаетъ изъ полнаго несоотвѣтствія его съ цѣлью землеобезпеченія и подъема крестьянскаго хозяйства. Ведя къ діаметрально-противоположному результату, т. е. къ пониженію благосостоянія всѣхъ группъ крестьянства, форма дополнительнаго надѣла не обусловливается природою существующихъ отношеній землепользованія и не сообразована съ элементарной задачей аргарной политики, долженствующей регулировать удовлетвореніе потребности населенія въ землѣ. Форма

---

1) Аграрный вопросъ, 230.

надѣленія подсказана непродуманной механической, рабской подражательностью реформѣ 1861 г., подражательностью, не оправдываемой ни съ правовой, ни съ общественно-хозяйственной стороны, и несетъ въ себѣ всѣ черты кабинетной схоластики и мертвеннаго бюрократизма.

Что центръ реформы именно въ ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства и что дополнительный надѣлъ самъ по себѣ играетъ въ глазахъ авторовъ проекта роль «незабудки» безсмертнаго Кузьмы Пруткова, помѣщенной, какъ извѣстно, для шутки, подтверждается и происшедшимъ на аграрномъ совѣщаніи 28-29 апрѣля обмѣномъ мнѣній по поводу выслушанныхъ докладовъ. Такъ, напримѣръ, Ю. А. Спасскій, начавъ съ совершенно правильнаго указанія на то, что «въ Сѣверной Россіи малоземелья не существуетъ», кончилъ довольно неожиданнымъ послѣ такого начала требованіемъ дополнительнаго надѣла, ибо «главной задачей конституціонно-демократической партіи является выработка такой платформы, вокругъ которой собрались бы народныя массы. Основнымъ двигателемъ крестьянской массы является жажда земли. Уже одного этого достаточно для того, чтобы.... ради политическихъ задачъ партіи ввести въ программу указаніе на принудительный выкупъ земли»[1]). Придаваемый принудительному выкупу характеръ партійной рекламы отразился и въ мнѣніи И. И. Петрункевича, что «нѣтъ нужды въ настоящее время входить въ подробности и частности вопроса», т. е., по просту говоря, добросовѣстно его разработать[2]). Г. Петрункевичъ, повидимому, потому только и стоитъ за надѣленіе, что не стоять за него считаетъ «крупной политической ошибкой», могущей «совершенно подорвать значеніе наше, какъ политической партіи».

Но что̀ ставитъ партія цѣною подобной рекламы? Не самый ли ужасный по послѣдствіямъ, невиданный еще въ мірѣ актъ несправедливости и произвола? Не разореніе ли и порабощеніе русскаго народа?

---

[1]) Аграрный вопросъ, 336.

[2]) Ibid., 350.

«У народа нѣтъ земли, и потому онъ тѣснится въ столицахъ, гдѣ гнутъ его, гдѣ подавили его личность и обратили въ рабовъ. Когда будетъ дана народу земля, всѣ мы скинемъ вотъ эти воротнички и пиджаки, въ которые облекла насъ Москва, и пойдемъ работать свою землю, гдѣ мы будемъ сами себѣ господами».

Такъ говорилъ въ Москвѣ, на Театральной площади, обильно изукрашенной красными флагами, одинъ народный ораторъ 18-го октября 1905 года [1]). Много невѣжества, много неправды, много чертъ скудости и вырожденія народной мысли въ этихъ немногихъ словахъ, но есть въ нихъ нѣчто такое, что̀ всегда будетъ привлекать людей къ идеѣ національзаціи земли, даже въ ея курьезнѣйшей и самоновѣйшей формѣ «соціализаціи», выдуманной спеціально для русской революціи: въ вышепреведенныхъ словахъ сквозитъ неподдѣльное лирическое чувство; въ нихъ городская элегическая тоска по идеалу сельской жизни.

Неправда, что у народа «нѣтъ земли;» неправда и то, что если бы еще дали народу земли (какой? откуда взять ее?), ораторы Театральной площади сняли бы воротнички и пиджаки; неправда и то, что, начавъ работать свою землю, они станутъ сами себѣ господами. Для того, чтобы стать господиномъ, недостаточно имѣть землю, а надо въ такой формѣ имѣть ее, чтобы не былъ парализованъ такъ, какъ парализованъ теперь нашими формами землепользованія, трудъ народный, который одинъ только и можетъ сдѣлать теперешняго раба земли ея господиномъ. Оттого-то и идетъ теперь въ столицы этотъ рабъ именно земли, а не столицы, какъ думаетъ ораторъ Театральной площади, что его деревенскій трудъ парализованъ многими причинами, отъ нихъ же первая—надѣльно-полосное владѣніе. Оттого-то и противны ему воротнички и пиджаки, что рабство земли и связанная съ землей нужда, а не избытокъ и свобода, какъ должно было бы быть при свободной деревенской жизни, нарядили его въ эти воротнички и пиджаки. Вотъ и рвется онъ и тоскуетъ по деревнѣ и землѣ, чувствуя безсознательно, что можетъ быть совершенно иная

[1]) «Русскій Листокъ», № 281, отъ 19-го октября.

деревня и земля — обильная и свободная, и совершенно забывъ, что именно нужда и неволя деревенская выгнали его въ городъ.

Такъ путается, не зная, въ чемъ дѣло, полусознательная, полунавѣянная книжными ученіями, недисциплинированная мысль. Надо вѣрить, что она въ концѣ концовъ найдетъ самое себя и отрезвится, одумается. Можно быть убѣжденнымъ, что именно въ деревнѣ, о коей мечтаютъ ораторы Театральной площади, въ деревнѣ, насквозь пропитанной идеалами батьковщины, отцовщины, т. е. именно вотчиннаго права, мысль «соціализаціи» будетъ встрѣчена дубьемъ и кольями, что не можетъ не оказать отрезвляющаго дѣйствія на Театральную площадь.

Но насколько всетаки простительнѣе и симпатичнѣе откровенное площадное невѣжество невѣжества профессорскаго, драпирующагося въ бутафорскую мантію мнимой научности! Гг. авторы проектовъ охотно полемизируютъ съ идеей національзаціи, но благодаря чему, спрашивается по поводу ихъ проектовъ, возникали споры и возраженія, благодаря чему къ нимъ всетаки привлечено общественное вниманіе, въ то время какъ они не выдерживаютъ по своей пустотѣ и малограмотности и самой поверхностной критики? Несомнѣнно, проекты стали предметомъ совершенно незаслуженнаго ими обсужденія только благодаря своему Leitmotiv'у, который, несмотря на полемику съ національзаціей, тотъ же самый у проектовъ дополнительнаго надѣла, что̀ и у ораторовъ Театральной площади. «У народа нѣтъ земли», «дайте народу землю», «недостатокъ земли обращаетъ народъ въ рабовъ»—вотъ что̀ сквозитъ въ каждой строчкѣ изслѣдователей аграрнаго вопроса, вотъ что̀ привлекаетъ аудиторію, а отнюдь не доводы и цифры, которые либо невѣрны, либо краснорѣчиво свидѣтельствуютъ не за проектъ, а противъ него. Проектъ дополнительнаго надѣла не есть проектъ національзаціи земли. Онъ передаетъ землю не «земледѣльцу», а привилегированному сословному классу населенія. Но со всѣмъ этимъ онъ дѣлаетъ видъ, что передаетъ «землю земледѣльцу», и, споря съ идеей національзаціи, является на практикѣ попыткой національзаціи частич-

ной и притомъ въ формѣ, несущей всѣ недостатки національзаціи при отсутствіи ея достоинствъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что противъ національзаціи спорить значительно труднѣе, чѣмъ противъ дополнительнаго надѣла гг. Кутлера, Мануилова и Герценштейна. Теоретически можно представить себѣ общество, живущее на основахъ коллективизма, и въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ національзаціей промышленности, можетъ осуществиться и національзація земли. Можно вѣрить или не вѣрить въ то, что осуществятся мечты коллективистовъ; можно симпатизировать или не раздѣлять симпатіи къ этимъ мечтамъ: все это дѣло личнаго вкуса и темперамента, особенностей мыслительнаго аппарата, наклонностей характера, особенностей расы, страны, ея исторіи и географіи. Можно думать, наконецъ, что условія коллективизма противорѣчатъ природѣ человѣка, какъ можно, наоборотъ, предполагать, что и сама природа человѣка можетъ до нѣкоторой степени измѣняться съ теченіемъ времени... Но во всякомъ случаѣ коллективизмъ и національзація противополагаютъ одному строю общества, современному, который, конечно, далекъ отъ совершенства, строй иной, болѣе совершенный, по мнѣнію его начертателей. Къ тому же они безусловно правы въ томъ, что строй современный есть отчасти анархическій; вопросъ только въ томъ, вытекаетъ ли необходимо современная соціально-экономическая анархія изъ самой идеи, заложенной въ основаніе современнаго экономическаго строя, или, наоборотъ, анархія происходитъ оттого, что идея эта затемнена, проведена недостаточно послѣдовательно и ослаблена другими, ей противоположными идеями. Такимъ образомъ, — правильно или нѣтъ — другой вопросъ,—но коллективизмъ и національзація разрѣшаютъ основную проблему общества—приноровленіе труда къ потребностямъ. Но какъ можно, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, упорно отстаивать и проводить доводы за экспропріацію одного вида собственности при сохраненіи всего соціально-экономическаго строя общества и всѣхъ остальныхъ видовъ собственности,—представляется совершенно непонятнымъ. Отъ такой экспропріаціи, которая на самомъ дѣлѣ имѣетъ характеръ конфискаціи имуще-

ства опредѣленныхъ собственниковъ, вѣетъ не идеаломъ лучшаго будущаго, а средневѣковымъ «потокомъ и разграбленіемъ». Подъ видомъ «правового порядка» вводится полное отрицаніе самой идеи права; подъ видомъ улучшенія основъ жизни усугубляется именно та несомнѣнная анархія хозяйственнаго строя, которая и вызвала въ человѣческомъ умѣ движеніе въ сторону того или иного отъ нея освобожденія.

Идея національизаціи земли стара какъ міръ и, осуществленная или неосуществленная, надо думать, умретъ вмѣстѣ съ міромъ. Эта идея принимаетъ самыя разнообразныя формы — отъ наиболѣе утопическихъ до соприкасающихся съ реальной возможностью. Къ послѣднему разряду относится ученіе Г. Джорджа, связанное съ экономической теоріей земельной ренты, еще недостаточно разработанной. Поэтому проектъ Джорджа несетъ слѣды нѣкоторой неопредѣленности, но во всякомъ случаѣ онъ въ большой степени считается съ человѣческой природой. Планъ Джорджа чуждъ прямолинейной грубости чернаго передѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ Джорджъ не уничтожаетъ ни собственности, ни наслѣдованія, ни свободы гражданско-земельнаго оборота. Джорджъ оставляетъ полную свободу для органическаго установленія размѣровъ земледѣльческаго хозяйства. Онъ сохраняетъ свободу личнаго найма и всякихъ сдѣлокъ по отчужденію труда и капитала. Реформа Джорджа есть реформа не аграрная, но податная; аграрное переустройство является не существомъ, а результатомъ реформы. Всѣ соображенія о необходимости государственнаго покровительства мелкой собственности суть въ то же время соображенія въ пользу проекта Джорджа. Но Джорджъ нисколько не отрицаетъ и основной экономической аксіомы о необходимости равновѣсія между всѣми формами и размѣрами собственности. Его планъ удерживаетъ и крупныя хозяйства, подъ условіемъ повышенной энергіи и иниціативы хозяина, подъ условіемъ столь высокой ихъ производительности, которая сдѣлала бы для хозяина выгодной уплату въ пользу общества весьма высокой ренты. Планъ Джорджа ничего хирургически не отрѣзываетъ, но органически обращаетъ въ культурный видъ некультурныя пространства ла-

тифундій и передаетъ среднія и мелкія хозяйства отъ плохихъ хозяевъ хорошимъ; онъ отнюдь не надѣляетъ землей душу, которая, по справедливому выраженію П. Н. Семенова, можетъ быть и пьяная и нерадивая, но облегчаетъ душамъ трезвымъ и трудолюбивымъ увеличеніе ихъ благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостоянія всего общества.

Слѣдуетъ замѣтить, что начертанная въ слѣдующихъ главахъ настоящихъ замѣтокъ картина аграрнаго устройства, къ которому должна стремиться современная Россія, не особенно разнится отъ той, которая получается при проведеніи плана Г. Джорджа (насколько вообще обстоятельства мѣста и времени допускаютъ такое сравненіе), хотя способы и средства ея достиженія совершенно отличны отъ Джорджевскихъ. Однако возможно даже предположеніе, что и способы и средства Джорджа имѣли, частично по крайней мѣрѣ, нѣкотораго рода прообразъ въ отношеніяхъ древней Руси. Не было ли, въ самомъ дѣлѣ, въ Московскомъ государствѣ такого прообраза единаго налога, коимъ покрывались всѣ или преобладающая часть нуждъ управленія? Только этотъ налогъ уплачивался не деньгами, а натурой — прямымъ осуществленіемъ государевой службы классомъ землевладѣльцевъ. Это былъ налогъ настолько значительный, что, напримѣръ, современные землевладѣльцы не выдержали бы того же соотношенія конности, людности и оружности съ площадью облагаемой территоріи, коимъ были обязаны московскіе служилые люди. Можно замѣтить, что и результаты такого единаго налога получались отчасти схожіе съ ожиданіями Джорджа. Въ Московской Руси не было и въ поминѣ частновладѣльческихъ латифундій, и, наоборотъ, процвѣтала средняя и даже скорѣе мелкая культура, обратившая въ короткое сравнительно время подъ пашню обширную для тогдашняго населенія равнину центральнаго междурѣчья Волги и Оки [1]). Въ связи съ такой системой налога госу-

---

[1]) Эта распашка оказалась впослѣдствіи трагической для судьбы Московской аристократіи (см. Ключевскаго, Боярская Дума древней Руси).

дарственный бюджетъ ложился на населеніе легкимъ бременемъ; промышленность и торговля процвѣтали, несмотря на цѣлый рядъ стѣсненій и отсутствіе путей, которые повышали стоимость товаровъ, напримѣръ, отъ Москвы до Архангельска на 75%. Москва торговала съ Любекомъ и Антверпеномъ, особенно съ Англіей, даже съ далекой Испаніей. Въ иноземныя страны шло масло, сало, солонина, щетина и шерсть; изъ хлѣбовъ—пшеница и гречиха. Крупный экспортъ льна былъ организованъ новгородскимъ архіепископомъ. Въ Литву шли сѣдла, копья, деревянныя чаши. Въ Москву по Ярославской дорогѣ въѣзжало въ день по 700—800 возовъ съ зерномъ или рыбой. Всѣ города были связаны между собой оживленными торговыми сношеніями: хлѣбъ шелъ отъ центра къ окраинамъ; продукты окраинъ къ центру. Потребность кредита удовлетворялась монастырями, которые въ концѣ концовъ значительно удешевили цѣну денегъ [1]).

Если, такимъ образомъ, нѣкоторые намеки, нѣкоторое приближеніе къ идеѣ единаго налога можно усмотрѣть въ общественныхъ отношеніяхъ прошлаго, то можно ли сомнѣваться, что въ будущемъ, при постоянномъ улучшеніи формъ и способовъ производства, разработка идеи единаго налога и національзаціи можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться плодотворной. Главное возраженіе противъ системы единаго налога и національзаціи съ точки зрѣнія нуждъ современной Россіи состоитъ въ томъ, что единый налогъ и національзація суть реформы распредѣленія. Наша же бѣда въ томъ, что у насъ, по справедливому выраженію Дм. Коссовича, производство такъ слабо, что распредѣлять нечего. Чтобы увеличить потребленіе, намъ надобно думать не о распредѣленіи, а прежде всего позаботиться о производствѣ, подумать объ устраненіи тѣхъ условій, которыя тормозятъ его развитіе. Сельское хозяйство, какъ и всякая промышленность, имѣетъ свои техническія и экономическія требованія, а у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ не исполнена еще и

---

[1]) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ книги М. Коваленскаго, Изъ исторіи государственной власти въ Россіи.

альфа этихъ требованій: организація хозяйственной территоріи и свобода хозяйственной инициативы [1]).

Отсюда вытекаетъ, что практически въ современной Россіи единый налогъ не только не будетъ содѣйствовать крестьянскому землевладѣнію и расширенію его, но, какъ-разъ наоборотъ, благодаря національзаціи, у крестьянъ окажутся отобранными всѣ ихъ земли, вслѣдствіе низкаго уровня крестьянской производительности. Очевидно, высокій единый налогъ будетъ легче уплаченъ сахарозаводчикомъ, получающимъ съ десятины свекловичной плантаціи до 300 рублей, чѣмъ сосѣднимъ крестьяниномъ, получающимъ съ такой же десятины, при урожаѣ зернового хлѣба въ 30—35 пудовъ, въ среднемъ не свыше 15 рублей. Но государство имѣетъ свои цѣли практической политики и съ точки зрѣнія этихъ цѣлей не можетъ желать, чтобы крестьянская земля переходила къ сахарозаводчикамъ. А потому въ Россіи еще долгое время, пока не измѣнится вся картина современнаго землепользованія и сельско-хозяйственнаго производства, не можетъ быть рѣчи о проектахъ, подобныхъ національзаціи Г. Джорджа, какъ о практической общественно-хозяйственнной и финансовой программѣ. Но, какъ бы то ни было, проектъ Г. Джорджа есть, во всякомъ случаѣ, вполнѣ серьезный и вдумчивый проектъ; у Г. Джорджа національзація получаетъ вполнѣ реальныя и осязательныя, а съ другой стороны вполнѣ органическія, жизненныя и человѣческія формы. Но именно отъ этой наилучшей формы національзаціи оказывается наиболѣе удаленнымъ проектъ Московскаго совѣща-

---

[1]) См. Дм. Коссовича, Къ рѣшенію аграрнаго вопроса. Тамъ же есть таблица потребленія хлѣба на душу населенія въ разныхъ странахъ:

въ Германіи	27	пудовъ
» Румыніи	30	»
» Швеціи	31	»
» Франціи	33	»
» Канадѣ	38	»

Въ Россіи же собирается на душу населенія всего $22^1/_2$ пуда, а потребляется и того менѣе.

нія. Объединяя все вышесказанное по поводу національзаціи и ея отношенія къ проекту чернаго передѣла, можно прійти къ заключенію, что послѣдній примыкаетъ къ наиболѣе грубымъ и разрушительнымъ формамъ національзаціи. Воодушевленный идеей отдать землю земледѣльцу, онъ на самомъ дѣлѣ этого не дѣлаетъ и запутывается въ окаменѣло-формальныхъ правоопредѣленіяхъ, отнимая и даруя одинаково несправедливо и неравномѣрно. Поэтому проектъ дополнительнаго надѣла нельзя назвать иначе, какъ болѣе или менѣе невѣжественной амальгамой идеи національзаціи съ началами феодально-сословной привилегіи.

Общую характеристику проекта дополнительнаго надѣла и обозрѣніе его правовой необоснованности и соотношенія его съ нѣкоторыми формами національзаціи земли слѣдуетъ дополнить нѣсколькими частными замѣчаніями о тѣхъ несообразностяхъ, противорѣчіяхъ и совершенно непреодолимыхъ техническихъ и экономическихъ препятствіяхъ, которыя неизбѣжно встрѣтитъ проектъ при своемъ практическомъ осуществленіи.

Юридическая путаница не ограничивается вопросомъ о правовомъ основаніи реформы. Что собственно скрывается подъ понятіемъ дополнительнаго надѣла? Это надѣленіе, очевидно, не можетъ быть повтореніемъ надѣленія 1861 г., такъ какъ послѣднее вытекало прямо изъ природы отношеній, бывшихъ до отмѣны крѣпостного права, и служило ликвидаціей этихъ отношеній. Хотя проектъ и характеризуется, какъ мы видѣли, совершенно не вытекающей изъ сути дѣла рабской подражательностью 1861 году, но авторы, конечно, были безсильны обойти тотъ фактъ, что въ настоящее время именно нѣтъ такихъ подлежащихъ ликвидаціи отношеній, и потому пришли къ частичной національзаціи, т. е. къ признанію за государствомъ права собственности на отчуждаемыя земли. Однако, наряду съ такимъ рѣшеніемъ вопроса и, по всей вѣроятности, въ предчувствіи того, что это рѣшеніе можетъ оказаться противорѣчащимъ идеаламъ и правовому сознанію крестьянства, г. Мануиловъ проговаривается о какомъ-то «среднемъ

пути», состоящемъ въ предоставленіи «въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самимъ крестьянамъ рѣшенія вопроса, долженъ ли дополнительный надѣлъ поступать въ ихъ собственность, наравнѣ съ надѣльной или купчей землей, съ выкупомъ его на ихъ счетъ, или же прирѣзки должны остаться въ собственности государства, которое и выкупаетъ ихъ, предоставляя крестьянамъ только пользованіе ими [1])». Такимъ образомъ чисто законодательная роль окажется возложенной не только на комиссіи, которыя будутъ приводить въ дѣйствіе положеніе о выкупѣ, на что совершенно справедливо указалъ гр. С. Л. Толстой, но прямо таки на самихъ крестьянъ: вотъ одинъ изъ примѣровъ reductio ad absurdum намѣчаемой реформы.

Такимъ образомъ вопросъ о націонализаціи или правѣ собственности крестьянъ на отчуждаемыя земли остается открытымъ. Разсмотримъ оба исхода.

Если крестьяне получатъ дополнительную землю въ собственность, то, во-первыхъ, какіе крестьяне данной деревни получатъ ее? Всѣ ли крестьяне данной деревни получатъ землю? Въ теоріи можетъ показаться, что всѣ, ибо вся деревня въ 1861 г. получила не свыше высшаго или указного надѣла. Но какъ быть съ тѣми дворами, гдѣ не хватаетъ по землѣ душъ народа или, что̀ то же самое, есть лишнія земельныя души. Вѣдь передѣлы не вездѣ бываютъ часто, а мѣстами не бываетъ ихъ вовсе. И такіе дворы съ нехватающими или лишними земельными душами составляютъ фактически не исключеніе, а правило. Есть, къ тому же, не мало крестьянъ отсутствующихъ и совершенно не занимающихся земледѣліемъ, но имѣющихъ надѣлы. Не мало есть надѣловъ, сданныхъ въ аренду или находящихся въ спорѣ,—въ спорѣ съ обществомъ, въ спорѣ съ отдѣльными крестьянами, въ спорѣ изъ-за опекъ и семейныхъ раздѣловъ. Эти споры повсемѣстны и постоянны. Можно ли эту существующую на старыхъ надѣлахъ неправду, совершенно парализующую земледѣльческій трудъ, переносить и на новые надѣлы при ихъ распредѣленіи? Можно

---

[1]) Аграрный вопросъ, 70.

ли создавать на новыхъ надѣлахъ неправду новую? А это случится неизбѣжно, если надѣлять новыми надѣлами «все общество». Вотъ и выходитъ, что надѣлять-то придется не всѣхъ. Но кого же? На этотъ вопросъ проектъ не даетъ отвѣта, и дать его невозможно до справедливаго распредѣленія старыхъ надѣловъ. Но сама мысль душевого надѣла уже исключаетъ понятіе справедливости, о чемъ подробно будетъ говориться ниже. Если вопросъ, кому именно будетъ слѣдовать земля, и разрѣшился бы какимъ-либо чудомъ, то созданное дополнительнымъ надѣломъ положеніе было бы всетаки невыносимымъ, ибо уравнительное сегодня, оно перестало бы быть имъ завтра; оно загромоздило бы весь бытъ деревни еще большей путаницей и безтолочью; оно создало бы цѣлый рядъ весьма сложныхъ въ деревенскомъ обиходѣ вопросовъ, напримѣръ о раздѣленіи стада и двухъ выгонахъ, о перерѣзкѣ полей, поведя при большей ихъ площади, очевидно, и къ большему разнообразію въ распредѣленіи угодій, качеству почвы и т. д., то есть къ еще большей черезполосности и еще болѣе замѣтному измельчанію полосъ. Въ виду всего этого нельзя не признать надѣленіе на правѣ собственности практически неисполнимымъ [1]).

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшаетъ г. Мануиловъ вопросъ объ арендѣ націонализованныхъ земель. Намѣчаемая имъ аренда настолько оригинальнаго свойства, что едва ли можетъ быть названа арендой, а представляетъ собою вещно-обязательственный

---

[1]) Проф. Мануиловъ противъ трудности согласованія землепользованія на двухъ категоріяхъ земель возражаетъ указаніемъ на примѣръ арендныхъ земель, не мѣшающихъ крестьянамъ согласовать ихъ пользованіе съ пользованіемъ надѣльнымъ. Но это не аргументъ, ибо въ аренду крестьянинъ беретъ земли сколько хочетъ и держитъ ее, пока хочетъ. Его участіе въ арендѣ точно соразмѣрено съ арендной платой, которую онъ имѣетъ полную возможность сообразить со своимъ хозяйствомъ на надѣльной землѣ. При дополнительномъ же надѣлѣ на правѣ собственности ничего подобнаго не будетъ. Разрывъ интересовъ между старонадѣльнымъ и новонадѣльнымъ составомъ хозяевъ будетъ весьма значительный, что́ и затруднитъ согласованіе хозяйства на новыхъ и старыхъ земляхъ.

институтъ, отмѣченный одновременно неполными чертами эмфитевзиса и locatio—conductio rei. Установляется въ гражданско-правовой сферѣ нѣкоторая аналогія съ институтомъ княжеской власти въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ. Какъ Русь нѣкогда къ Рюрикову дому, такъ и націонализованная земля приписывается къ данному обществу или «союзу» подворныхъ собственниковъ, подлежащихъ, повидимому, превращенію въ такихъ же общинниковъ. Арендовать такую приписанную къ обществу или союзу землю могутъ только члены даннаго союза, но условія аренды подлежатъ съ теченіемъ времени измѣненію. Сдача земли ни въ какомъ случаѣ не можетъ производиться съ торговъ, чѣмъ уже ясно опредѣляется простое расширеніе того же самаго надѣльнаго землепользованія, отъ котораго теперь гибнетъ крестьянство. Какъ ни излишня, поэтому, дальнѣйшая критика, позволительно всетаки поставить слѣдующіе вопросы.

Какъ согласовать, во-первыхъ, въ намѣчаемой арендѣ масштабъ душевого обезпеченія съ масштабомъ арендной платы? Я, положимъ, и радъ бы заплатить, и есть полный разсчетъ заплатить и дороже, чѣмъ требуетъ казна, да по душамъ мнѣ земли не выходитъ. А сосѣду выходитъ земля, да онъ платить не хочетъ или ему нечѣмъ платить. Проектъ не можетъ указать, какъ выйти изъ подобнаго затрудненія, которое будетъ правиломъ, а не исключеніемъ. И кто будетъ распредѣлять землю: казна или общество? На какой срокъ? Если въ нынѣшній годъ состояніе моего хозяйства даетъ мнѣ возможность взять новую землю, то чрезъ два-три года положеніе можетъ измѣниться, и какъ разъ мой сосѣдъ, не получившій земли при дополнительномъ надѣлѣ, можетъ очутиться въ положеніи, что земля эта будетъ ему надобна. Отсюда безконечная цѣпь отношеній субъаренды, дробленія полосъ, судебныхъ споровъ и всяческой путаницы, злоупотребленій и обмана.

Напрашивается, во-вторыхъ, и такой еще вопросъ: въ чемъ собственно разница для крестьянина, платить ли аренду помѣщику или казнѣ? Въ чемъ гарантія, что легче будетъ платить казнѣ, чѣмъ помѣщику? Помѣщикъ, какъ ни кажется онъ лютъ

г. Мануилову, все же свой человѣкъ, и мужикъ настолько же ему нуженъ, насколько онъ самъ нуженъ мужику. До казны же охъ какъ далеко. И, Боже мой! какимъ пышнымъ цвѣткомъ, съ какой невиданной еще мощью разростется бюрократія на тощей, казалось бы, почвѣ нашихъ обездоленныхъ нивъ.

И кромѣ того мнѣ обидно за крестьянъ: неужели такими дураками считаетъ ихъ г. Мануиловъ, что безъ торговъ, имѣя исключительное право на «приписанныя» земли, они будутъ платить что-нибудь свыше того, что̀ сами рѣшатъ изрѣдка уплачивать, для приличія и видимости? И будутъ со всѣхъ точекъ зрѣнія правы.

И вотъ приходитъ иногда въ голову вопросъ: не есть ли дѣйствительно вся «реформа» сознательный и геніальный проектъ финансоваго банкротства Россіи при единовременномъ вспомоществованіи части личнаго состава землевладѣльческаго класса? Вѣдь какіе только узоры можно выткать на канвѣ этого вспомоществованія!

Не лишенъ интереса вопросъ, насколько физически осуществимо дополнительное надѣленіе. Какъ бы ни былъ прекрасенъ проектъ, онъ не можетъ имѣть значенія ранѣе установленія извѣстной территоріальной близости между землей, подлежащей надѣленію, и надѣляемыми. Между тѣмъ эта близость не только не установлена, но и не можетъ быть установлена. Опять пользуюсь данными изъ сборника Аграрный вопросъ (стр. 64). «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, говоритъ проф. Чупровъ, почти вся земля перешла въ пользованіе крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи считается болѣе 90% всей земли въ эксплоатаціи крестьянъ; во Владимірскомъ уѣздѣ 91% всей пахотной земли принадлежитъ крестьянамъ. Въ подобныхъ мѣстностяхъ, которыхъ немало въ густо населенныхъ частяхъ Европейской Россіи, прибавка крестьянскаго землевладѣнія—пустое слово».

Подобныхъ мѣстностей не только не мало въ густо населенныхъ частяхъ Россіи, но они есть всюду: и на сѣверѣ, и на за-

падѣ, и на востокѣ, и на югѣ. И при этомъ для полнаго нарушенія плана надѣленія вовсе не надо, чтобы, напримѣръ, въ цѣломъ уѣздѣ или группѣ волостей болѣе или менѣе значительная часть частновладѣльческихъ имѣній была бы уже ликвидирована; достаточно нѣсколькихъ такихъ ликвидированныхъ имѣній, чтобы всецѣло рушился планъ надѣленія, какъ общегосударственной мѣры. Одна такая отрицательная инстанція сбиваетъ всѣ положительныя, одна пертурбаціонная причина — всѣ постоянныя. Все дѣло осуществленія реформы является, поэтому, обусловленнымъ случайностью меньшей или большой продажи земли изъ даннаго имѣнія, благодаря чему и выступаетъ наружу тотъ недостатокъ ratio iuris, о которомъ было говорено выше. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли выработать какой-нибудь объективный способъ опредѣленія, кому будетъ принадлежать земля по сосѣдству, кому въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, кому въ совершенно отдаленныхъ мѣстахъ. Или мѣстной комиссіи придется въ такомъ случаѣ законодательствовать, или законодательному учрежденію in corpore переѣжать съ мѣста на мѣсто и разрѣшать, не имѣя ровно никакихъ данныхъ, всю совокупность подлежащихъ разрѣшенію случаевъ.

Только что было приведено мнѣніе проф. Чупрова (стр. 67) объ отсутствіи во многихъ мѣстностяхъ частновладѣльческихъ земель для надѣленія крестьянъ, такъ какъ онѣ уже перешли въ ихъ руки. Если сопоставить съ этими мѣстностями ранѣе приводившееся указаніе кн. Е. Н. Трубецкого [1]) на другія мѣстности, въ коихъ крестьяне оставляютъ безъ обработки даже свои надѣлы, то, даже оставаясь на точкѣ зрѣнія авторовъ Аграрнаго вопроса, т. е. и не раздѣляя мнѣнія о пагубности для крестьянъ дополнительнаго надѣла по существу, все-таки нельзя не придти къ заключенію, что въ однихъ мѣстахъ надѣлять нечего, а въ другихъ незачѣмъ. Совершенно очевиднымъ является поэтому, что теоретическое надѣленіе на практикѣ съ первыхъ же шаговъ перейдетъ на совершенно иную, чуждую ему почву разселенія. Но

---

[1]) Стр. 52.

не проще ли въ такомъ случаѣ прямо начать съ разселенія и повести всю разработку аграрнаго вопроса именно въ этомъ естественномъ направленіи? Не правильнѣе ли, оставивъ академическій діагнозъ малоземелья и забывъ о бюрократической фармакопеѣ надѣленія, встать прямо на почву земельной тѣсноты, отнюдь не тожественной съ малоземельемъ, но естествено рождающей потребность въ землѣ, которую и надо наилучшимъ способомъ удовлетворить. Образъ же удовлетворенія потребности въ землѣ уже данъ разъ навсегда въ разселеніи. Иного образа нѣтъ и быть не можетъ. Но разселеніе должно быть понято какъ можно шире, ибо и разбивка надѣльныхъ земель на отрубные хуторскіе участки и переселеніе на берега Амура суть только разныя формы того же разселенія. Какъ мы видѣли, окажется на практикѣ разселеніемъ и всякій проектъ надѣленія. Но, чтобы это разселеніе не оказалось плохимъ разселеніемъ, надо думать именно о немъ, о самомъ блюдѣ, а не о томъ соусѣ надѣленія, которымъ почему-то желательно облить это блюдо. Общей формулой можетъ быть только разселеніе. Надѣленіе же—частный случай, даже если стоять на точкѣ зрѣнія сторонниковъ реформы.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ, казалось бы, на лицо всѣ данныя для осуществленія надѣленія, не избѣжать все-таки прямой коллизіи между «малоземельемъ» и потребностью въ землѣ. Представимъ себѣ, что земля нашлась, опредѣлены имѣющія на нее право лица, и все обстоитъ прекрасно. Но спрашивается, исполнимо ли и при такихъ условіяхъ надѣленіе? Едва ли. Гдѣ гарантія, что кругъ лицъ, кому земля надобна, совпадаетъ съ кругомъ лицъ, имѣющихъ на нее право, согласно проекта? Мнѣ, напримѣръ, выходитъ прирѣзка, да у меня нѣтъ ни силы, ни настоящей охоты эту землю использовать. Нѣтъ ни сѣмянъ, ни коня, да и соха едва держится. На старомъ надѣлѣ кое-какъ сидѣлъ, а еще брать,—какъ будто беретъ сомнѣніе. А рядомъ или въ сосѣдней деревнѣ, получившей въ 1861 г. «свыше высшаго или указного

надѣла» другой крестьянинъ — человѣкъ семьянистый: есть у него и сыновья и молодки, и лошадей достаточно, и полный инвентарь, да и деньги есть заработанныя. А ему нѣтъ отъ казны земельной прибавки. Получается какая-то колоссальная нелѣпость и соблазнъ на весь міръ [1]). Соблазнъ будетъ особенно великъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у такого bonus pater familias будетъ отбираться арендованная помѣщицкая земля и передаваться малоземельнымъ. А такіе случаи при малѣйшей попыткѣ проведенія реформы совершенно неизбѣжны. Вопросъ стоитъ именно такъ: или проводить реформу, и въ такомъ случаѣ нарѣзать подъ общество и ту землю, которая находится въ арендномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, или, оставивъ имъ эту арендную землю, совершенно отказаться отъ самой мысли «надѣленія». Крестьянская аренда слишкомъ повсемѣстно и слишкомъ широко развита. Достаточно одного этого фактора, помимо всѣхъ остальныхъ, чтобы придти къ заключенію о полной неосуществимости надѣленія. А если рѣшиться отбирать у арендаторовъ арендуемую ими землю подъ общество, то, не говоря уже о томъ, что они ея не отдадутъ добровольно, возможно спросить: насколько такая экспропріація обязательственнаго права будетъ менѣе пагубна экспропріаціи вещнаго права владѣльцевъ купчихъ крестьянскихъ земель, которая по справедливости кажется столь нелѣпой сторонникамъ проекта? Здѣсь опять выступаетъ наружу полное отсутствіе въ реформѣ rationis iuris.

Но даже и въ тѣхъ идеальныхъ случаяхъ, гдѣ надѣленіе оказалось бы исполнимымъ, оно явилось бы не только безполезнымъ, но безусловно вреднымъ, ведя, какъ выше было показано, не къ чему иному, какъ къ голодной смерти крестьянскаго населенія и

---

[1]) Обобщая эту антитезу, можно съ увѣренностью высказать, что, даже если бы геніальный законодатель сумѣлъ разрѣшить всѣ вопросы экономической, технической и правовой неосуществимости реформы, все-таки она осталась бы мертвой буквой, ибо наше надѣльное землепользованіе не въ состояніи органически усвоить тѣ 20—30 милл. десятинъ, которыя предполагается «приписать» къ обществамъ или «союзамъ» крестьянъ.

финансовому банкротству Россіи, при одновременномъ уничтоженіи наиболѣе культурнаго и передового класса населенія и гибели всѣхъ видовъ промышленности и торговли. Не будучи по отношенію къ оскудѣвающему крестьянству даже палліативомъ и внося, наоборотъ, въ среду его окончательное разложеніе—матеріальное и нравственное, это надѣленіе, отклонивъ государственную аграрную политику съ единственно вѣрнаго пути, только отложило бы, на болѣе или менѣе короткое время, разрѣшеніе кореннаго вопроса деревенской жизни. Но этотъ вопросъ — въ конечной его редакціи вопросъ о бытіи или небытіи крестьянскаго надѣльно-полоснаго владѣнія, а въ стадіи подготовительной вопросъ прежде всего душевого надѣла, вступилъ въ свою наиболѣе острую фазу. Redit res ad triarios. Всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ является въ полномъ смыслѣ слова преступленіемъ. Теперь еще можно многое спасти и поставить это дѣло на вѣрный путь, а черезъ десятокъ лѣтъ, можетъ быть, уже будетъ поздно. Между тѣмъ рѣшеніе напрашивается само собой—безо всякой политики и безъ всякой статистики. Дѣло совершенно ясно всякому добросовѣстно освѣдомленному наблюдателю. Это не теоретическій споръ объ общинѣ, а вопросъ насущнаго хлѣба, вопросъ нашей духовной (я не говорю уже политической) самостоятельности, вопросъ жизни и смерти русскаго народа. Безъ разрѣшенія этого основного вопроса никакая самая совершенная мѣра къ подъему нашего общаго и въ частности крестьянскаго благосостоянія не окажется дѣйствительной. При разрѣшеніи же его будутъ хороши всѣ мѣры, ибо въ немъ, и только въ немъ, весь центръ аграрнаго вопроса.

IV.

НАДѢЛЫ ДУШЕВОЙ И ТЯГЛОВОЙ.

Бытовая русская община и современная бюрократическая. — Вопросъ перероста населенія.—Семейные раздѣлы.—Улучшеніе матеріальной и моральной атмосферы крестьянской жизни при тягловомъ надѣлѣ.— Лучшія условія отлива крестьянства въ переселеніе, въ городъ и промыселъ.—Гипнозъ традиціонныхъ представленій въ начертаніи проекта дополнительнаго надѣла.—Аграрная политика прежняго помѣщичьяго класса.—Современное территоріальное распространеніе тяглового надѣла и возможность возвращенія къ тяглу безъ ломки законодательства и общинной жизни. — Количество и судьба сверхтягольнаго населенія. — Генеральныя комиссіи и поощрительная дѣятельность правительства. — Порядокъ перехода къ тягловому надѣлу.—Тягло, какъ готовая форма будущаго отрубного хутора.

За толками и разсужденіями о надѣльномъ малоземельи, ошибочность которыхъ мы тщились показать, скрывается затемненный этими толками вопросъ—перероста земледѣльческаго населенія. Первичной и одной изъ главныхъ причинъ, запутавшей и затемнившей всѣ вопросы русскаго аграрнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ приведшей крестьянство къ современному тяжкому положенію, является душевой надѣлъ. Душевой надѣлъ былъ вполнѣ чуждъ бытовой исконной русской общинѣ. Эта община, коренясь на семейномъ началѣ, распредѣляла свои земли на равные по размѣрамъ и достоинству, недробимые и доходоспособные участ-

ки, достаточные для самостоятельнаго веденія хозяйства и прокормленія одной семьи. Такіе участки назывались тяглами. Право на тягло имѣла не душа, а работоспособная брачная пара, снабженная конемъ и прочимъ инвентаремъ. Нѣсколько брачныхъ паръ составляли семейный союзъ — дворъ, который, владѣя такимъ образомъ нѣсколькими тягловыми участками, при крѣпости семейной связи и патріархальной зависимости отъ главы семьи, а съ другой стороны при возможности отпускать своихъ членовъ на заработки и промыслы, богатѣлъ и достигалъ нерѣдко высокой степени благосостоянія. Поэтому многотягольные дворы составляли правило, а однотягольные — исключеніе. Во всякомъ случаѣ послѣдніе не возникали чрезъ отдѣленіе молодыхъ, еще неопытныхъ въ хозяйствѣ, паръ.

Въ этой бытовой общинѣ не могли имѣть мѣста ни передѣлы, ни измельчаніе надѣловъ. Тягло было разъ навсегда опредѣленной единицей, а количество тяголъ въ общинѣ не подлежало измѣненію, кромѣ сравнительно рѣдкихъ случаевъ прирѣзки новыхъ тяголъ помѣщикомъ. Такимъ образомъ эта система давала возможность въ любой моментъ опредѣлить переростъ населенія съ точностью до единицы.

Это точное знаніе перероста давало возможность заблаговременно обсуждать вопросы о судьбѣ избыточнаго населенія, которое и распредѣлялось между трудомъ ремесленнымъ или мастерствами, путемъ зачисленія въ дворовые, военной службой и колонизаціей окраинъ, организованной помѣщиками въ высшей степени разумно и правильно. За этими тремя выходами, которые можно дополнить отдачей порочныхъ крестьянъ въ распоряженіе правительства, количество брачныхъ паръ въ земледѣльческой общинѣ оставалось, напр., за весь XIX вѣкъ приблизительно одинаковымъ. Разрушавшаяся брачная пара теряла право на тягло, причемъ тягло это скидывалось со двора. Оно накидывалось двору съ вновь возникавшей работоспособной парой [1]).

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе строя бытовой русской общины находится въ «Выводахъ и заключеніяхъ» Н. П. Семенова—стра-

Эта законченная система тяглового надѣла, ясная, опредѣленная, прямо вытекавшая изъ семейнаго союза и общинныхъ отношеній и исторіей оправданная, подверглась измѣненію подъ вліяніемъ фискальной политики правительства. Параллельно съ замѣной тяглового надѣла душевымъ, и бытовая община, міръ, рѣшавшій всѣ дѣла общимъ согласіемъ, обратился, подъ вліяніемъ правительственной политики, въ общину современную, бюрократическую, въ коллегіальное учрежденіе сельскаго схода съ простымъ и усиленнымъ большинствомъ голосовъ. Первымъ ударомъ бытовому тяглу, бывшему не только единицей рабочей силы и земли, но и единицей податною, явилось введеніе подушной подати и ревизіи. Хотя счетъ на ревизскія души былъ усвоенъ кредитными учрежденіями при пріемѣ въ залогъ имѣній и примѣнялся при переходѣ правъ на эти имѣнія, но и въ XVIII вѣкѣ, и въ первой половинѣ XIX-го и народъ и помѣщики удержали тягловой порядокъ надѣла. Барщина попрежнему отбывалась тяглами, да и оброки разверстывались на тягла. Только въ 1836 году, съ учрежденіемъ Министерства государственныхъ имуществъ, къ государственнымъ крестьянамъ былъ примѣненъ душевой надѣлъ. Однако у крестьянъ помѣщичьихъ и въ моментъ реформы земля и натуральныя повинности распредѣлялись по тягламъ. Но такъ какъ реформа 19 февраля застала и казенные повинности (подушныя подати), и ипотечные долги помѣщиковъ, и оброки крестьянъ (съ ихъ внѣшней стороны) въ большинствѣ случаевъ пріуроченными къ ревизскимъ душамъ мужского пола [1]), то законадатель, «желая избѣгнуть осложненія разсчетовъ», основалъ ихъ на подушной системѣ. «Крестьяне оказались надѣленными землею по ревизскимъ душамъ мужского пола. Разсчетъ размѣровъ надѣла цѣлому обществу, размѣровъ оброка, а также выкупной ссуды и выкупныхъ платежей, даже

ница 8 и слѣд. (Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II), откуда мы заимствовали эти свѣдѣнія.

[1]) Д. П. Семеновъ, **Записка о порядкахъ землепользованія у русскихъ крестьянъ** (1899), стр. 11.

разсчетъ барщины, гдѣ она была временно сохранена,—все пріурочивалось къ количеству душъ мужского пола по послѣдней ревизіи, причемъ это количество было почти тождественно съ наличнымъ ихъ количествомъ во время освобожденія» [1]). Законъ давалъ крестьянамъ полный просторъ въ распредѣленіи земли между членами общества, «но тѣмъ не менѣе», говоритъ Д. П. Семеновъ, «вся совокупность указанныхъ обстоятельствъ, въ особенности, если принять во вниманіе малограмотность и отсутствіе привычки къ самостоятельности у крестьянъ, только что получившихъ свободу, естественно должна была вызывать распредѣленіе земель, основанное на томъ же разсчетѣ, на которомъ все общество получило свой надѣлъ и на которомъ были основаны и размѣры его обложенія. Понятно поэтому, что огромное большинство сельскихъ обществъ распредѣлило отведенные имъ надѣлы по душамъ мужского пола... Дальнѣйшая исторія общины, въ большинствѣ случаевъ, заключалась въ развитіи неправильно внушенной или навязанной крестьянамъ идеи подушнаго распредѣленія земли».

Это въ высшей степени ясное изложеніе происхожденія современнаго душевого надѣла Д. П. Семеновъ иллюстрируетъ примѣромъ одного непремѣннаго члена, встрѣтившагося въ одномъ селеніи въ 70-хъ годахъ съ распредѣленіемъ земли по тягламъ, причемъ этотъ дѣятель, «человѣкъ вообще опытный и знакомый съ Положеніемъ 19-го февраля», считалъ такое распредѣленіе незаконнымъ и только однимъ изъ бывшихъ членовъ Редакціонной комиссіи былъ удержанъ отъ принужденія крестьянъ къ передѣлу по душамъ. Но вѣдь не вездѣ были на мѣстахъ члены Редакціонныхъ комиссій, которые могли удерживать превратно понимающихъ законъ дѣятелей.

Результатомъ внушеннаго и навязаннаго крестьянамъ душевого надѣла является современное безотрадное положеніе деревни,

---

[1]) Д. П. Семеновъ, Записка о порядкахъ землепользованія у русскихъ крестьянъ.

при которомъ земля не обезпечиваетъ быта земледѣльца. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ душевого надѣла измельчали полевыя полосы и увеличилась черезполосность, ложащаяся непосильнымъ бременемъ на крестьянское хозяйство и являющаяся непреодолимымъ препятствіемъ къ его правильному развитію; участились семейные раздѣлы, увеличивающіе непроизводительные расходы при уменьшеніи доходовъ; подъ вліяніемъ той же причины возникли общіе передѣлы земли, отнимающіе у земледѣльца увѣренность въ результатахъ его труда; подъ вліяніемъ душевого надѣла участились неурожаи вслѣдствіе вызваннаго всѣмъ вышеизложеннымъ упадка земледѣльческой культуры. Эти неурожаи къ тому же превратились, при отсутствіи сбереженій и запасовъ, обусловленномъ опять-таки душевымъ надѣломъ, изъ временнаго стѣсненія хозяйства, уравновѣшиваемаго урожайными годами, во всенародное бѣдствіе и всеобщее разореніе.

Подъ косвеннымъ вліяніемъ той же причины произошло, наконецъ, паденіе народной нравственности и увеличилось значеніе земледѣлія, какъ единственнаго источника пропитанія сельскаго населенія, при одновременно уменьшившейся для крестьянскаго земледѣлія возможности исполнять это назначеніе. При такихъ условіяхъ получается то граничащее съ абсурдомъ положеніе, что, при несомнѣнномъ, какъ это было выяснено въ главѣ о легендѣ общаго малоземелья, и весьма значительномъ, въ $1^1/_2$ раза превысившемъ приростъ населенія, увеличеніи земельнаго обезпеченія крестьянъ съ 1861 года (съ 5,55 дес. до 7—8 дес. на душу), благосостояніе крестьянъ не только въ общемъ понизилось за 40 лѣтъ, но во многихъ мѣстахъ приближается къ полному банкротству. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ наша картина не особенно разнится отъ той, которую даютъ сторонники дополнительнаго надѣла, но ошибка ихъ въ томъ, что вмѣсто ясной и опредѣленной причины душевого надѣла они выдвигаютъ противорѣчащую фактамъ и связанную съ внѣшнимъ, второстепеннымъ признакомъ, туманную и неопредѣленную теорію малоземелья, ведущую не къ чему иному, какъ къ

финансовому банкротству Россiи и къ голодной смерти крестьянскаго населенiя.

При тягловомъ надѣлѣ выходъ изъ общества остается свободнымъ, и доведена до минимума возможность эксплоатацiи однихъ членовъ общины другими, болѣе состоятельными. Тягловой надѣлъ не задается утопической и крайне вредно отражающейся на нравственности и правовомъ сознанiи народа цѣлью обезпечить каждаго члена общины землей. Эту попытку, это покушенiе съ негодными средствами, эту вредную и опасную иллюзiю имѣетъ въ виду надѣлъ душевой, но именно при немъ неизбѣженъ на практикѣ огромный процентъ безземельныхъ крестьянъ, абстрактно и на бумагѣ продолжающихъ считаться земельными, но на самомъ дѣлѣ давно уже сдавшихъ землю въ аренду, часто за самую ничтожную плату, за одно лишь освобожденiе отъ уплаты повинностей, и потерявшихъ связь съ надѣльной землей. Но и остальная часть населенiя общины, за исключенiемъ небольшой кучки эксплоататоровъ, прямо порождаемыхъ душевымъ надѣломъ, едва перебивается изо-дня въ день до перваго неурожая, пожара и т. п. бѣдствiя, которыя всегда готовы обратить при душевомъ надѣлѣ всякаго крестьянина въ нищаго. Благодаря все увеличивающемуся вслѣдствiе такого положенiя захвату крестьянскихъ надѣловъ богачами, самые надѣлы теряютъ окончательно свой смыслъ и значенiе, такъ какъ они не только не предотвращаютъ гибельной для народной жизни капитализацiи крестьянскаго земледѣлiя, но, наоборотъ, въ высшей степени обостряютъ тяжелыя для народа стороны этого процесса. Душевой надѣлъ прямо ведетъ къ фактическому обезземеленiю населенiя и обращенiю его въ пролетарiатъ. Тягловой же надѣлъ, давая во всякiй моментъ категорическiй отвѣтъ на вопросъ о переростѣ населенiя въ данной общинѣ, не гонится за утопiей и, не дѣлая даже попытки обезпечить землей все населенiе, на самомъ дѣлѣ вполнѣ обезпечиваетъ, сравнительно съ душевымъ надѣломъ, при той же площади, гораздо большее количество населенiя.

По вычисленію П. Н. Семенова, тягловой надѣлъ, будучи распространенъ на всю современную надѣльную только площадь, которая составляетъ лишь $^3/_5$ общаго землепользованія крестьянъ (см. стр. 4 и 8), могъ бы служить прочнымъ на вѣчныя времена основаніемъ благосостоянія свыше 100 милліоновъ крестьянскаго населенія, опираясь на которые Русское государство могло бы явить еще невиданный въ мірѣ примѣръ внутренней крѣпости и внѣшняго могущества. И дѣло, конечно, не можетъ обстоять иначе, потому что замѣна душевого надѣла тягловымъ есть превращеніе измельченныхъ до крайности, бездоходныхъ и въ высшей степени черезполосныхъ клочковъ, мѣстами доведенныхъ до невозможности обработки ихъ, въ участки болѣе крупные, недробимые, не передѣляемые и доходоспособные. Высшая доходность крестьянскаго хозяйства при тягловомъ надѣлѣ, прямо вытекающая изъ его свойствъ, обусловливается кромѣ того связанной съ тягловымъ надѣломъ крѣпостью семейнаго союза, дѣлающей невозможными столь распространенные при душевомъ надѣлѣ и столь гибельно отражающіеся на хозяйствѣ семейные раздѣлы. «Если многосемейный дворъ», говоритъ Д. П. Семеновъ, «владѣетъ землей, хотя и достаточной для веденія самостоятельнаго хозяйства, но недостаточной для прокормленія всѣхъ членовъ семьи, то, при существованіи сторонныхъ заработковъ, благосостояніе этого двора будетъ процвѣтать, въ неурожайные годы поддерживаемое изъ рессурсовъ, доставляемыхъ сторонными заработками нѣкоторыхъ членовъ семьи, и въ свою очередь будетъ доставлять нѣкоторые рессурсы этимъ членамъ семьи въ случаяхъ сокращенія ихъ заработка... При раздѣлѣ такого двора хозяйство... сдѣлается неустойчивымъ или совсѣмъ невыгоднымъ. Общіе расходы на поддержаніе двухъ или трехъ хозяйствъ сдѣлаются значительнѣе, свобода передвиженія рабочихъ и возможность искать заработка вдали отъ своего хозяйства сократится или ея совсѣмъ не будетъ; количество труда, потребнаго на поддержаніе 2 или 3 хозяйствъ, увеличится и т. д. Слѣдовательно, въ общемъ доходы уменьшатся, а расходы увеличатся, и благосостояніе пострадаетъ. Несмотря на все это, при возможности выдѣла хотя части общей земли,

малѣйшее недоразумѣніе между членами семьи вызываетъ семейный раздѣлъ. Зная, что, выдѣлившись, онъ не лишится ни своего родного угла, такъ какъ часть усадьбы отойдетъ къ нему, ни земли, часть которой онъ получитъ, крестьянинъ очень легко, а иногда совершенно легкомысленно, рѣшается требовать выдѣла, надѣясь поддержать свое небольшое и неустойчивое хозяйство благодаря какимъ-либо счастливымъ случайностямъ, напр. возможности принанять земли, подвернувшемуся случайно очень выгодному заработку и т. п. Совсѣмъ въ иномъ положеніи окажется крестьянинъ, не желающій терпѣть никакихъ стѣсненій, необходимыхъ для поддержанія многосемейнаго двора, при примѣненіи тягловой системы. Онъ будетъ знать, что при отсутствіи свободнаго тягла въ обществѣ онъ, выдѣляясь, земли не получитъ, а потому, естественно, онъ будетъ стремиться не выдѣляться и не разрывать экономической связи съ родителями или братьями до тѣхъ поръ, пока не обезпечитъ себя настолько, что эта связь съ землей и родной деревней сдѣлается излишней; онъ будетъ искать заработка, поселится, быть можетъ, во владѣльческомъ имѣніи или на фабрикѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отдѣльнаго тягла въ той же деревнѣ, или не устроится гдѣ-нибудь на новыхъ земляхъ, или, наконецъ, не упрочитъ своего положенія въ качествѣ торговца, ремесленника и т. п. Такимъ образомъ замѣна подушной системы системою тягловой неизбѣжно будетъ способствовать ограниченію семейныхъ раздѣловъ гораздо вѣрнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ всякія другія мѣры» [1]).

Такимъ образомъ и посредственно, черезъ ограниченіе семейныхъ раздѣловъ, и непосредственно, по самой природѣ своей не допускающій чрезмѣрнаго дробленія крестьянскихъ хозяйствъ, тягловой надѣлъ могъ бы не только сразу поднять до небывалой высоты уровень благосостоянія современнаго крестьянскаго населенія, но могъ бы обезпечить и значительно большее современнаго количество населенія. Эти соображенія проливаютъ особенно

---

[1]) Записка о порядкахъ землепользованія у русскихъ крестьянъ, стр. 29—30.

яркій свѣтъ на то, на сколько противорѣчитъ требованіямъ жизни направленіе, въ какомъ ведется разработка аграрнаго вопроса, насколько выдуманнымъ, при несомнѣнной достаточности площади современнаго крестьянскаго землепользованія и для болѣе значительнаго населенія, является этотъ вопросъ въ той количественно-земельной постановкѣ, которая придана ему изслѣдователями.

Но выгода тяглового надѣла, сравнительно съ душевымъ, не ограничивается созданіемъ бо̀льшаго благосостоянія для бо̀льшаго количества населенія на той же территоріи. При высшемъ общемъ уровнѣ благосостоянія и при отсутствіи въ тягловой общинѣ такихъ дышащихъ на ладанъ фиктивныхъ надѣльныхъ владѣльцевъ, которые теперь во многихъ мѣстностяхъ составляютъ едва ли не большинство, неизбѣжно должна кореннымъ образомъ измѣниться вся матеріальная и моральная атмосфера общинной жизни и, параллельно съ такимъ измѣненіемъ ея, совершенно въ иномъ, неизмѣримо лучшемъ положеніи окажутся выходящіе изъ состава общины члены ея. Въ настоящее время, при душевомъ надѣлѣ, наиболѣе острое стремленіе къ переселенію имѣютъ несомнѣнно тѣ крестьяне, положеніе которыхъ на родинѣ особенно тяжко. Но самое переселеніе и основаніе новаго хозяйства въ чуждой обстановкѣ требуетъ прежде всего лишнихъ средствъ, безъ которыхъ самое дѣло переселенія не можетъ быть прочнымъ; между тѣмъ этихъ средствъ именно и нѣтъ у того контингента крестьянъ, которые съ другихъ точекъ зрѣнія являются какъ бы наиболѣе «естественными» кандидатами на переселеніе. Подобныя внутреннія коллизіи возможны и въ дѣлѣ пріобрѣтенія крестьянами купчихъ земель и въ дѣлѣ отслоенія отъ земледѣльческой массы крестьянства ремесленниковъ, заводскихъ рабочихъ и вообще тружениковъ городской жизни. Теперь и въ промыслы, и въ городъ—и въ переселеніе гонитъ крестьянина нужда, нужда, неизбѣжная при общемъ низкомъ уровнѣ народнаго благосостоянія, обусловленномъ душевымъ надѣломъ. Теперь этотъ отливъ населенія изъ деревни, самъ по себѣ естественный и неизбѣжный,

принимаетъ иногда болѣзненныя формы. Этого не могло бы быть при надѣлѣ тягловомъ, обезпечивающемъ всему населенію общины достаточно высокій уровень благосостоянія, при которомъ каждый переселяющійся не будетъ нищимъ, а будетъ полнымъ хозяиномъ, съ дѣтства выросшимъ въ извѣстной степени довольства. При такихъ условіяхъ переселеніе не будетъ не достигающимъ цѣли бѣгствомъ отъ нужды; оно станетъ обдуманнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, а переселенецъ будетъ не приниженный нравственно, вслѣдствіе постоянной нужды и постоянныхъ неизбѣжныхъ неудачъ servus poenae—нищій или испорченный до мозга костей преступникъ, а смѣло глядящій въ глаза жизни работникъ, энергичный, трудолюбивый, вдумчивый и осмысленный; это будетъ дисциплинированный во взростившемъ его крѣпкомъ семейномъ союзѣ и имѣющій страхъ Божій христіанинъ, тотъ русскій хрестьянинъ, полный отрады образъ котораго мы впитали въ себя съ молокомъ матери и хранимъ въ душѣ, хотя все рѣже и рѣже приходится въ жизни встрѣчаться съ такими крестьянами...

Работами Н. П., Д. П. и П. Н. Семеновыхъ, на которыя не разъ приходилось ссылаться въ настоящихъ замѣткахъ, незыблемо установлены неисчислимыя бѣдственныя послѣдствія душевого надѣла. Добросовѣстный и вдумчивый наблюдатель деревенской жизни не можетъ не видѣть, что все зло ея не въ малоземельи, понятіе котораго ровно ничего собою не выражаетъ и которое не можетъ быть уврачевано никакимъ способомъ, въ чемъ должно было убѣдить предшествующее изложеніе, — а именно въ душевомъ надѣлѣ. И просто непонятнымъ представляется, что этотъ центральный вопросъ нашего аграрнаго строя не удостоился вниманія авторовъ аграрныхъ проектовъ. Не рѣшивъ этого вопроса, вообще ничего нельзя сдѣлать съ русской деревней, а если что̀ и можно сдѣлать, то только плохое, такое, что̀ еще больше усугубитъ ея бѣдствія. Гг. авторы проектовъ даже какъ бы не подозрѣваютъ о существованіи этого вопроса. Душевой надѣлъ, это печальное недоразумѣніе редакціонныхъ

комиссій[1]), превратившееся въ еще болѣе печальное внушеніе правительственной власти крестьянамъ, является нашимъ изслѣдователямъ, какъ нѣчто, освященное традиціей, чѣмъ обнаруживается вся робость аналитической мысли этихъ смѣлыхъ новаторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не гипнозъ традиціонныхъ представленій породилъ въ сущности весь проектъ дополнительнаго надѣла. Въ самомъ понятіи о душевомъ надѣлѣ, дѣйствительно, какъ бы сквозить мысль объ обязанности государства надѣлять всякую «душу» извѣстнымъ количествомъ земли. Изъ такой посылки могутъ быть два вывода. Можно разсудить, что для надѣленія землей всякой души — земли, какъ мы видѣли, вообще не хватитъ, а если раздать ту, что̀ есть, то, въ виду того, что̀ дѣло происходитъ не внѣ пространства и времени, а въ Россіи XX вѣка, имѣющей такую-то и такую-то исторію и связанной такъ-то и такъ-то съ другими народами, дѣло ничѣмъ инымъ, кромѣ всеобщаго разоренія русскаго народа, кончиться не можетъ: въ этомъ, съ другой стороны, достаточно убѣждаетъ и картина современной деревенской жизни при душевомъ надѣлѣ. А такъ какъ такое самоубійство народа есть абсурдъ, то изъ этого абсурда можно заключить о полной непригодности той первоначальной мысли, которая привела къ этому абсурду, т. е. мысли о душевомъ надѣлѣ. Но можно и in errore perseverare, можно встать на абсурдъ въ торжественную позу и провозгласить: pereat mundus, fiat iustitia. Вотъ этотъ второй выходъ и выбранъ сторонниками дополнительнаго надѣла. И они въ своемъ родѣ весьма послѣдовательны: исходя изъ абсурда, они къ абсурду же и приходятъ. На абсурдѣ коренится все зданіе намѣчаемой реформы. Въ это зданіе нельзя втиснуть ни одной живой мысли. При малѣйшемъ соприкосновеніи съ живой реальностью рушится все зданіе, въ чемъ убѣждаютъ, напримѣръ, слѣдующія соображенія. Знаменитое «малоземелье», предста-

---

[1]) Нѣкоторые члены ихъ, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. П. Семеновъ, П. П. Семеновъ и кн. Черкасскій предвидя, къ чему приведетъ душевой надѣлъ, стояли за надѣленіе крестьянъ по тягламъ.

вляющее изъ себя пустое мѣсто, выдвинуто съ цѣлью выясненія перероста населенія. Но общее малоземелье, какъ мы видѣли, опровергается непреложными фактами, да сторонники реформы на немъ и не настаиваютъ. Остается малоземелье мѣстное, частное, конкретное. Но, спрашивается, какъ опредѣлить это малоземелье, т. е. какъ опредѣлить число тѣхъ, кому земли не хватаетъ, когда нѣтъ аппарата, нѣтъ машины для опредѣленія этого конкретнаго перероста населенія. Такимъ аппаратомъ, какъ мы видѣли, не можетъ быть душевой надѣлъ; имъ можетъ быть только надѣлъ тягловой, причемъ переростъ населенія опредѣляется съ точностью до единицы. Поэтому, даже съ точки зрѣнія самой реформы, первое, съ чего слѣдуетъ начать, есть переходъ къ тягловому надѣлу. Это есть первая жизненная реальность на пути реформы. Но, разъ признанъ тягловой надѣлъ, должна отпасть самая мысль о надѣленіи въ данной общинѣ всѣхъ ея членовъ. Дополнительный надѣлъ падаетъ самъ собою, и на смѣну его является реальный вопросъ о распредѣленіи избыточнаго населенія общинъ между трудомъ фабричнымъ и ремесленнымъ и переселеніемъ. Нечего добавлять, что при тягловомъ надѣлѣ вопросъ этотъ не только будетъ вполнѣ ясенъ въ числовомъ отношеніи, но и потеряетъ 3/4 своей современной остроты, благодаря общему подъему благосостоянія. На смѣну нынѣ замышляемой гг. профессорами и министрами аграрной революціи явится осмысленная аграрная политика государства, которой доселѣ не только не было, но и не могло быть—при господствѣ душевого надѣла.

А какой степени совершенства можетъ достигать аграрная политика при точномъ знаніи перероста населенія, показываетъ примѣръ подобной политики помѣщичьяго класса, нынѣ столь не въ модѣ обрѣтающагося, но справлявшагося до 1861 года съ разнообразными вопросами экономической жизни куда легче, совершеннѣе и прибыльнѣе для народнаго блага, чѣмъ стала справляться съ тѣми же вопросами послѣ 1861 года и справляется доселѣ, казалось бы, лучше обставленная государственная власть.

Сошлюсь въ подтвержденіе этого мнѣнія на Н. П. Семенова, котораго едва ли кто упрекнетъ въ крѣпостничествѣ. «Умные и

дальновидные помѣщики, даже не богатые... старались пріобрѣтать въ ненаселенныхъ губерніяхъ земли и выселять туда лишніе у себя дворы... Такимъ образомъ помѣщики, устраивая свои дѣла и въ то же время заботясь о благосостояніи крестьянъ, увлекали другихъ помѣщиковъ и дѣлали починъ въ удовлетвореніи государственной потребности правильнаго разселенія крестьянъ... Такимъ путемъ безъ расходовъ государству были заселены приволжскія (и южныя) губерніи» [1]). И это заселеніе совершалось при отсутствіи путей сообщенія, при дальнихъ разстояніяхъ и неудобствѣ и рѣдкости сношеній даже съ неотдаленными мѣстностями. «Если бы тогдашнее правительство», прибавляетъ Н. П. Семеновъ, «сумѣло своевременно распространить его на ближайшія къ намъ губерніи хотя бы Западной Сибири, то этимъ оно отдалило бы для насъ переростъ населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ то же время удовлетворило бы государственной потребности заселенія Сибирскаго края кореннымъ русскимъ племенемъ».

Такъ съ нѣкоторымъ рискомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и съ затратой помѣщичьихъ денегъ и хозяйственной энергіи на покупку земли и устройство хозяйства, а также цѣною пріобрѣтенныхъ хозяйственнымъ навыкомъ знаній шла до 1861 года дѣловая колонизація нашихъ окраинъ. И какими жалкими, какими убогими, неосмысленными оказываются, на ряду съ этой органической колонизаціей, современное переселеніе и дѣятельность Крестьянскаго банка,—полублаготворительныя затѣи, требующія содержанія огромнаго бюрократическаго штата и все же не удовлетворяющія вызвавшей ихъ потребности. Дѣятельность ихъ болѣе анархическая, чѣмъ созидательная, и обходятся онѣ народу едва ли не дороже приносимой ими пользы.

Но помѣщичій классъ слишкомъ хорошо понималъ то дѣло, надъ которымъ былъ поставленъ исторіей, чтобы ограничиваться

[1]) Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія, стр. 9—10; О будущемъ крестьянскаго сословія, стр. 19-20.

переселеніемъ сверхтягольнаго населенія на новыя земли. Если вглядѣться въ нѣкоторыя «мелочи» современной провинціальной жизни,—есть надъ чѣмъ призадуматься. Въ очень многихъ сельскихъ мѣстностяхъ теперь невозможно найти хорошаго плотника, а о столярахъ, малярахъ, слесаряхъ и печникахъ и говорить нечего. Теперь не только въ деревнѣ и уѣздныхъ городахъ, но нерѣдко и въ губернскихъ сплошь и рядомъ въ окна дуетъ, двери плотно не прикрываются, печи дымятъ, но не грѣютъ, и никто не не умѣетъ сносно приладить пола. Отчетливости и совершенстава въ строительной работѣ нельзя найти въ деревнѣ ни за какія деньги. Онѣ доступны только въ столицахъ и наиболѣе крупныхъ центрахъ. Между тѣмъ прежде самыя разнообразныя производства были повсемѣстно развиты въ деревняхъ и притомъ достигали высокой степени совершенства. Всякая мѣстная потребность, не исключая художественныхъ даже, удовлетворялась мѣстными средствами. При этомъ отличіе въ этомъ отношеніи настоящаго отъ прошлаго выступаетъ еще рельефнѣе подъ вліяніемъ такого, казалось бы, противорѣчія, что прежде, при гужевой, дорого стоющей доставкѣ, самые разнообразные товары и предметы домашняго комфорта и культурнаго обихода неизмѣримо глубже и шире проникали въ деревню, чѣмъ нынѣ, при развитіи рельсовыхъ путей. Съ выѣздомъ за черту Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ городовъ кончается и цивилизація, чего прежде не было. Все это мелочи, но изъ мелочей складывается жизнь. Чувствуется исчезновеніе изъ деревенской жизни какого-то творческаго начала, которое ничѣмъ не замѣнено и безъ котораго неизбѣженъ регрессъ, все болѣе и болѣе ощутительный. Если сопоставить съ этимъ регрессомъ регрессъ собственно крестьянскій, то окажется, что характеризующіе оба эти регрессивныя движенія факты суть факты одного и того же порядка. И развитіе сельскихъ ремеслъ скомпрометировалъ тотъ же душевой надѣлъ, который подточилъ земледѣльческое благосостояніе крестьянъ. Слѣдя за сверхтягольнымъ населеніемъ общины и зная его съ точностью до единицы, помѣщикъ, если не представлялось возможности переселять перерость населенія на новыя земли, или

если были на лицо какія либо другія причины, напр. обнаруженныя природныя способности въ какой-либо спеціальности, имѣлъ всегда возможность не имѣющаго тягла крестьянина перевести въ дворовые. Такимъ образомъ, при изстари заведенныхъ при каждой усадьбѣ ремеслахъ и практикуемыхъ нерѣдко отправкахъ на обученіе въ города и столицы, отливала въ ремесленный трудъ та часть населенія, которая не могла найти примѣненія ни въ земледѣліи родной общины, ни на новыхъ земляхъ.

Отливу отъ земледѣлія нѣкоторой части населенія содѣйствовало и регулируемое помѣщичьей властью укомплектованіе нижнихъ чиновъ арміи и флота. Сданный рекрутъ, обязанный 25-лѣтней службой, покидалъ свое общество навсегда и навсегда же освобождалъ приходящееся ему тягло. Преимущество, въ интересахъ сельской жизни, прежней системы укомплектованія арміи и пагубное вліяніе на деревенское благосостояніе всеобщей воинской повинности, отвлекающей цвѣтъ крестьянскаго населенія въ лучшую пору его жизни, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Можно думать, что современный принципъ противорѣчитъ даже интересамъ арміи и народной обороны. Многочисленныя имена Измаила и Очакова, Чесмы и Наварина, Бородина и Кульма, имена Севастополя, Карса и Плевны [1]), обезсмертившія старую рекрутскую русскую армію, невольно просятся для противопоставленія съ новыми именами Мукдена, Ляояна и Цусимы. Иныхъ, къ сожалѣнію, не дала еще намъ наша новая армія, армія всеобщей воинской повинности.

Наконецъ, способомъ отлива изъ сельскихъ мѣстностей внутреннихъ губерній части населенія, и при томъ самой для нихъ нежелательной, была отдача порочныхъ членовъ общества въ распоряженіе правительства, чѣмъ въ значительной степени обезпечивалось матеріальное и нравственное благосостояніе крестьянъ. Современное широкое развитіе преступности, алкоголизма и вы-

---

[1]) Карсъ и Плевна произошли лишь черезъ 3 года послѣ военной реформы, когда она еще не успѣла охватить и оказать своего дѣйствія на всю армію.

рожденія среди крестьянскаго населенія есть такой же продуктъ душевого надѣла, какъ все увеличивающаяся среди крестьянъ фактическая безземельность, кулачество и паденіе ремесленнаго труда.

Какъ ни велики со всѣхъ точекъ зрѣнія преимущества тяглового надѣла передъ душевымъ, можно быть увѣреннымъ, что будутъ высказаны сомнѣнія въ практическомъ значеніи тяглового распредѣленія въ настоящее время; скажутъ пожалуй, что тягловой надѣлъ настолько изгладился изъ памяти народной, что возвращеніе къ нему будетъ очень затруднительно. Но такія опасенія едва ли основательны. Тягловая община сохранилась доселѣ въ далеко не единичныхъ мѣстностяхъ, являясь даже преобладающей формой распредѣленія надѣльной земли въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, каковы, напримѣръ: Владимірская, Ярославская, Костромская, Тверская, Московская, Калужская, Смоленская, Новгородская, Вологодская. Она распространена довольно значительно въ губерніяхъ Петербургской, Олонецкой и Вятской и встрѣчается въ губерніяхъ Нижегородской, Витебской, Могилевской, Псковской и Пермской [1]). При такихъ условіяхъ трудно говорить объ исчезновеніи идеи тягла изъ народной памяти. Можно, конечно, опасаться и считать нежелательной какую-либо коренную ломку законодательства, какое-либо прямое вмѣшательство и принужденіе правительственной власти въ области хозяйственныхъ распорядковъ народа. Но въ томъ-то и дѣло, что никакой коренной ломки законодательства введеніе тяглового распредѣленія и не предполагаетъ. «Безъ нарушенія какихъ бы то ни было статей Положенія 19 февраля 1861 года введеніе тягловой системы возможно и въ настоящую минуту по постановленію сельскаго схода, имѣющаго право устанавливать какіе угодно порядки землепользованія какъ на опредѣленный срокъ, такъ и на вѣчныя времена. Это преимущество предлагаемаго порядка землепользованія имѣетъ настолько важное значеніе, что если бы даже имѣлся въ виду ка-

---

[1]) Д. П. Семеновъ, Статистическій очеркъ крестьянскаго землевладѣнія, стр. 54.

кой-либо другой порядокъ, столь же удобный, но требующій большей законодательной ломки, то предлагаемому порядку слѣдовало бы отдать предпочтеніе уже по одному тому, что онъ требуетъ меньшихъ измѣненій какъ въ законѣ, такъ и въ способахъ его примѣненія [1]). Такимъ образомъ въ условіяхъ сельской жизни нельзя усмотрѣть препятствій къ обращенію современной душевой общины въ тягловую.

Но необходимо выяснить возможность такого превращенія и со стороны количества того сверхтягольнаго населенія, которое потребуетъ водворенія на новыхъ мѣстахъ. Спрашивается, какъ велико то населеніе, которое будетъ выкинуто изъ старыхъ общинъ намѣчаемой мирной реформой, и не встрѣтится ли затрудненій въ отысканіи свободныхъ земель для водворенія этого сверхтягольнаго населенія. Д. П. Семеновъ отвѣчаетъ на эти вопросы слѣдующимъ образомъ. «Въ общемъ средній размѣръ будущихъ тяглъ, вѣроятно, въ большинствѣ отдѣльныхъ уѣздовъ совпадетъ со среднимъ количествомъ надѣльной земли, приходящимся на крестьянскій дворъ въ настоящее время, и лишь въ особенно густо населенныхъ уѣздахъ превысить его; стало быть болѣе или менѣе значительное количество дворовъ, на которыхъ земли не хватитъ, окажется преимущественно въ такихъ селеніяхъ, которыхъ надѣлы ниже среднихъ въ данной мѣстности, т. е. приблизительно въ половинѣ всѣхъ селеній. При этомъ, путемъ устанавляемаго правительствомъ минимума и максимума размѣровъ тяглового участка, дѣло это еще до нѣкоторой степени урегулируется, такъ какъ нѣкоторыя сельскія общества, съ надѣломъ ниже средняго, принявъ минимальный размѣръ тягла, вѣроятно, также въ состояніи будутъ дать по тяглу каждому двору. Изъ остальныхъ обществъ едва ли придется выселить, въ среднемъ, болѣе 10% существующихъ дворовъ, что составитъ по цѣлымъ уѣздамъ, стало быть, не болѣе 5% [2])». Если взять 49 губерній

---

[1]) Д. П. Семеновъ, Записка о порядкахъ землепользованія, стр. 37.

[2]) Ibid., стр. 41.

Европейской Россіи, то при количествѣ дворовъ въ 11 слишкомъ милліоновъ, 5% составятъ отъ 500 до 600 тысячъ дворовъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что такого водворенія на новыхъ мѣстахъ и не потребуется вовсе повсемѣстно, а лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ, а именно Центральной земледѣльческой, Юго-западной, Малороссійской, Бѣлорусской и можетъ быть Новороссійской. Въ перечисленныхъ областяхъ имѣется всего приблизительно 5½ милліоновъ дворовъ, такъ что количество сверхтягольныхъ дворовъ, держась принятаго процентнаго отношенія, не будетъ превышать 250.000. Но если вспомнить, что въ Юго-западной области замѣтно преобладаетъ, въ Малороссійской почти преобладаетъ, а въ Бѣлорусской занимаетъ замѣтное мѣсто подворное владѣніе, то можно думать, что число сверхтягольныхъ дворовъ не превыситъ значительно 150 тыс. дворовъ.

Д. П. Семеновъ предполагаетъ направлять сверхтягольные дворы въ сибирское переселеніе. Держась цифры переселенія въ 30—35 тысячъ семействъ въ годъ, каковая установилась въ послѣдніе годы передъ войной, можно придти къ заключенію, что сверхтягольное населеніе могло бы безъ особаго напряженія переселиться въ Сибирь въ теченіе пяти лѣтъ. Но нельзя не согласиться съ доводами г. Кауфмана[1]), предостерегающаго отъ преувеличенія значенія Сибири, какъ колонизаціонной области. При этомъ г. Кауфманъ находитъ затрудненія широкой колонизаціонной политикѣ не только въ условіяхъ Сибири, но и въ условіяхъ тѣхъ мѣстностей, откуда идетъ переселенческая волна. Отрицательно можно относиться къ переселенію въ Сибирь и со многихъ другихъ сторонъ, и вообще не трудно видѣть, что въ будущемъ, когда, подъ вліяніемъ тягловой общины, улучшится хозяйственная и нравственная атмосфера крестьянской жизни, уменьшатся и затрудненія переселенія въ Сибирь. Такъ что Сибирь отъ насъ не уйдетъ. Но особенно надѣяться на сибирское переселеніе въ дѣлѣ устроенія сверхтягольнаго населенія едва ли представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что потребность переселенія будетъ ощущаться и впредь не

[1]) **Аграрный вопросъ, стр. 134 и слѣд.**

одними сверхтягольными, и этимъ переселенцамъ слѣдуетъ оставить дорогу открытой. Для сверхтягольныхъ же слѣдуетъ землю найти по возможности по близости, не отрывая ихъ отъ привычныхъ условій жизни, климата и всей хозяйственной обстановки. Надо всѣми средствами гарантировать возможную безболѣзненность перехода душевой общины въ тягловую. Поселять сверхтягольные дворы слѣдуетъ по возможности во внутреннихъ губерніяхъ, не трогая однако же для этой цѣли ни казенныхъ, ни удѣльныхъ земель и не «отрѣзая» земель частновладѣльческихъ. Для отвода сверхтягольнымъ долженъ быть образованъ особый Государственный земельный фондъ, въ который могутъ войти, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, годныя для этой цѣли государственныя и удѣльныя земли, а также земли городскія, церковныя и частновладѣльческія, которыя по вольной цѣнѣ и свободному соглашенію пожелаютъ продать Государственному земельному фонду ихъ владѣльцы. Зародышъ этого фонда уже существуетъ—это земли, купленныя Крестьянскимъ банкомъ за счетъ собственнаго капитала.

Остается дать управленію этого фонда цѣлесообразную организацію. Наилучшимъ образцомъ такой организаціи является прусская организація Генеральныхъ Комиссій, съ успѣхомъ уже болѣе ста лѣтъ вѣдающихъ у нашихъ сосѣдей дѣла землеустройства. Такія Генеральныя Комиссіи должны быть образованы въ крупныхъ народнохозяйственныхъ областяхъ, объединенныхъ извѣстной общностью интересовъ и хозяйственныхъ условій, т. е. въ областяхъ Центральной земледѣльческой, Новороссійской, Югозападной, Малороссійской и Бѣлорусской. Но такъ какъ изъ дальнѣйшаго выяснится, что дѣятельность Генеральныхъ Комиссій не можетъ ограничиться разселеніемъ сверхтягольныхъ дворовъ, а должна будетъ коснуться и общаго размежеванія, отграниченія крестьянскихъ надѣловъ, уничтоженія черезполосности, отмѣны сервитутовъ, разселенія деревень въ предѣлахъ надѣла, переселенія въ Сибирь и на другія окраины и т. п. предметовъ, то Комиссіи должны быть образованы и въ остальныхъ народно-хозяйственныхъ областяхъ, т. е. Восточной, Московской промышленной,

Литовской, Пріозерной и т. д., не исключая и внѣевропейскихъ. Мѣстнымъ органомъ Генеральныхъ Комиссій должны быть Комиссіи уѣздныя, которыя должны получить земскій характеръ, изъ чего уже слѣдуетъ, что онѣ не должны быть ни въ какомъ соотношеніи, ни въ какой зависимости или вообще связи съ современными земскими учрежденіями и должны быть организованы безъ какой-либо аналогіи съ современной земской организаціей. Дѣятельность Генеральныхъ Комиссій должна объединяться центральнымъ Совѣтомъ по земельнымъ дѣламъ. Высшее же руководство, надзоръ и санкція выдаваемыхъ актовъ должны принадлежать Правительствующему Сенату, съ которымъ Совѣтъ долженъ быть въ отношеніяхъ прежнихъ Коллегій [1]).

Что касается Государственнаго земельнаго фонда, то для ближайшей цѣли—разселенія сверхтягольныхъ дворовъ—образованіе такого фонда едва ли встрѣтитъ затрудненія. Если правильно предположеніе Д. П. Семенова, что размѣръ тягла въ среднемъ будетъ совпадать съ современнымъ среднимъ количествомъ земли на дворъ, то для вышеуказанныхъ областей тягло составитъ въ среднемъ приблизительно 8 дес. Для 150.000 дворовъ потребный размѣръ земельнаго фонда составитъ слѣдовательно 1.200.000 дес. Если при этомъ имѣть въ виду, что этотъ фондъ не потребуется сразу и распредѣленіе всего дѣла разселенія на нѣсколько лѣтъ будетъ прямо въ интересахъ вдумчиваго и правильнаго веденія всего дѣла, то нельзя не усмотрѣть, что предложеніе земель на рынкѣ во много разъ будетъ превышать спросъ на эти земли со стороны фонда, такъ что рѣшительно нѣтъ повода бояться значительнаго поднятія цѣнъ подъ вліяніемъ намѣчаемой операціи, которая по своимъ размѣрамъ будетъ во много разъ

---

[1]) Изъ этого краткаго изложенія слѣдуетъ, что дѣятельность Генеральныхъ Комиссій не должна находиться ни въ какомъ соотношеніи ни съ однимъ изъ министерствъ, и что для цѣлесообразной законченности намѣчаемой организаціи требуется возстановленіе въ прежнемъ значеніи должности генералъ-прокурора.

меньше дѣятельности Крестьянскаго банка [1]), но, можно быть увѣреннымъ, окажется болѣе производительной по своимъ реальнымъ результатамъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о разселенiи сверхтягольныхъ дворовъ, остается добавить, что непремѣннымъ условiемъ должно быть разселенiе ихъ не деревнями, а отрубными хуторами, при самой широкой поддержкѣ на обзаведенiе со стороны государства. Хутора могутъ отводиться на семейно-неотчуждаемомъ и наслѣдственно-недробимомъ правѣ, съ выкупомъ или безъ онаго, съ платою соотвѣтствующей оброчной подати, а также и продаваться въ неограниченную собственность или отдаваться въ аренду, болѣе или менѣе долгосрочную. Но основнымъ типомъ должна быть форма недробимаго и неотчуждаемаго семейнаго хутора. Можно упомянуть, что форма хуторского разселенiя, отвѣчая основнымъ сельскохозяйственнымъ требованiямъ, будетъ имѣть и нѣкоторыя удобства съ точки зрѣнiя техники управленiя Государственнаго земельнаго фонда. Бюджетъ послѣдняго будетъ несомнѣнно обремененъ множествомъ ассигнованiй на водопроводныя, оросителеныя и т. п. работы, а также на ссуды для первоначальнаго обзаведенiя хуторовъ, на поддержанiе кормового обезпеченiя и т. д. Но, съ другой стороны, система хуторовъ дастъ фонду возможность скупать даже самые ничтожные, запольные клочки земли, бездоходные для крупнаго землевладѣльца и лишь портящiе границы имѣнiя. Между тѣмъ такiе дешевые по цѣнѣ клочки и будутъ болѣе всего соотвѣтствовать цѣлямъ хуторского разселенiя, чего нельзя сказать про покупку Фондомъ цѣлыхъ имѣнiй, подобно тому, какъ доселѣ скупалъ ихъ Крестьянскiй банкъ; дѣло въ томъ, что часто весьма крупныя части такихъ имѣнiй, сами по себѣ весьма цѣнныя, какъ, напр., лѣса, сады, усадьбы, или, напр., тощiя по естественнымъ свойствамъ, но улучшенныя обработкой и усиленнымъ удобренiемъ почвы,

---

[1]) За одинъ 1901 г. обѣ операцiи банка, т. е. покупка земли крестьянами при содѣйствiи банка и покупка земли за счетъ капитала банка, выразились въ цифрѣ около 1 милл. дес.

совершенно не подходятъ къ цѣлямъ разселенія и потому рискуютъ либо быть обреченными на уничтоженіе въ рукахъ крестьянъ, либо остаться за Фондомъ, обременяя его бюджетъ. При разселеніи хуторами Фондъ имѣетъ возможность до извѣстной степени избѣгать такой нецѣлесообразной покупки земли цѣлыми имѣніями и сосредоточить свою дѣятельность на пріобрѣтеніи отдѣльныхъ мелкихъ участковъ.

Итакъ, ни въ условіяхъ общинной жизни и надѣльнаго владѣнія, ни въ ожидаемомъ количествѣ сверхтягольнаго населенія и условіяхъ земельнаго рынка нельзя усмотрѣть препятствій къ свободному превращенію современной душевой бюрократической общины въ исконную тягловую. Остается разсмотрѣть тѣ возможныя поощрительныя мѣры, примѣняя которыя, правительство могло бы оказать содѣйствіе быстрому переходу отъ душевого надѣла къ тяглу. Въ числѣ подобныхъ мѣръ Д. П. Семеновъ намѣчаетъ слѣдующія:

1) Всякаго рода меліоративныя ссуды и ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе, отсрочки и пересрочки текущихъ платежей и повинностей, подъ условіемъ перехода къ тягловому распредѣленію. Эти льготы вполнѣ оправдываются неизмѣримо высшей кредитоспособностью крестьянъ при тягловомъ надѣлѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и ссуды кормовыя, которыя и по существу дѣла могутъ быть цѣлесообразны только при тягловомъ надѣлѣ, ибо нынѣ принятый масштабъ сохраненія по одной лошади на дворъ въ дворахъ многоземельныхъ можетъ оказаться явно недостаточнымъ, а въ дворахъ малоземельныхъ и безхозяйственныхъ даже безцѣльнымъ. Лошадь есть историческая принадлежность не души и не двора, а тягла, къ которому и правильнѣе всего ее пріурочить.

2) Переходомъ къ тягловой системѣ можетъ быть обусловлена и выдача ссудъ Крестьянскимъ банкомъ (Генеральной Комиссіей) на покупку земли цѣлымъ обществомъ.

3) Мѣрою, содѣйствующею переходу большаго числа общинъ къ тягловому надѣлу, можетъ быть и принудительное его введеніе въ такихъ селеніяхъ, которыя накопили недоимки, превыша-

ющія извѣстный maximum. Мѣра эта оправдывается правами государства, какъ кредитора, заинтересованнаго въ лучшемъ обезпеченіи и скорѣйшей уплатѣ кредитнаго требованія.

Нельзя не упомянуть о томъ, какимъ могущественнымъ средствомъ, въ дѣлѣ перехода отъ душевой общины къ тягловой, могли бы быть въ рукахъ государственной власти нынѣ, къ сожалѣнію, отмѣненные выкупные платежи. Значительное пониженіе, а порою и полное сложеніе ихъ съ общинъ, перешедшихъ къ тягловому надѣлу, быстро распространило бы тягловое распредѣленіе по всей Россіи и съ избыткомъ вознаградило бы бюджетную убыль подъемомъ всеобщаго благосостоянія подъ вліяніемъ возстановленія тягла. Несомнѣнно, окажутъ въ этомъ отношеніи извѣстное болѣе или менѣе значительное дѣйствіе и намѣчаемыя Д. П. Семеновымъ мѣры, но во всякомъ случаѣ, въ виду первостепеннаго значенія поставленной цѣли, приходится считаться съ возможностью временнаго возстановленія подушной подати. Отмѣняя ее въ 1882 году, правительство упустило прекрасный случай воспользоваться этой отмѣной для возстановленія тяглового надѣла, обусловивъ переходомъ къ послѣднему возможность воспользоваться сложеніемъ подушныхъ. Для созданія подобной конъюктуры невозможно, поэтому, обойтись безъ предварительнаго возстановленія подушной подати, что будетъ сопряжено съ извѣстными затрудненіями, такъ что о скороспѣлой отмѣнѣ выкупныхъ платежей придется еще часто вспоминать съ сожалѣніемъ.

Такимъ образомъ роль государства въ дѣлѣ перехода къ тягловому надѣлу должна ограничиться областью поощренія, дарованія льготъ и финансовой политики, но не должна выражаться въ дѣятельномъ административномъ или общезаконодательномъ вмѣшательствѣ въ хозяйственную жизнь крестьянъ. Что касается размѣра тягловыхъ участковъ и количества ихъ, то они должны опредѣляться сходомъ, и затѣмъ размѣръ и количество участковъ остаются навсегда безъ измѣненій, а сходъ лишь передаетъ ихъ въ подлежащихъ случаяхъ отъ одного лица другому, выдѣляетъ къ одному мѣсту и т. п. Минимальный и максимальный раз-

мѣръ тяглового участка для каждой мѣстности можетъ быть выработанъ Генеральной Комиссіей.

Д. П. Семеновымъ намѣчается слѣдующій порядокъ перехода отъ подушной системы къ тягловой. «По опредѣленіи размѣра тягловыхъ участковъ и числа ихъ, желающіе изъ домохозяевъ получаютъ таковые, а не желающіе могутъ отказаться, оставаясь въ своихъ усадьбахъ безземельными крестьянами (такіе крестьяне существуютъ и нынѣ, ибо такое право приписки, безъ права полученія земли, было предоставлено Положеніемъ 19 февраля 1861 года дворовымъ). Такіе безземельные крестьяне освобождаются отъ выкупныхъ и иныхъ поземельныхъ платежей [1]) и налоговъ... но могутъ участвовать во всѣхъ или въ части общественныхъ сборовъ, пользуясь, съ согласія общества, для своего скота... общественными выгонами и пастбищами и другими нераздѣльными угодьями. Если число желающихъ получить тягла превыситъ число имѣющихся тягловыхъ участковъ, то вызываются желающіе переселиться. Если число желающихъ переселиться окажется недостаточнымъ, то между остальными производится жеребьевка, кому получить тягло, а кому выселиться; обратно, если число желающихъ переселиться окажется слишкомъ большимъ, то такая же жеребьевка производится между этими послѣдними [2]).

Кто знакомъ съ деревенской жизнью, тотъ согласится, что намѣченныя черты нельзя признать противорѣчащими обычному порядку общинной жизни.

Въ высшей степени интересна очерченная Д. П. Семеновымъ картина деревенской жизни по окончательномъ введеніи тягловой системы. Многосемейные крестьянскіе дворы, имѣющіе значительное число взрослыхъ работниковъ и работницъ, могутъ быть надѣлены нѣсколькими тяглами, но никакъ не болѣе трехъ. Такіе дворы могутъ впослѣдствіи раздѣлиться на два или три тягловыхъ двора. Тягла послѣ смерти хозяина, съ согласія схода и по взаим-

---

[1]) И, разумѣется, отъ подушной подати, въ случаѣ ея временнаго возстановленія. *А. С.*

[2]) Записка о порядкахъ землепользованія, стр. 41.

ному соглашенію братьевъ или по волѣ родителя, передаются одному изъ сыновей умершаго (если таковыхъ нѣтъ, одному изъ братьевъ, а въ случаѣ отсутствія и таковыхъ, кому-либо изъ желающихъ членовъ общества, не имѣющихъ тягла). Въ тягло входятъ: надѣлъ, дворъ и минимальное количество живого и мертваго хозяйственнаго инвентаря (минимумъ необходимаго въ хозяйствѣ инвентаря, не могущаго быть проданнымъ за недоимки, опредѣленъ въ существующемъ законѣ). Остальное движимое имущество можетъ быть распредѣлено между всѣми членами семьи при переходѣ тягла по наслѣдству, также и недвижимое имущество крестьянина, не входящее въ составъ его крестьянскаго надѣла [1]).

Этотъ очеркъ тяглового права и быта любопытенъ и важенъ въ томъ отношеніи, что, не противорѣча ни въ чемъ современнымъ крестьянскимъ законоположеніямъ и вполнѣ согласуясь какъ съ основной цѣлью надѣла — служить обезпеченіемъ навсегда крестьянскаго быта, такъ и со взглядами и обычаями крестьянъ, онъ тѣмъ не менѣе несомнѣнно выдвигаетъ слѣдующія начала:

1) единонаслѣдіе въ преемствѣ тягловыхъ участковъ;

2) ихъ семейный характеръ;

3) правовую и бытовую слитность усадьбы, инвентаря и надѣла;

4) различеніе отъ тягла всего прочаго имущества крестьянъ.

Что же это за начала? Начала эти несомнѣнно тѣ же, что и у отрубнаго недробимаго крестьянскаго семейнаго хутора, до котораго отъ тяглового надѣла — одинъ шагъ. Такимъ образомъ форма будущаго хутора уже окажется совершенно готовою въ тягловомъ надѣлѣ, и трудность перехода отъ тягла къ хутору есть только техническая, но не бытовая и не правовая. Хуторъ есть такое же тягло, но только отрубное. Тягло есть тотъ же хуторъ, но только черезполосный. Хуторъ—это бывшее тягло, а тягло—будущій хуторъ. Вѣдь и хуторъ не предполагаетъ вовсе

[1]) Записка о порядкахъ землепользованія, стр. 38.

полнаго разрушенія общинной связи. Какъ увидимъ ниже, выморочный хуторъ возвращается общинѣ. Для чего? Очевидно, для передачи другому члену той же общины-родоначальницы. И если при тяглѣ переходъ единонаслѣднаго права къ сыну или брату происходитъ «съ согласія общества» или «по волѣ родителя», то вѣдь и общество и родитель ничѣмъ инымъ, при простотѣ деревенскаго быта, не могутъ руководствоваться въ подобныхъ волеизъявленіяхъ, какъ тѣми же господствующими въ данной мѣстности взглядами на наслѣдственное преемство, которые будутъ регулировать преемство и семейно-неотчуждаемаго наслѣдственно-недробимаго хутора.

Въ слѣдующихъ главахъ будетъ выяснено, сколь важное значеніе для современной Россіи имѣетъ переходъ къ отрубному владѣнію именно въ формѣ недробимаго хутора, но изъ сдѣланнаго очерка тяглового права и быта видно, что переходъ къ такому владѣнію всего проще и естественнѣе можетъ состояться при помощи предварительнаго обращенія современной душевой общины въ тягловую. Послѣдняя, какъ мы видѣли, и сама по себѣ есть, сравнительно съ душевою, огромный шагъ впередъ, ибо, подымая весьма значительно хозяйство и все благосостояніе крестьянъ, она облегчаетъ въ то же время и правильное разрѣшеніе цѣлаго ряда отдѣльныхъ вопросовъ народной жизни (напр. переселенческое дѣло, дѣло расширенія крестьянскаго землевладѣнія и т. п.). Но слѣдуетъ замѣтить, что и съ технической и экономической стороны переходъ къ хуторамъ черезъ посредство тяглового надѣла предпочтительнѣе непосредственнаго введенія ихъ въ томъ отношеніи, что тягло, какъ органически вытекающая изъ даннаго надѣльнаго плана и всѣхъ мѣстныхъ условій хозяйственная единица территоріи, могло бы послужить наилучшимъ готовымъ minimum'омъ и для недробимаго хутора въ данной мѣстности. Три тягла могли бы въ такомъ случаѣ составить для такого хутора максимальный предѣлъ недробимости.

V.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ ВЪ ОТНОШЕНІИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Отсутствіе тревожныхъ признаковъ уменьшенія средняго размѣра хозяйства въ современномъ крестьянскомъ землепользованіи.—Интенсификація, техническія улучшенія, улучшенія сѣвооборота и повышеніе производительности крестьянскаго хозяйства. — Пертурбаціонныя причины господствующихъ формъ крестьянскаго землепользованія, препятствующія повышенію его интенсивности и производительности: удаленность полей отъ усадьбы; ихъ черезполосность и измельчаніе полосъ; зависимость хозяина отъ сѣвооборота и хозяйственнаго строя всего селенія, обусловливающая трудность и медленность главнѣйшихъ хозяйственныхъ улучшеній. — Вопросъ о передѣлахъ земли и сельской общинѣ: центральное значеніе тяглового надѣла.—Два основныхъ момента земельной собственности. — Общее измѣненіе положенія европейскаго земледѣлія и несоотвѣтствіе индивидуальной неограниченной собственности, какъ основнаго типа крестьянскаго владѣнія, условіямъ современной Россіи.—Отрубной семейно-наслѣдственный неотчуждаемый и недробимый хуторъ, какъ основа благосостоянія русскаго народа. — Выясненіе различныхъ мѣстностей со стороны естественныхъ препятствій къ разселенію деревень и со стороны наиболѣе остро ощущаемой необходимости такого разселенія.

Въ толкахъ о «малоземельи» выдвигается теперь и такое положеніе. Малоземелье, молъ, вредно не столько само по себѣ, сколько по тому, что оно вредитъ «интенсификаціи» крестьянскаго хозяйства. Вполнѣ справедливо, что существуетъ извѣстный

минимумъ размѣра хозяйства, ниже котораго послѣднее становится невыгоднымъ и невозможнымъ. Но умѣстенъ вопросъ: причемъ тутъ «малоземелье», т. е. душевая норма надѣла? Земельная обезпеченность дворовъ, о каковой только и можетъ быть рѣчь въ вопросѣ о соотношенiи хозяйства съ принадлежащей ему площадью земли, не только не понизилась за послѣднiя десятилѣтiя, но несомнѣнно увеличилась. По Д. П. Семенову, надѣльной земли приходилось на дворъ въ 1878 году 13,2 дес., а въ 1897 году 12,6 дес., т. е. то же приблизительно количество [1]). Но если вспомнить, что надѣльныя земли составляютъ только $^3/_5$ всего землепользованiя крестьянъ и что аренда и покупка земель крестьянами за послѣднее двадцатилѣтiе шли все время расширяясь, то не останется и тѣни сомнѣнiя въ томъ, что количество земли на дворъ за это время увеличилось по крайней мѣрѣ на 20 — 30%. Это тѣмъ болѣе вѣрно потому, что при опредѣленiи количества земли, приходящагося на дворъ, въ общiй счетъ входятъ и безземельные дворы, число которыхъ фактически довольно значительно, такъ что, если эти дворы исключить, то на самомъ дѣлѣ, т. е. на дворъ земельный, придется количество земли большее, чѣмъ даютъ таблицы Д. П. Семенова. Этому общему выводу объ отсутствiи тревожныхъ признаковъ измельчанiя хозяйствъ у крестьянъ (съ чѣмъ не слѣдуетъ смѣшивать вопроса объ измельчанiи полевыхъ полосъ) не противорѣчатъ и данныя пораiонныя. Сколько-нибудь значительное уменьшенiе приходящагося на дворъ количества надѣльной земли характеризуетъ лишь области Юго-Западную и Новороссiйскую. Но въ послѣдней (9,9 дес. на дворъ) это явленiе находитъ объясненiе въ значительной высотѣ ранѣе приходившагося на дворъ количества земли (13,7), которое, естественно, должно было уменьшится, съ заселенiемъ края, съ распашкой всѣхъ замель и переходомъ къ болѣе интенсивной системѣ хозяйства. Болѣе интенсивное хозяйство, въ связи съ бо̀льшимъ разнообразiемъ культуръ, обусловленнымъ

[1]) Статистическiй очеркъ крестьянскаго землевладѣнiя, стр. 23.

развитіемъ, напр., свеклосахарнаго производства, объясняетъ вполнѣ естественно и пониженіе размѣра хозяйствъ въ Юго-Западномъ краѣ съ 8,4 дес. до 5,9 дес. надѣльной земли. Это признаки не только не тревожные, но такіе, которые надо привѣтствовать, какъ знаменующіе собою прогрессъ сельскохозяйственнаго производства.

Скорѣе можетъ навести на грустныя размышленія преобладающее въ большинствѣ мѣстностей стремленіе къ увеличенію размѣра хозяйства. Это стремленіе настолько неудержимое, что оно ярко выступаетъ наружу, несмотря на то, что парализуется встрѣчнымъ теченіемъ семейныхъ раздѣловъ. Знаменуетъ же оно собою то, что крестьянское земледѣліе едва ли не въ большинствѣ мѣстностей ни шагу не сдѣлало впередъ за эти 40 лѣтъ и скорѣе склонно становиться болѣе экстенсивнымъ, чѣмъ идти въ сторону интенсивности. По поводу «интенсификаціи», какъ любятъ выражаться авторы аграрныхъ проектовъ, не обошлось у нихъ, по обыкновенію, безъ путаницы, обнаружившей, что, столь далекіе отъ сельскохозяйственной практики, они не особенно близки и къ теоретическимъ положеніямъ. Подъ интенсивностью хозяйства разумѣется, какъ извѣстно, большая или меньшая степень преобладанія, среди факторовъ сельскохозяйственнаго производства, капитала и труда, сравнительно съ землею. Поэтому интенсивность хозяйства увеличивается по мѣрѣ увеличенія населенія, или, что̀ то же самое, по мѣрѣ образованія земельной тѣсноты. Чѣмъ земли становится меньше, тѣмъ больше приходится затрачивать на землю труда и капитала для удовлетворенія съ той же площади потребностей увеличившагося населенія. Таковъ нормальный порядокъ вещей, существующій и существовавшій всюду, гдѣ не было на лицо какихъ-либо особыхъ видоизмѣняющихъ нормальный порядокъ причинъ. Такимъ образомъ, казалось бы, въ случаѣ наличности такихъ особыхъ причинъ, onus probandi долженъ ложиться на тѣхъ, кто эти причины выставляетъ, но основной экономическій законъ увеличенія интенсивности по мѣрѣ уменьшенія количества земли отнюдь не требуетъ доказательства. Но иначе думаютъ наши изслѣдователи. Разсудку вопреки, напе-

рекоръ стихіямъ, они прямо выставляютъ однимъ изъ своихъ основныхъ базисовъ парадоксальное положеніе, что «измельчаніе надѣловъ», т. е. уменьшеніе количества земли, не только не есть факторъ увеличенія интенсивности крестьянскаго хозяйства, но является первымъ и чуть ли не главнѣйшимъ препятствіемъ интенсификаціи. Смѣлость, говорятъ, города беретъ. Поэтому преклонимся передъ этой самодовлѣющей смѣлостью и выразимъ скромное сожалѣніе, что создатели сего самоновѣйшаго ученія не обратили нѣкотораго вниманія на тѣ пертурбаціонныя причины, которыя дѣйствительно видоизмѣнили нормальныя экономическія тенденціи въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Эти пертурбаціонныя причины въ самомъ дѣлѣ существуютъ и представляютъ собою весьма благодарную почву для изслѣдованія.

Къ этимъ причинамъ мы вскорѣ обратимся, но предварительно по справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что въ доказательство вышеначертанной экономической апоѳегмы объ увеличеніи интенсификаціи по мѣрѣ увеличенія земельной площади намъ удалось выискать въ трудахъ изслѣдователей одинъ фактъ. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи травосѣяніе развивается успѣшнѣе въ болѣе многоземельныхъ деревняхъ [1]) и вообще въ Московской губ. оно болѣе развито въ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ [2]). Но не говоря уже о томъ, что такое утвержденіе не можетъ имѣть никакой цѣны, если не приняты во вниманіе купчія и арендныя земли, благодаря которымъ, и особено въ Московской губ., надѣльно-малоземельныя селенія могутъ быть лучше имѣющихъ большой надѣлъ обезпечены землей, можно замѣтить, что и вообще въ Московской губ. зерновое хозяйство имѣетъ настолько второстепенное значеніе, что травосѣяніе обусловливается не тѣмъ, насколько уступка земли подъ клеверъ стѣсняетъ зерновые посѣвы, а скорѣе рыночными и природными условіями. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на классическіе уѣзды травосѣянія, указываютъ на Клинскій и Волоко-

¹) **Аграрный вопросъ, А. А. Зубрилинъ, стр. 336.**
²) **Аграрный вопросъ, Мануиловъ, стр. 48.**

ламскій. Но одного взгляда на карту достаточно, чтобъ явилась мысль о связи ихъ травосѣянія съ недостаткомъ въ нихъ естественныхъ луговъ сравнительно съ другими уѣздами, имѣющими знаменитые Москворѣцкіе и Окскіе луга (Звѣнигородскій, Московскій, Бронницкій, Коломенскій, Серпуховской)[1]). Къ тому же отождествленіе посѣвовъ клевера съ «интенсификаціей» ошибочно. Какая можетъ быть, въ дѣйствительности, рѣчь объ интенсификаціи, когда урожай клевера отчуждается на сторону, что нерѣдко и происходитъ въ дѣйствительности, на что̀ указываетъ г. Дм. Коссовичъ[2]). Нельзя также не согласиться и съ другимъ указаніемъ того же автора, что именно въ стѣсненныхъ землею селеніяхъ посѣвы клевера являются дѣйствительной интенсификаціей, т. е. затратой извѣстныхъ средствъ, дающихъ возможность дождаться того же зернового урожая съ меньшей площади, благодаря усиленному травосѣяніемъ удобренію.

Такимъ образомъ основное экономическое положеніе о прямой пропорціональности между «малоземельемъ» и интенсивностью, вопреки болѣзненно работающей въ одномъ направленіи мысли глашатаевъ чернаго передѣла, не только не колеблется указаніемъ на клеверные посѣвы, но находитъ въ немъ новое подтвержденіе. Что многоземелье плохой учитель интенсивности, видно и изъ приводимаго г. Кауфманомъ примѣра русскихъ переселенцевъ въ Туркестанѣ, которые, «кое-какъ усвоивъ технику полива, остались, однако, при совершенно несоотвѣтствующемъ мѣстнымъ условіямъ экстенсивномъ, истощающемъ землю, зерновомъ хозяйствѣ... а потому въ концѣ концовъ уходятъ при надѣлѣ, впятеро и вшестеро превосходящемъ средній размѣръ земле-

---

[1]) Я не позволю себѣ утверждать, что это именно такъ, но думаю, что еще съ меньшей смѣлостью можно устанавливать связь между травосѣяніемъ и душевымъ надѣльнымъ обезпеченіемъ, хотя бы цифры и давали подобный эмпирическій выводъ. Насколько мнѣ извѣстно, луговые уѣзды Московской губ. суть въ то же время наиболѣе малоземельные. Если это такъ, то въ данномъ случаѣ «малоземелье» окажется въ роля мухи, которая «пахала», сидя на лбу пахаря.

[2]) Къ рѣшенію аграрнаго вопроса, стр. 13.

владѣнія осѣдлыхъ туземцевъ»[1]). Что малоземелье не причемъ въ дѣлѣ техническихъ улучшеній и повышенія интенсивности крестьянскаго хозяйства, видно и изъ слѣдующихъ указаній г. Дм. Коссовича: «Въ нѣкоторыхъ семьяхъ (близъ хозяйства автора), главнымъ образомъ путемъ выселенія въ Сибирь, образовались значительные земельные участки. Есть... общества крестьянъ, купившія черезъ Крестьянскій банкъ всю землю своего бывшаго помѣщика и потому, можно сказать, получившія надѣлъ, больше котораго взять уже неоткуда... но чтобы такіе дворы переходили къ болѣе раціональной культурѣ или жили сколько нибудь по-человѣчески, я не могу сказать... Укажу еще на государственныхъ крестьянъ, большіе надѣлы которыхъ обрабатываются и теперь, какъ и 40 лѣтъ тому назадъ, все тѣмъ же рутиннымъ способомъ»[2]).

Вообще съ «интенсификаціей», примѣнительно къ нашему крестьянскому хозяйству, слѣдуетъ обращаться съ нѣкоторой осторожностью. Было уже замѣчено, что не всякое введеніе въ культуру новаго растенія подходитъ подъ понятіе интенсификаціи. Но, съ другой стороны, и не въ одной интенсификаціи заключается прогрессъ крестьянскаго хозяйства, и не всякій признакъ интенсивности будетъ въ то же время признакомъ улучшенія хозяйства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ истинный прогрессъ крестьянскаго хозяйства состоитъ не въ интенсификаціи, а, какъ разъ наоборотъ, въ уменьшеніи его интенсивности. Это замѣчаніе касается, главнымъ образомъ, рабочаго скота, который крестьяне содержатъ въ непропорціонально большомъ относительно земельной площади количествѣ. Вопреки весьма распространенному мнѣнію о малолошадности крестьянъ, я позволю себѣ высказать совершенно противоположный взглядъ, опирающійся на тотъ фактъ,

---

[1]) **Аграрный вопросъ**, стр. 159. Любопытная черта, что эти туркестанскіе поселенцы, которые именно изъ-за обилія земли не могутъ справиться со своими хозяйственными вопросами, все-таки, подобно профессорамъ, «хлопочутъ о прирѣзкахъ»—этомъ ceterum censeo, трогательно объединяющемъ нашу культурную и некультурную мысль.

[2]) **Къ рѣшенію аграрнаго вопроса**, стр. 8.

что на единицу культурной площади у крестьянъ приходится значительно большее количество лошадей, сравнительно съ частновладѣльческимъ хозяйствомъ, и это при неизмѣримо высшей, т. е. требующей большей затраты рабочей силы, обработкѣ у помѣщиковъ. Этотъ основной фактъ, знакомый всякому, кто не по книжкѣ только обученъ сельской экономіи, объясняется совершенно хотя бы приводимымъ Дм. Коссовичемъ разсчетомъ. Оказывается, что только для того, чтобы попадать на свое поле, крестьянинъ, владѣлецъ нерѣдко 50—60 отдѣльныхъ клочковъ и полосъ, даже при сравнительно хорошемъ планѣ надѣла, долженъ въ теченіе лѣта проѣхать свыше 600 верстъ съ возами или порожнемъ [1]). Можетъ ли быть названа желательной такая вынужденная, непроизводительная интенсивность хозяйства? Вытекающій изъ этого реторическаго вопроса выводъ не ослабляется данными, излюбленными нашими изслѣдователями, о количествѣ «безлошадныхъ» дворовъ. Эти безлошадные дворы большею частью въ то же время и безхозяйные, т. е. разбредшіеся по заработкамъ и сдавшіе землю въ аренду. Ихъ безлошадность не болѣе тревожный признакъ, чѣмъ «безлошадность», напр., гг. профессоровъ.

За сдѣланными оговорками, повышеніе интенсивности крестьянскаго земледѣлія является несомнѣнно необходимѣйшимъ условіемъ увеличенія его производительности.

Низкая производительность русскаго земледѣлія характеризуется таблицами сбора хлѣбовъ съ десятины, въ родѣ слѣдующей.

Бельгія	128	пудовъ.
Англія	123	»
Японія	115	»
Франція	80	»
Германія	77	»
Австрія	69	»
Румынія	64	»
Сербія	50	»
Россія	38,8	»

---

[1]) Къ рѣшенію аграрнаго вопроса, стр. 17.

Сама по себѣ эта таблица еще ничего не доказываетъ, ибо задача сельскаго хозяйства не въ полученіи абсолютно-высшаго урожая, а въ обезпеченіи урожая наивыгоднѣйшаго. Вотъ почему такъ неубѣдительны бываютъ большею частью и такъ ничтожны въ практическомъ отношеніи всякаго рода ссылки на иноземныя страны, гдѣ урожаи необыкновенно велики и народъ сытъ и все такъ великолѣпно организовано. Пословица: что русскому здорово, то нѣмцу смерть—заключаетъ въ себѣ и глубокую экономическую истину. Пересадка въ наши условія любого иностраннаго хозяйства—и крупнаго, и мелкаго—не только не явилась бы путеводнымъ свѣточемъ для окрестнаго земледѣлія, но была бы равносильна быстрому разоренію пожелавшаго сдѣлать такой экспериментъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что наше крестьянское хозяйство не здорово и для русскаго, ибо средняя высота нашихъ крестьянскихъ урожаевъ не есть наивыгоднѣйшая; во многихъ же мѣстностяхъ ее слѣдуетъ признать прямо невыгодной, особенно въ тѣхъ весьма распространенныхъ случаяхъ, гдѣ крестьянинъ—производитель хлѣба является въ то же время и его потребителемъ. Даже Мануиловъ указываетъ, что изъ-за пониженной урожайности своихъ полей, сравнительно хотя бы съ лежащими по сосѣдству частновладѣльческими, крестьяне не добираютъ ежегодно самое малое 400 милл. пудовъ хлѣба [1]). Но если принять находящуюся въ пользованіи крестьянъ посѣвную площадь въ 70 милл. дес., а разность урожайности между посѣвами крестьянъ и помѣщиковъ хотя бы въ 15 пудовъ на десятину, то крестьянскій недоборъ хлѣба опредѣлится въ цѣлый милліардъ пудовъ. Доведеніе крестьянскихъ урожаевъ до высоты помѣщичьихъ было бы равносильно, по разсчету Дм. Коссовича, поступленію въ руки крестьянъ площади, равной по размѣрамъ всей помѣщичьей землѣ [2]). Особенное значеніе имѣетъ указаніе того же автора, что крестьянскіе урожаи болѣе рѣзко отклоняются отъ помѣщичьихъ въ не-

---

[1]) **Аграрный вопросъ, стр. 42.**
[2]) **Къ рѣшенію аграрнаго вопроса, стр. 4.**

урожайные годы. Это обстоятельство какъ бы подчеркиваетъ, что причина низкихъ урожаевъ на крестьянскихъ земляхъ именно въ экстенсивности крестьянскаго земледѣлія. Такимъ образомъ самый фактъ технической отсталости и недостаточной интенсивности его, сравнительно хотя бы съ частновладѣльческимъ, не подлежитъ сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что дѣло должно было бы обстоять какъ разъ наоборотъ, ибо по нормальному порядку именно мелкое хозяйство должно быть болѣе интенсивно, чѣмъ крупное, что подтверждаетъ опытъ всѣхъ странъ. Очевидно, въ этомъ явленіи скрыто дѣйствіе нѣкоторыхъ пертурбаціонныхъ причинъ.

Основная причина этого рода, какъ не разъ уже было указано въ настоящихъ замѣткахъ, заключается въ господствующихъ у насъ формахъ крестьянскаго землепользованія. Яркіе примѣры, указывающіе на затруднительность даже небольшого прогресса при существующемъ крестьянскомъ надѣльномъ владѣніи, сгруппированы въ цитированной уже брошюрѣ Дм. Коссовича, Выше приведенъ уже разсчетъ, по которому, при сравнительно хорошемъ планѣ надѣла, крестьянинъ, чтобъ только попадать на поле, долженъ проѣхать въ теченіе лѣта около 600 верстъ. Какой, спрашивается, возможенъ при такихъ условіяхъ прогрессъ хозяйства? Вѣдь по мѣрѣ увеличенія интенсивности хозяйства разстояніе начинаетъ играть все бо̀льшую роль. Навозъ раза въ четыре тяжелѣе соломы. Урожай кормовой свеклы въ 10 разъ тяжелѣе урожая зерновыхъ хлѣбовъ съ того же пространства. Заленая вика съ овсомъ въ 5 разъ тяжелѣе сѣна. Отсюда видно, сколь могущественной преградой подъему крестьянскаго хозяйства является большое разстояніе культурной площади отъ усадьбы, прямо вытекающее изъ надѣльно-полосного владѣнія. Близость полей отъ усадьбы есть главное преимущество мелкаго землевладѣнія, и именно этого преимущества лишенъ русскій крестьянинъ. Удаленность усадьбы отъ полей осложняется и усугубляется ихъ черезполосностью. Для оцѣнки въ цифрахъ вреда, происходящаго отъ черезполосицы, г. Коссовичъ приводитъ весьма любопытный фактъ, происшедшій въ Елецкомъ уѣздѣ. Крестьянами

четвертного владѣнія былъ составленъ приговоръ, коимъ признавалось, что земля въ отрубныхъ участкахъ стоитъ вдвое дороже чѣмъ въ черезполосицѣ. Хозяева соглашались уступить половину своей земли, лишь бы избавиться отъ прелестей черезполосицы. И послѣ этого профессора желаютъ спасать крестьянъ дополнительнымъ надѣломъ, т. е. распрастраненіемъ той же самой черезполосицы на еще болѣе обширное пространство, т. е. увеличеніемъ ея. Зло черезполосицы, увеличивающей разстояніе иногда до поглощенія стоимостью переѣздовъ всего дохода полевой полосы, осложняется далеко не маловажной потерей надѣльной территоріи на межевыя полосы, раздѣляющія полосы культурныя [1]). Еще болѣе вредно отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ вытекающее изъ черезполосности и душевого надѣла измельчаніе полевыхъ полосъ, доходящее мѣстами до полной невозможности обработки. Чѣмъ ўже и короче полоса, тѣмъ, очевидно, болѣе времени тратится непроизводительно на ея обработку; нѣтъ сомнѣнія, что мѣстами полосы у насъ достигли того предѣла, при которомъ обработка ихъ уже не окупается приносимымъ ими доходомъ. Вотъ этотъ-то отчасти техническій, отчасти экономическій вопросъ, неустранимый при душевомъ надѣлѣ, и смѣшали изслѣдователи съ вопросомъ о душевомъ обезпеченіи землей. Примѣшавъ сюда еще третій вопросъ—вопросъ объ измельчаніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ семейныхъ раздѣловъ, размѣра крестьянскихъ хозяйствъ (дворовъ), изслѣдователи и построили свою теорію надѣльнаго малоземелья, которая, вслѣдствіе своего столь разнороднаго состава и происхожденія, ровно ничего и не объясняетъ. Въ этой теоріи смѣшаны три совершенно ничего между собой общаго не имѣющіе предмета: душевое землеобезпеченіе, измельчанія полевыхъ полосъ и уменьшеніе размѣра крестьян-

---

[1]) По вычисленію проф. Скворцова, въ Европейской Россіи пропадаетъ подъ междуполосными межами 1.200.000 дес. (Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ, И. В. Сосновскаго, стр.102.) Любопытно по этому поводу припомнить, что таково именно количество земли, потребной для разселенія всего сверхтягольнаго населенія, исчисленное выше (стр. 91).

скихъ хозяйствъ. Изъ этихъ трехъ понятій только послѣднія два имѣютъ экономическое значеніе, и все, что̀ справедливо въ указаніяхъ теоретиковъ малоземелья, относится именно къ двумъ послѣднимъ фактамъ: измельчанію полосъ и уменьшенію размѣровъ хозяйства. Но въ трудахъ ихъ эти, порою справедливыя, указанія ошибочно связаны съ совершенно празднымъ въ экономическомъ отношеніи вопросомъ душевого землеобезпеченія, а потому приводятъ къ завѣдомо невѣрнымъ выводамъ. Что выводы эти невѣрны, усматривается въ частности изъ того, что прибавка земли возможная, какъ мы видѣли, въ размѣрѣ, не превышающемъ 20% современной площади крестьянскаго землепользованія, не можетъ ни остановить, ни предотвратить ни измельчанія полосъ, ни уменьшенія размѣра хозяйствъ. Послѣднія два явленія суть всецѣло результатъ душевого надѣла и устранимы лишь съ переходомъ къ надѣлу тягловому. Что касается черезполосицы, то она, подъ вліяніемъ дополнительнаго надѣла, только можетъ увеличиться.

Возвращаясь къ общему вопросу техническаго и экономическаго подъема крестьянскаго хозяйства, слѣдуетъ замѣтить, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянину удается ввести въ культуру какое-либо новое растеніе, это еще далеко не равносильно улучшенію сѣвооборота, ибо большей частью въ крестьянскомъ хозяйствѣ невозможно использовать главныхъ выгодъ введенія новаго растенія. Даже такой столь обычный въ крестьянскомъ хозяйствѣ корнеплодъ, какъ, напр., картофель, доселѣ является какъ бы случайнымъ гостемъ крестьянскихъ полей, не вошедшимъ въ сѣвооборотъ органически. Крестьяне сажаютъ картофель вмѣсто яровыхъ хлѣбовъ, и великолѣпно послѣ него раздѣланная земля поступаетъ подъ паръ. Такимъ образомъ сельскохозяйственная цѣль культуры картофеля не достигается вовсе. Г. Коссовичъ спросилъ однажды крестьянина, хвалившаго кормовую свеклу, почему онъ не сѣетъ ее въ яровомъ полѣ. «Помилуйте», отвѣтилъ крестьянинъ, «я опоздалъ на день свезти съ поля овесъ, и мнѣ разбили и потравили всѣ копны, а когда позвалъ понятыхъ, чтобы оцѣнить потраву, староста сказалъ: А гдѣ ты былъ, когда люди возили копны? Такъ дѣло и кончилось». Что̀

же сдѣлалось бы съ кормовой свеклой, которая убирается въ половинѣ сентября? «И во многихъ ли мѣстахъ», заключаетъ авторъ, «завелись бы и у крупныхъ землевладѣльцевъ улучшенные сѣвообороты, если бы они могли заводить ихъ только по постановленію дворянскихъ или земскихъ собраній? Между тѣмъ дѣло такъ и обстоитъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, въ которомъ хозяинъ стѣсненъ въ своей инціативѣ, находясь въ зависимости отъ односельчанъ... Дѣлаютъ попытки къ усовершенствованіямъ, переходятъ къ лучшимъ, болѣе интенсивнымъ системамъ обыкновенно отдѣльныя лица... Между тѣмъ при общинномъ и подворномъ владѣніи существуетъ полное порабощеніе отдѣльнаго хозяйства хозяйственному строю, принятому въ селѣ»[1]). Такимъ образомъ пріобрѣтать знанія путемъ опыта,—путемъ, наиболѣе доступнымъ для крестьянской массы,—именно и является невозможнымъ для крестьянъ. Въ пресловутомъ спорѣ объ общинѣ противники послѣдней идутъ нерѣдко дальше своей цѣли, а потому мимо нея. Такъ доказывается, напр., что въ общинѣ невозможны сельско-хозяйственныя улучшенія. Но это, разумѣется, невѣрно. Наоборотъ, есть улучшенія, которыя не только вполнѣ доступны при общинѣ отдѣльнымъ хозяевамъ, какъ, напр., переходъ къ болѣе усовершенствованнымъ орудіямъ производства (плуги, молотилки и т. п.), но и становятся скорѣйшимъ достояніемъ крестьянской массы уже въ силу самаго факта совмѣстной жизни при господствующихъ у насъ формахъ землепользованія. Доступны теоретически общинному землевладѣнію и улучшенія другого рода, какъ, напримѣръ, большее разнообразіе культуръ, улучшенія сѣвооборота, организація скотоводства. Это именно тѣ улучшенія, которыя, касаясь самыхъ основъ хозяйства, только и могутъ поднять его на извѣстную степень прочнаго благосостоянія. Но дѣло въ томъ, что именно этого рода улучшенія вводяся въ крестьянское хозяйство крайне трудно и медленно при зависимости единичнаго хозяина отъ деревни, при дальности разстоянія хозяйственной территоріи отъ усадьбъ, при разбросанности этой территоріи и при полной не-

---

[2]) Дм. Коссовичъ. Къ рѣшенію аграрнаго вопроса 1 стр. 10.

кредитоспособности крестьянъ, обусловленной опять-таки нашими формами землепользованія. О какихъ улучшеніяхъ крестьянскаго хозяйства можно говорить, когда даже альфа всякой организаціи хозяйства—организація территоріи—совершенно недоступна крестьянину, владѣющему землей мелкими полосами, иногда въ 40 или въ 60 мѣстахъ, на разстояніи нерѣдко 5—8, а иногда и 15—20 верстъ. Но нельзя не замѣтить, что всѣми перечисленными недостатками, т. е. удаленностью полей отъ усадьбы, ихъ дробностью и черезполосностью и зависимостью единичнаго хозяйства отъ хозяйственнаго строя деревни, страдаютъ одинаково обѣ наши формы землепользованія: общинное и подворное. Споръ объ общинѣ, такимъ образомъ, оказывается не имѣющимъ непосредственнаго отношенія къ русской деревнѣ.

Этотъ выводъ подтверждается и со стороны вреда передѣловъ надѣльной земли. Вредъ ихъ несомнѣненъ. Сознаніе, что я не полный хозяинъ моей земли, что у меня ее могутъ отнять, несомнѣнно парализуетъ хозяйственную иниціативу и энергію. И эта отрицательная сторона передѣловъ по мѣрѣ повышенія интенсивности хозяйства должна оказывать на него все болѣе и болѣе пагубное дѣйствіе. Однако слѣдуетъ замѣтить, что удаленность полей отъ усадьбы, черезполосица и рабская зависимость крестьянина отъ деревенскаго сѣвооборота и всего строя хозяйства представляютъ собою настолько могущественныя препятствія къ повышенію интенсивности культуры, что вліяніе въ этомъ отношеніи передѣловъ сравнительно второстепенное. Сознаніе того, что землю могутъ отнять, не помѣшало, къ тому же, подъему и улучшенію мелкой культуры въ Англіи и Пруссіи, а такъ же у насъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ, какъ извѣстно, она развивалась и отчасти продолжаетъ и теперь развиваться не на правѣ независимой собственности, а на срочномъ и зависимомъ арендномъ правѣ. Но главное въ томъ дѣло, что относить передѣлы на счетъ общины — неправильно. Съ одной стороны передѣловъ не вполнѣ чужды и нѣкоторые виды подворнаго владѣнія, напр. при новомъ распредѣленіи полей, обращеніи толоки въ пашню и т. п. Съ другой стороны передѣлы не вытекаютъ необходимо и

изъ общиннаго землепользованія. Въ общинѣ тягловой они вовсе не имѣютъ мѣста, ибо тягло по существу недробимо, т. е. неуменьшаемо въ своемъ размѣрѣ и сохраняется за дворомъ, доколѣ не разрушилась та брачная пара, которой данное тягло было накинуто. Такимъ образомъ рабочее тягло при этомъ порядкѣ распредѣленія не можетъ потерять накинутаго ему тягла земельнаго. Земельное тягло скидывается со двора только тогда, когда разрушается имъ надѣленное рабочее тягло. Но такая скидка и накидка тяголъ не имѣетъ по существу ничего общаго съ передѣлами (такъ называемыми «общими»), вытекающими изъ идеи не общиннаго землепользованія, а душевого надѣла. И такая скидка и накидка тяголъ не можетъ быть признана парализующей инициативу къ улучшенію культуры, ибо тягло только въ томъ случаѣ уходитъ изъ двора, если въ данномъ дворѣ нѣтъ другой брачной пары, которая могла бы принять тягло отъ пары разрушившейся. Что касается такъ называемыхъ «частныхъ» передѣловъ при душевомъ надѣлѣ, то не трудно усмотрѣть, что они не только не связаны съ душевымъ распредѣленіемъ земли, но прямо противорѣчатъ ему, сохранившись случайно, какъ пережитокъ тяглового надѣла въ современной душевой общинѣ. Нельзя, поэтому, не придти къ заключенію, что законодатель, внушивъ и навязавъ крестьянамъ, съ помощью администраціи, какъ выше было указано (стр. 75), душевой надѣлъ, ограниченіемъ свободы передѣловъ 12-лѣтнимъ срокомъ по закону 8 іюня 1893 года вошелъ въ коренное противорѣчіе съ тѣмъ самымъ принципомъ, который онъ со столь пагубнымъ успѣхомъ внушилъ населенію 40 лѣтъ тому назадъ. Но законъ 1893 года, борясь съ однимъ изъ послѣдствій душевого надѣла, но не затронувъ самой идеи его, внесъ какъ бы только новую путаницу въ правовыя отношенія крестьянъ. Эти отношенія нуждаются, поэтому, въ скорѣйшемъ выясненіи, а это выясненіе можетъ быть, какъ явствуетъ изъ предыдущаго, сдѣлано въ одномъ только направленіи—въ возвращеніи къ тягловому надѣлу.

Что касается общины, то даже черезполосность, а значитъ и удаленность полей отъ усадьбы и зависимость отдѣльнаго хозяина

отъ деревенскаго сѣвооборота, т. е. всѣ основные дефекты нашего крестьянскаго хозяйства, тормозящіе его развитіе, по справедливому указанію Д. П. Семенова [1]), вовсе не связаны съ общиннымъ землевладѣніемъ и не зависятъ отъ него. Міръ, гдѣ природныя условія облегчаютъ уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе черезполосности, имѣетъ возможность и такъ распредѣлить тягла, что каждое или хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ будутъ представлять изъ себя отдѣльные отрубные участки. Если это еще не будутъ хутора, въ которыхъ вся земля находится при усадьбѣ, то все же при этой формѣ землепользованія возможно осуществленіе разселенія деревень по всему пространству надѣла, при чемъ часть полей будетъ навсегда собрана вокругъ соотвѣтствующихъ дворовъ. Другая же часть полей будетъ находиться въ болѣе далекомъ отъ дворовыхъ поселеній разстояніи. Но если удастся примежевать хотя бы по одному тяглу къ двору, оставивъ вторыя и третьи тягла въ отдаленіи или даже черезполосицѣ, вмѣстѣ съ лугами и общимъ выгономъ, то это было бы такой побѣдой культуры надъ современнымъ безотраднымъ положеніемъ деревни, что стоитъ бросить всю аналитическую и творческую работу по аграрному вопросу, чтобы только сосредоточиться на одномъ этомъ дѣлѣ. Мыслить же общину, распредѣляющую свою землю по отрубнымъ тягламъ, вполнѣ возможно. Трудности здѣсь представляются не со стороны общины, а со стороны оро- и гидрографіи мѣстности, со стороны большей и меньшей глубины почвенныхъ водъ, качества почвы въ различныхъ мѣстахъ надѣльной территоріи и т. п. условій, т. е. со стороны тѣхъ же самихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ и при подворномъ владѣніи.

Однако слѣдуетъ оговориться, что возможность отрубной общины мыслима лишь при тягловомъ надѣлѣ. Размѣръ послѣдняго опредѣляется именно по соображенію съ конфигураціей и распредѣленіемъ надѣльной земли по угодьямъ и остается вели-

---

[1]) Записка о порядкахъ землепользованія у русскихъ крестьянъ, стр. 17—21.

чиной постоянной, органически связанной съ реальными и конкретными природными условіями даннаго надѣльнаго плана. Эта связь плана съ неизмѣннымъ количествомъ тягловыхъ участковъ дѣлаетъ возможнымъ его парцелляцію. Наоборотъ, душевой надѣлъ, отправляясь отъ совершенно внѣшняго и чуждаго конкретному надѣльному плану исходнаго пункта—движенія населенія, представляетъ собою норму абстрактную, перемѣнную и случайную по отношенію къ постоянному въ основныхъ чертахъ надѣльному плану. Лишенный органической связи съ надѣльнымъ планомъ, душевой надѣлъ, поэтому, и не можетъ быть пріурочень къ опредѣленнымъ отрубнымъ участкамъ, которые по существу должны быть постоянными, въ то время какъ душевой надѣлъ перемѣненъ. Душевое распредѣленіе, ведя къ постепенному измельчанію надѣла, будетъ въ дѣлѣ перехода на отрубные участки становиться съ теченіемъ времени все въ болѣе и болѣе невыгодныя условія по отношенію къ однородности почвы, распредѣленію земли по угодьямъ и присутствію воды въ различныхъ частяхъ надѣльной площади. Чѣмъ меньше будетъ становиться по размѣрамъ отрубной участокъ, тѣмъ труднѣе будетъ заключить въ него и поле и лугъ, и получше землю и похуже, дать водопой и прогонъ къ пастбищу. И гдѣ подобное распредѣленіе вполнѣ удалось бы въ настоящее время для надѣла тяглового, какъ болѣе крупной хозяйственной единицы, тамъ оно большей частью окажется рѣшительно невозможнымъ для слишкомъ мелкой единицы душевого надѣла. Къ тому же, разъ сдѣлавъ подобное распредѣленіе, что будетъ стоить огромнаго, кропотливаго и долговременнаго труда, неизбѣжно оставить это распредѣленіе навсегда. Повторять ту же работу, по мѣрѣ увеличенія прибылыхъ душъ, для еще болѣе мелкихъ участковъ, очевидно, невозможно, да и противорѣчить самой сущности отрубного участка. Такимъ образомъ отрубная община исключаетъ самую мысль душевого надѣла. Но, какъ видно изъ предыдущаго, и самый переходъ изъ черезполосной общины къ отрубной предполагаетъ предварительный переходъ отъ душевого надѣла къ тягловому.

Изъ предыдущаго несомнѣнно выясняется, что и черезполосность крестьянскаго землепользованія, подобно передѣламъ, не связана необходимо съ общиннымъ строемъ: она неизбѣжна лишь при душевомъ надѣлѣ, при которомъ превращеніе общины изъ черезполосной въ отрубную немыслимо. Сама же по себѣ община не препятствуетъ переходу, но, наоборотъ, переходъ къ отрубному владѣнію крайне затрудненъ именно при подворномъ владѣніи, гдѣ пользованіе отдѣльными полосками закрѣплено индивидуально за отдѣльными дворами. Община же есть форма настолько гибкая, сравнительно съ подворнымъ владѣніемъ, что не препятствуетъ, а, наоборотъ, облегчаетъ и окончательное устраненіе черезполосицы. Что касается перехода къ семейно-наслѣдственнымъ крестьянскимъ хуторамъ, то даже въ нашей современной бюрократической общинѣ онъ оказывается облегченнымъ, сравнительно съ подворнымъ владѣніемъ. Подобный переходъ достижимъ въ общинномъ землепользованіи, при согласіи $^2/_3$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. При подворномъ же владѣніи такія измѣненія невозможны безъ согласія каждаго дворохозяина въ отдѣльности. Такимъ образомъ можно установить, что экономическій и техническій прогрессъ крестьянскаго хозяйства въ Россіи заключается отнюдь не въ переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, а скорѣе отъ послѣдняго къ первому. Но главнымъ условіемъ возможности прогресса является для русской деревни, искалѣченной душевымъ надѣломъ, прежде всего переходъ къ надѣлу тягловому. Гдѣ этотъ надѣлъ еще мѣстами сохранился, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, Тверской, Московской, Калужской и др., тамъ крестьянское хозяйство не несетъ въ себѣ тѣхъ признаковъ разложенія, тамъ русскій народъ свободенъ отъ тѣхъ яркихъ чертъ вырожденія, печальный образъ которыхъ носится въ большей или меньшей степени въ наше время повсюду—«отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Въ тягловой крестьянской Руси живъ доселѣ старинный русскій общинный духъ. Тамъ онъ составляетъ не минусъ, а плюсъ народной жизни — духовной и матеріальной. Тамъ эта жизнь не изсякла въ своихъ творческихъ

струяхъ и течетъ широкимъ разливомъ, находя, повидимому, выходъ въ тѣхъ стѣсняющихъ современное крестьянское хозяйство условіяхъ, бороться съ которыми не подъ-силу искалѣченной душевой общинѣ.

Споръ объ общинѣ имѣлъ въ русской жизни такую странную судьбу и былъ такъ безплоденъ потому, что имѣлъ въ виду именно современную ея искалѣченную форму, внушенную народу бюрократическимъ путемъ, а не его бытовую тягловую общину. Какъ мы видѣли, всѣ безъ исключенія дефекты современнаго крестьянскаго строя—черезполосность, удаленность полей отъ усадьбы, порабощеніе живой личности хозяина рутиной хозяйственной жизни всей деревни, періодическіе передѣлы (къ чему, какъ послѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, можно прибавить и полную некредитоспособность крестьянъ) — присущи и подворному владѣнію, на ряду съ общиннымъ. Въ послѣднемъ же всѣ перечисленные дефекты не вытекаютъ необходимо изъ общинной идеи, но обусловливаются и обостряются душевымъ надѣломъ. Стало быть и споръ противъ общины былъ собственно споромъ за или противъ той неудачной ея бюрократической формы, которая развилась у насъ въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія и изъ-за которой и спорить-то не стоило. Въ этомъ спорѣ противники общины были правы въ томъ, что наши формы общиннаго землепользованія ведутъ крестьянъ къ разоренію. Но и сторонники ея были правы въ томъ, что и въ правѣ личной собственности, характеризующей подворное владѣніе, нельзя видѣть панацеи противъ современныхъ крестьянскихъ бѣдъ; были они правы и въ томъ, что и въ общинномъ принципѣ заключены благотворныя творческія начала, вслѣдствіе чего и не слѣдуетъ общины разрушать введеніемъ неограниченной индивидуальной собственности. Такимъ образомъ, построенный на неправильномъ критическомъ основаніи, споръ объ общинѣ оказался безплоднымъ и не задѣвшимъ живыхъ реальностей крестьянской жизни и въ своей положительной части—въ начертаніи того типа владѣнія, къ которому должна стремиться наша мелкая крестьянская культура. Разъ за болѣзнь была признана община, конструируемая какъ собствен-

ность коллективная, лѣченіе должно было, очевидно, состоять въ водвореніи собственности индивидуальной. Невозможно отрицать громаднаго культурнаго, воспитательнаго и вообще прогрессивнаго значенія послѣдней въ общей экономіи народной жизни; внѣ собственности невозможно ни полное раскрытіе человѣческой личности, ни накопленіе хозяйственныхъ благъ, ни повышеніе всеобщаго уровня благосостоянія, ни расширеніе народныхъ потребностей; выражаясь конкретнѣе, внѣ собственности немыслимы ни наука, ни искусство, ни государственное творчество; даже нація и отечество немыслимы въ обществѣ, живущемъ внѣ понятія собственности. Все это представляется совершенно несомнѣннымъ. Но несомнѣнно и то, что въ понятіи частной собственности, особенно земельной, заключены два основныхъ момента: внѣшній моментъ— исключительнаго индивидуальнаго господства личности надъ вещью и внутренній, цѣлевой моментъ, сообщающій собственности характеръ семейный. Этого семейнаго момента не была лишена собственность и въ римскомъ правѣ. Особенное развитіе получилъ онъ въ правѣ феодальномъ, да и въ современной Европѣ, возникшей на обломкахъ феодальной, родовой принципъ имѣетъ весьма крупное значеніе въ землевладѣніи (маіороты въ Англіи и Австріи, фидеикомиссы въ Германіи и Прибалтійскомъ краѣ). Институтъ американскихъ гомстедовъ показываетъ, что идея семейной собственности нечужда и Новому Свѣту. Вотъ на эту-то сторону дѣла противниками общиннаго землевладѣнія не было обращено надлежащаго вниманія.

Указаніемъ на цѣлевую, семейную сторону собственности я отнюдь не хочу сказать, что этотъ моментъ имѣлъ въ новѣйшей исторіи Европы и Америки первенствующее значеніе. Напротивъ: все то величавое и разумное въ жизни Европы, а впослѣдствіи и Америки, благодаря чему онѣ достигли современнаго высокаго уровня, было обусловлено въ ихъ развитіи не семейнымъ, а скорѣе личнымъ моментомъ собственности. Это желѣзное, рѣзко очерченное и съ другимъ непримиримое право и выковало ту силу личной иниціативы и энергіи, которыя создали современную американо-европейскую культуру: промышленность, капитализмъ,

науку и національность. Земля, какъ обезпеченіе слѣдующихъ поколѣній, какъ обезпеченіе народнаго быта, давно уже отошла въ большинствѣ европейскихъ странъ въ область преданія. Но даже и въ дѣлахъ земельныхъ, и въ сельской экономіи неограниченная индивидуальная собственность являлась и въ Европѣ и въ Америкѣ несомнѣнно благодѣтельнымъ условіемъ быстраго сельско-хозяйственнаго прогресса. Только собственность и связанная съ нею мобилизація земли втягиваютъ хозяина всецѣло въ водоворотъ всеобщей конкурренціи, отдѣляющей сильнаго отъ слабаго, вооруженнаго опытомъ и знаніемъ отъ диллетанта, талантъ отъ бездарности. Хозяйство неограниченнаго собственника есть по существу прогрессивное. Его дѣло прокладывать хозяйству новые пути, вырабатывать новые техническіе пріемы, ошибаться и цѣною своихъ ошибокъ содѣйствовать общему сельскохозяйственному прогрессу.И всякое ограниченіе права распоряженія будетъ только стѣснять свободную хозяйственную иниціативу и уменьшать энергію такого хозяина-піонера.

Такимъ путемъ съ конца XVIII вѣка и развивалось въ теченіе XIX-го американское и европейское сельское хозяйство, о мощи и успѣхахъ котораго краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры, приводимыя экономистами. Однако слѣдуетъ замѣтить, что за послѣднія десятилѣтія многое измѣнилось въ картинѣ европейскаго сельскаго хозяйства. Какъ ни велики были иниціатива и энергія европейскихъ хозяевъ, однако, когда въ заморскихъ странахъ были распаханы большія пространства земли, иниціативы и энергіи оказалось недостаточно для борьбы съ заморской конкурренціей, и потребовались пошлины, покровительствующія туземному земледѣлію. Недостаточно оказалось земледѣлія и для нѣкоторыхъ конкуррирующихъ съ Европой странъ, и, напримѣръ, Америка сама обратилась къ промышленности. Наконецъ, и дальнѣйшій ростъ того самаго капитализма, который вскормилъ индивидуальную собственность, а съ нею и европейское земледѣліе, оказался вреднымъ для послѣдняго. Развилась широкая мобилизація земли, и полновластный неограниченный собственникъ сдѣлался рабомъ

биржевого капитала. Это теченіе сельско-экономической жизни иллюстрируется примѣрами Австрійской Галиціи, гдѣ русскій и польскій крестьянинъ-земледѣлецъ оказался попавшимъ въ кабалу капиталистическаго паразитизма и, быстро растерявъ свои земли, эмигрируетъ въ Америку. Едва ли не болѣе безотрадную картину представляетъ собою крестьянство очень многихъ мѣстностей Италіи, гдѣ, казалось бы, мягкій благодатный климатъ долженъ былъ одновременно облегчать самые разнообразные виды земледѣльческаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлать минимальными потребности населенія. Нѣкоторые тревожные признаки того же свойства обнаруживаетъ за послѣднее время и Франція—эта богатѣйшая въ мірѣ страна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и классическая страна крестьянскаго землевладѣнія. Все это убѣждаетъ въ томъ, что чѣмъ въ менѣе благопріятныя условія становится сельское хозяйство и чѣмъ болѣе растетъ его зависимость отъ международнаго рынка и биржевого капитала, тѣмъ большее значеніе долженъ пріобрѣтать въ соціальной жизни второй, цѣлевой, семейный моментъ собственности. Особенно же этотъ выводъ приложимъ къ странамъ экономически-слабымъ.

Такимъ образомъ для крестьянскаго землевладѣнія современной Россіи неограниченная индивидуальная собственность и широкая мобилизація земли ни въ коемъ случаѣ не могутъ представляться идеаломъ. И въ русскомъ крестьянствѣ возможны и желательны, конечно, такіе піонеры-хозяева, иниціатива и энергія которыхъ могла бы повышать хозяйственный уровень окрестной мѣстности, и я поэтому не думаю отрицать пользы и необходимости неограниченной индивидуальной собственности и для крестьянскаго хозяйства, но не въ видѣ общаго правила, а скорѣе въ видѣ исключенія. Основной же, преобладающій типъ крестьянскаго владѣнія долженъ быть иной. При общей экономической и финансовой слабости всей страны, слабости настолько вопіющей, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что русскій народъ только недоѣданіемъ и голодомъ покрываетъ свой государственный бюджетъ и откупается отъ государственнаго банкротства, — было бы безумно наиболѣе многочисленный и вмѣстѣ съ

тѣмъ наиболѣе слабый экономически классъ народа отдавать сознательно въ кабалу тому международному капиталу, который и теперь, при мобилизаціи еще скрытой и ограниченной болѣе или менѣе тѣсными предѣлами одной общины, вырываетъ у крестьянъ порою послѣдній кусокъ хлѣба. Крестьянство въ настоящее время втянуто уже всей своей многомилліонной массой въ сферу международнаго оборота, и увеличивать, укрѣплять эту связь широкой мобилизаціей земли было бы роковой, непоправимой ошибкой.

Прогрессъ крестьянскаго хозяйства былъ бы въ достаточной мѣрѣ обезпеченъ, и на долгое время, тѣмъ освобожденіемъ отъ стѣсняющихъ его существующихъ формъ землепользованія путемъ вышенамѣченнаго перехода къ тягловому надѣлу и наслѣдственно-недробимымъ хуторамъ. Но связывать послѣдніе съ понятіемъ неограниченной собственности—это было бы идти далѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Надо прежде обезпечить бытъ народный, а потомъ уже заводить въ хозяйствѣ разные европеизмы и американизмы.

Поэтому по отношенію къ русскому крестьянскому землевладѣнію долженъ быть выдвинутъ второй цѣлевой, семейный моментъ собственности. Семья есть продолженіе личности хозяина. Если я бережливый, разсчетливый хозяинъ и съ любовью отношусь къ землѣ, не жалѣя на ней трудовъ своихъ, то потому такъ поступаю, что надѣюсь, что труды мои не пропадутъ даромъ, что ими воспользуются мои дѣти и внуки. И особенно драгоцѣнна и свята будетъ мнѣ земля моя, если я самъ получилъ ее отъ своихъ родителей, самъ выросъ на той землѣ, гдѣ росли мои дѣды и будутъ расти внуки. Если наше «культурное» общество сумѣло съ такою легкомысленностью въ короткое время подорвать свои семейныя основы, было бы преступленіемъ распространять этотъ опытъ на крестьянъ. Собственность тѣмъ и свята и желанна русскому народу, что онъ не отдѣляетъ ее отъ семьи. Совершенно справедливо, что та жажда земли, которая глубоко и широко распространена среди русскаго крестьянства, есть жажда земли—не надѣльной, а собственной. Но вѣдь «собственность» русскій народъ понимаетъ не иначе, какъ по семейному. Самое слово «собствен-

ность» есть слово новое и переводное. На Западѣ, при раннемъ развитіи промышленности и капитализма, при сравнительной ограниченности большихъ равнинныхъ, чисто земледѣльческихъ пространствъ, рано выработался взглядъ, выдвигающій внѣшній моментъ собственности, моментъ индивидуальнаго господства личности надъ вещью. Этотъ взглядъ отразился и въ самыхъ именованіяхъ права—французскомъ propriété, нѣмецкомъ Eigenthum. Русскій же народъ называетъ собственность— вотчиной, батьковщиной и отцовщиной, дѣдовщиной, какъ бы подчеркивая въ своемъ правовомъ сознаніи семейный моментъ собственности. Собственность, по русскому взгляду, совершенно соотвѣтствующему обширной равнинѣ съ преимущественно земледѣльческимъ характеромъ населенія, должна служить не столько предметамъ господства личности, сколько обезпеченіемъ благосостоянія семьи и рода. Этотъ же взглядъ отразился въ нашемъ историческомъ именованіи вотчиннаго права и институтѣ родовыхъ имуществъ.

Типъ крестьянскаго владѣнія, къ которому мы должны стремиться, какъ къ идеалу, и который прямо вытекаетъ изъ правового сознанія русскаго народа и современныхъ экономическихъ условій, есть неотчуждаемый и недробимый семейно-наслѣдственный отрубной хуторъ.

Владѣлецъ такого хутора не есть его неограниченный собственникъ и не имѣетъ права отчужденія или залога принадлежащей ему земли. Онъ лишь отецъ семейства и глава и временный представитель хозяйства. Главенство и представительство хозяйства послѣ его смерти или за неспособностью къ хозяйственному труду переходитъ тому изъ членовъ семьи (напр. старшему или младшему сыну или, за неимѣніемъ сыновей, брату), который является естественнымъ послѣ него, по мѣстнымъ взглядамъ и обычаямъ, представителемъ семьи и хозяйства. Но и остальные члены семьи, по смерти домохозяина, не лишаются, въ теченіе извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго времени, права пребыванія въ родномъ домѣ, права на прокормленіе и одежду и т. п., разумѣется, при условіи участія въ хозяйственномъ трудѣ семьи

и подчиненія авторитету новаго домохозяина. Завѣщательная правоспособность домохозяина относительно движимаго имущества, за исключеніемъ необходимыхъ для хозяйства инвентаря и кормовыхъ и посѣвныхъ запасовъ, не должна быть стѣсняема, но во всемъ остальномъ дѣти, за смертью отца, должны подчиняться преемнику его правъ или выселяться изъ хутора. Малолѣтніе братья имѣютъ право пребыванія въ хуторѣ до поры рабочей зрѣлости. Минимальный и максимальный размѣры крестьянскаго хутора для различныхъ мѣстностей опредѣляются законодательнымъ путемъ, по соображенію со всѣми мѣстными особенностями[1]). Хуторовладѣлецъ не лишается права пріобрѣтать землю и сверхъ своего наслѣдственнаго хутора. Этой землей онъ въ правѣ распоряжаться на основаніи законовъ, но къ наслѣдственно-хуторскому владѣнію она присоединяема быть не можетъ. Равнымъ образомъ наслѣдственный хуторянинъ можетъ владѣть лишь однимъ хуторомъ. Въ случаѣ если онъ окажется правопреемникомъ второго хутора, то долженъ отказаться отъ одного изъ хуторовъ, который въ такомъ случаѣ переходитъ къ тому, кому слѣдуетъ получить его по праву—обычному или писанному. Выморочный хуторъ возвращается общинѣ. Хуторъ служитъ обезпеченіемъ всѣхъ лежащихъ на немъ государственныхъ и общинныхъ повинностей, и поэтому долженъ быть доходоспособенъ по своему размѣру и распредѣленію угодій. Но, въ случаѣ неплатежа повинностей, онъ можетъ быть отобранъ отъ своего владѣльца и переданъ законному или обычному правопреемнику. Такая передача возможна при расточительности, безуміи и вообще явной неспособности хуторянина къ веденію хозяйства.

Вотъ въ общихъ чертахъ эскизъ того будущаго неотчуждаемаго крестьянскаго владѣнія, въ приближеніи къ которому заключается истинный прогрессъ современнаго анархическаго крестьянскаго землепользованія. Намѣченнымъ типомъ владѣнія

---

[1]) Въ зависимости отъ того, приближается ли хуторъ къ максимальному или минимальному размѣру, возможна и большая или меньшая гарантія правъ всѣхъ членовъ семьи по смерти домохозяина.

устраняются вполнѣ всѣ дефекты современнаго общиннаго и подворнаго владѣнія, и въ то же время избѣгаются вредныя послѣдствія неограниченнаго права собственности и мобилизаціи земли. Этимъ я не хочу сказать, что въ сдѣланномъ очеркѣ хуторского владѣнія все совершенно. При дальнѣйшей разработкѣ вопроса явится несомнѣнно много спорныхъ пунктовъ; многаго еще въ теченіе долгаго времени не удастся осуществить, многое придется измѣнить и согласовать съ цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ практическихъ требованій. Но это все критика исполненія, но не идеи. Идея же, заложенная въ наслѣдственные неотчуждаемые, недробимые хутора уже потому вѣрна, что прямо отвѣчаетъ давно назрѣвшей потребности народной жизни.

Не трудно предвидѣть противъ идеи недробимыхъ хуторовъ то возраженіе, что обходъ всѣхъ «наслѣдниковъ» въ пользу одного изъ нихъ противорѣчитъ чувству справедливости и правовому сознанію народа, да и со стороны практической поведетъ къ массовому обезземеливанію крестьянства. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи трудно согласиться съ подобными соображеніями. Со стороны справедливости слѣдуетъ признать, что лучше, чтобы хотя одинъ изъ членовъ семьи получилъ отъ родителей хозяйственное обезпеченіе, чѣмъ ни одинъ изъ нихъ не получилъ ничего, а иногда и хуже чѣмъ ничего, ибо современное принадлежащее каждому крестьянину отъ рожденія «право на землю» черезполосныхъ, измельченныхъ и недоходоспособныхъ клочковъ земли есть не право, а скорѣе ярмо и кара за своего рода первородный грѣхъ. Если бы дѣло шло объ англійскихъ лендлордскихъ латифундіяхъ, получаемыхъ старшими сыновьями, въ то время, какъ младшіе бываютъ принуждены избирать несравнимо худшее положеніе вынужденной службы въ какой-либо отдаленной колоніи, тогда еще можно бы было возражать противъ единонаслѣдія со стороны справедливости. Но намѣченный типъ крестьянскаго хутора есть типъ владѣнія мелкаго, такого, которое въ лучшемъ случаѣ дастъ своему владѣльцу возможность жить безбѣдно, вести хозяйство собственнымъ трудомъ и воспитывать подростающія

поколѣнія. Никакого бытового неравенства между наслѣдникомъ недробимаго хутора и остальными членами хуторской семьи не вытекаетъ изъ намѣчаемаго правового института. И наслѣдникъ, и остальные члены семьи одинаково останутся до смерти людьми рабочими, людьми большого труда и небольшихъ потребностей. Въ послѣднемъ отношеніи ненаслѣдующіе члены семьи, именно тѣ, которые будутъ переходить въ городское населеніе, въ ремесла и въ торговлю, будутъ находиться въ лучшемъ даже положеніи, чѣмъ оставшійся въ крестьянской жизни хуторянинъ. Не окажется ощутительнаго неравенства условій жизни между хуторяниномъ, и, напр., братомъ его, несущимъ службу батрака въ сосѣднемъ имѣніи. Впрочемъ, смотря по размѣрамъ даннаго хутора, болѣе или менѣе значительная часть членовъ семьи останется и послѣ смерти отца въ хуторѣ. Такое продолженіе той же самой хуторской жизни въ приблизительно томъ же семейномъ составѣ и при старшемъ, напр., братѣ, какъ было и при отцѣ, прямо обусловливается потребностью хуторского хозяйства въ рабочей силѣ и естественной привязанностью всѣхъ членовъ семьи къ родному гнѣзду. Не отказываясь отъ него и прикапливая понемножку денжонокъ, вторые и третьи сыновья смогутъ и сами впослѣдствіи обзавестись своимъ хуторкомъ. Что такая совмѣстная жизнь младшихъ братьевъ при старшемъ хозяинѣ или племянниковъ при дядѣ вполнѣ возможна, подтверждается практикой нашихъ старинныхъ многосемейныхъ дворовъ при тягловомъ надѣлѣ, мѣстами и нынѣ существующихъ при надѣлѣ душевомъ. Отношенія между членами такихъ дворовъ выливались и выливаются не въ формѣ іерархическаго подчиненія членовъ семьи домохозяину, а въ формѣ патріархальной родственной связи и равнаго всѣми членами семьи удовлетворенія потребностей, при вполнѣ естественномъ признаніи со стороны младшихъ хозяйственнаго и административнаго авторитета старшаго члена семьи. Если при этомъ вспомнить о неисчислимыхъ экономическихъ преимуществахъ отрубного хуторского владѣнія, которое съ той же площади и при томъ же количествѣ труда дастъ вдвое или втрое болѣе хозяйственныхъ благъ, сравнительно съ современнымъ черезполоснымъ, то ста-

нетъ ясно, что наслѣдственно-недѣлимые хутора не только не поведутъ къ массовому обезземеливанію крестьянства, но, наоборотъ, фактически обезпечатъ землей неизмѣримо большее количество населенія, сравнительно съ современными мнимо - демократическими формами землепользованія.

Будетъ, конечно, сдѣлано противъ наслѣдственно-недробимыхъ хуторовъ и то возраженіе, что при этой формѣ крестьянское хозяйство можетъ получить излишне капиталистическій характеръ, съ усиленнымъ примѣненіемъ наемнаго труда. Могутъ сказать, что домохозяину будетъ выгодно вытѣснять изъ хутора братьевъ и племянниковъ и замѣнять ихъ батраками. По этому поводу слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что такая замѣна прямо противорѣчитъ патріархальному характеру выросшаго въ совмѣстной жизни семейнаго союза. Но и съ матеріальной даже стороны хутрянину едва ли будетъ выгодно замѣнить привыкшаго съ дѣтства къ хутору кровнаго родственника стороннимъ батракомъ. Къ тому же батраки вѣдь и теперь водятся въ многосемейныхъ дворахъ и при простотѣ деревенскаго быта, какъ извѣстно, носятъ ту же прблизительно одежду, обувь и получаютъ ту же пищу, какъ и члены семьи. Можно даже сказать, что батракъ всегда обойдется хутору дороже, чѣмъ членъ хуторской семьи. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что тотъ или иной характеръ веденія хозяйства будетъ обусловливаться не принципомъ единонаслѣдія хуторского владѣнія, а фактическими размѣрами хуторовъ. На этотъ вопросъ законодателю слѣдуетъ, поэтому, обратить особенное вниманіе.

Препятствія къ водворенію у насъ недробимо-хуторского владѣнія, и препятствія весьма значительныя, усматриваются не со стороны чувства справедливости и не со стороны какого - либо соціальнаго вреда, которымъ оно будто бы грозитъ, но исключительно въ условіяхъ нашей гидрографіи и распредѣленія сельскохозяйственныхъ угодій. Въ Пруссіи, при неизмѣримо лучшемъ распредѣленіи воды, потребовалось болѣе столѣтія на сведеніе крестьянской черезполосицы въ отрубные участки при усиленномъ законодательномъ покровительствѣ этого благого дѣла. У насъ и въ центральныхъ и особенно въ восточныхъ губерніяхъ

есть много пространствъ, не только лишенныхъ рѣчекъ, прудовъ или ключей, но въ которыхъ почвенная вода находится на большой глубинѣ, затрудняющей устройство колодцевъ. Въ такихъ мѣстностяхъ поселенія неизбѣжно скучились въ ложбинахъ и балкахъ, гдѣ оказалось возможнымъ устройство тѣхъ или иныхъ водоемовъ, или вдоль теченія рѣкъ, а въ обширныхъ промежуткахъ между этими впадинами расположились удаленные отъ усадьбы поля. Но и въ болѣе счастливыхъ въ гидрографическомъ отношеніи мѣстностяхъ разселеніе деревень и собираніе полевыхъ и луговыхъ полосъ около усадьбы затруднено неоднородностью надѣльной территоріи по качеству почвы, расположеніемъ покосовъ отдѣльно отъ пашни, нерѣдко въ особомъ отдаленномъ участкѣ, отсутствіемъ постояннаго выгона и т. п. Переходъ къ отрубному владѣнію былъ бы значительно облегченъ при существованіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ травосѣянія, которое дало бы возможность такъ или иначе уравнять отрубные участки въ отношеніи луговъ. Но при обычномъ трехпольѣ, когда лугъ нуженъ одинаково каждому крестьянину, нельзя допустить, чтобы на долю однихъ достались и полевыя и луговыя угодья, а на долю другихъ—одни полевыя. Ввести же органически травосѣяніе въ крестьянскій сѣвооборотъ является, какъ мы видѣли, крайне затруднительнымъ при нынѣ господствующихъ формахъ землепользованія крестьянъ. Получается что-то въ родѣ заколдованнаго круга.

Можно, конечно, спорить о томъ, какъ выйти изъ этого круга. Но одно представляется все-таки несомнѣннымъ: несомнѣнно то, что безъ усилій, безъ сдѣланной попытки выйти изъ него, этотъ кругъ будетъ все сильнѣе и сильнѣе стягивать своими стальными обручами наше крестьянское хозяйство. Съ чего-нибудь да слѣдуетъ начать. Приняться за это общенародное дѣло необходимо, ибо въ немъ вся будущность Россіи. Это святое дѣло русскій народъ долженъ вынести на своихъ плечахъ, чего бы это ни стоило, ибо сведеніе въ отрубные хутора даже половины, даже трети или четверти всего крестьянскаго землевладѣнія было бы крупнѣйшимъ успѣхомъ и громаднымъ матеріальнымъ и нравственнымъ

завоеваніемъ русскаго народа. Трудно выкопать колодцы, но отчего не отдѣлить на это вполнѣ необходимое дѣло, не скупясь, пусть даже милліоны общенародныхъ денегъ, когда ихъ столько тратилось зря и безъ счета на пустѣйшія въ общенародномъ смыслѣ дѣла, въ родѣ Нижегородской выставки 1896 г., каждый посѣтитель коей обошелся народу въ 400 рублей, или въ родѣ Пермь-Котласской и иныхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ нечего возить и которыя не оправдываютъ даже эксплоатаціонныхъ расходовъ? Отчего невозможно по близости копать прудовъ, оводнять безводныя пространства, насаждать лѣса на тѣ сотни милліоновъ народныхъ денегъ, которые оказалось возможнымъ бросить на постройку Дальнихъ городовъ, на Китайскіе банки и дороги или на введеніе и поддержаніе золотой валюты, высасывающей изъ русскаго народа всѣ соки и держащей его на привязи у западнаго золотого тельца? Отчего на ряду съ государственнымъ продовольственнымъ дѣломъ не организовать подобнаго же кормового обезпеченія, которое окажетъ могущественное содѣйствіе дѣлу разселенія деревень? Да всего, что̀ можно сдѣлать въ этомъ отношеніи, не перечислишь. Но нужно съ чего-нибудь начать, нужно что-нибудь сдѣлать. До сихъ поръ въ интересахъ разселенія деревень не дѣлалось рѣшительно ничего [1]) и, наоборотъ, дѣлалось многое противъ такого разселенія.

Переходу къ отрубному хуторскому владѣнію оказало бы содѣйствіе выясненіе мѣстностей, гдѣ оно сопряжено съ бо̀льшими и гдѣ съ меньшими затрудненіями. Нѣтъ сомнѣнія, что есть мѣстности, гдѣ такой переходъ въ настоящее время и не вызывается вовсе экономическими требованіями, гдѣ общинно-чрезполосное владѣніе и зерновое трехпольное, а мѣстами даже и залежное хозяйство остаются еще вполнѣ соотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ формами. Есть мѣстности, гдѣ переходъ къ отрубному владѣнію былъ бы уже благотворенъ, но настолько затруд-

---

[1]) За исключеніемъ разрозненныхъ единичныхъ попытокъ въ губерніяхъ Гродненской, Волынской и Витебской и такъ называемой колонизаціонной системы въ Царствѣ Польскомъ.

ненъ естественными и техническими препятствіями, что преодолѣніе·ихъ еще можетъ не соотвѣтствовать степени необходимости въ повышеніи интенсивности хозяйства. Найдется вообще не мало селеній, гдѣ существующее переселеніе долго еще можетъ служить суррогатомъ разселенія. Но есть цѣлый рядъ обширныхъ мѣстностей, гдѣ разселеніе и теперь вполнѣ возможно по естественнымъ и техническимъ условіямъ и составляетъ давно назрѣвшую острую необходимость.

Намѣчая въ крупныхъ чертахъ отдѣльныя раіоны по большей или меньшей потребности въ отрубныхъ хуторахъ, можно сказать, что эта потребность прямо пропорціональна степени необходимости въ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства. Мѣстности навознаго хозяйства, очевидно, болѣе нуждаются въ отрубномъ владѣніи, чѣмъ мѣстности естественнаго возстановленія плодородія почвы. Грубымъ, требующимъ многихъ поправокъ, основаніемъ подобнаго раздѣленія можетъ служить пограничная линія чернозема. Нѣсколько видоизмѣнитъ это основное раздѣленіе та или иная изохименная линія, отдѣляющая земледѣльческій юго-западъ, естественный раіонъ мелкой культуры, отъ крупно-владѣльческаго и промышленнаго сѣверо-востока, гдѣ крестьянское землевладѣніе, въ силу естественныхъ условій, вообще не можетъ разсчитывать на ту же будущность, которая принадлежитъ ему на юго-западѣ. Эти грубо и приблизительно очерченные раіоны, какъ можно замѣтить, суть въ то же время раіоны большей или меньшей трудности перехода къ отрубному владѣнію. Эта трудность будетъ, очевидно, легче устранима на лучше орошенномъ, вообще болѣе многоводномъ и болѣе луговомъ западѣ, гдѣ и теперь крестьяне живутъ преимущественно мелкими селеніями, чѣмъ на безводномъ степномъ востокѣ. Такимъ образомъ, къ счастью, переходъ къ отрубному владѣнію легче осуществить тамъ именно, гдѣ въ немъ наиболѣе остро ощущается необходимость. Само собою разумѣется, что указанные выше раіоны имѣютъ лишь общее руководящее значеніе и въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ существуетъ безконечное разнообразіе большей или мень-

шей потребности въ отрубномъ владѣніи и большей или меньшей трудности его достиженія.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что необходимости перехода къ отрубному владѣнію въ громадномъ большинствѣ мѣстностей Европейской Россіи не противорѣчатъ тѣ, сравнительно рѣдкіе, случаи, когда крестьяне, при условіи отдѣльнаго выгона, не лишены возможности вести на своихъ полосахъ какой угодно сѣвооборотъ. Въ этихъ случаяхъ такъ называемаго пестрополья иниціатива хозяина въ отношеніи выбора воздѣлываемыхъ растеній и той или иной смѣны ихъ въ полѣ дѣйствительно свободна и не зависитъ отъ принятаго въ деревнѣ сѣвооборота. Но возлагать какія-либо особыя надежды на систему пестрополья, рядомъ съ системой отрубныхъ хуторовъ, уже потому не приходится, что, во-первыхъ, всѣ остальные дефекты черезполоснаго пользованія (какъ-то: дробность полосъ, удаленность ихъ отъ усадьбы и т. п.) имѣютъ мѣсто и при пестропольѣ въ той же мѣрѣ, какъ и при общемъ деревенскомъ выгонѣ на паровомъ полѣ и по пожнивью; во-вторыхъ же, и самые случаи, когда для крестьянъ является возможнымъ имѣть отдѣльный выгонъ, являются сравнительно рѣдкимъ исключеніемъ. Такимъ образомъ случаи пестрополья нисколько не могутъ ослабить коренного значенія для нашей деревни отрубныхъ хуторовъ.

Въ отношеніи же послѣднихъ остается добавить, что въ интересахъ отрубного владѣнія не требуется вовсе полнаго разобщенія хуторскихъ усадебъ, что̀ встрѣтило бы, можетъ быть, до извѣстной степени затрудненія со стороны укоренившейся привычки крестьянъ къ совмѣстной жизни въ общихъ поселеніяхъ. Цѣли отрубного владѣнія могли бы быть вполнѣ достигнуты и при расположеніи рядомъ двухъ, трехъ и даже четырехъ хуторскихъ усадебъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можно думать, готовымъ образцомъ разселенія могла бы служить и принятая въ Царствѣ Польскомъ колонизаціонная система, при которой усадьбы располагаются вдоль дороги, иногда на нѣсколько верстъ, а земля отмежевывается хозяину по обѣ стороны ея.

VI.

ПРАВОВАЯ СТОРОНА ВОПРОСА О СОВРЕМЕННЫХЪ НАДѢЛАХЪ И БУДУЩИХЪ ХУТОРАХЪ И ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ.

Надѣльное право, какъ общее владѣніе, собственность юридическаго лица и государственная собственность.—Неудовлетворительность этихъ конструкцій.—Историческое противорѣчіе въ институтѣ надѣльнаго владѣнія.—Очеркъ его развитія съ 1861 года до нашихъ дней.—Значеніе акта 3 ноября 1905 года.—Основныя черты надѣльнаго права.—Вытекающій изъ нихъ характеръ перехода къ отрубному хутору, согласованный съ практическими соображеніями. — Облегченія общаго характера.—Черезполосный налогъ и усадебный селенный сборъ.—Спеціальныя ссуды и работы.—Генеральныя комиссіи.—Подворное владѣніе въ отношеніи тягла и отрубного хутора.—Основное отличіе предстоящаго намъ аграрнаго переустройства отъ западно-европейскаго аграрнаго развитія.

Въ спорѣ объ общинѣ, совершенно не задѣвшемъ русской жизни ни въ критической, ни въ положительной его части, противники общины, естественно, пришли къ весьма сомнительному идеалу неограниченной индивидуальной земельной собственности крестьянъ, потому что исходили изъ конструкціи общиннаго землевладѣнія, какъ собственности коллективной. Но представляется далеко не празднымъ вопросомъ, насколько вѣрна эта юридическая характеристика крестьянскаго общиннаго землевладѣнія. Это вопросъ потому не праздный, что отъ рѣшенія его зависитъ

ratio iuris отрубного владѣнія, зависитъ все направленіе великой культурной работы разселенія. Не говоря уже о самомъ терминѣ коллективная собственность, взятомъ изъ обиходнаго словаря соціалистической школы и потому едва ли примѣнимомъ къ реальнымъ правовымъ отношеніямъ, юридическую природу общинныхъ отношеній къ землѣ вообще возможно ближе опредѣлить лишь съ большими сомнѣніями, оговорками и недомолвками. Чья, въ самомъ дѣлѣ, крестьянская надѣльная земля? Принадлежитъ ли она общинѣ, совокупности ли отдѣльныхъ крестьянъ или государству? Въ пользу каждаго изъ этихъ рѣшеній можно привести много доводовъ.

Можно допустить, что на наше надѣльное владѣніе, какъ оно сложилось послѣ реформы 1861 года, самъ законъ склоненъ смотрѣть, какъ на временное правовое состояніе. Что законодатель 19 февраля не считалъ освобожденныхъ крестьянъ собственниками ихъ надѣльныхъ земель, видно уже изъ того, что крестьянинъ, согласно нынѣ видоизмѣненной ст. 165 Пол. о вык., обязанъ былъ, чтобы сдѣлаться собственникомъ своего надѣла, прежде всего выкупить его. Но изъ этого уже видно, что правительство какъ бы смотрѣло на крестьянъ, какъ на собственниковъ будущаго, собственниковъ in spe, что̀ подтверждается, съ другой стороны, установляемымъ тою же 165 статьею правомъ крестьянина, выкупившаго свой надѣлъ, на выдѣлъ этого надѣла къ одному мѣсту и обязанностью общества произвести такой выдѣлъ. Такимъ образомъ временный характеръ института надѣльнаго владѣнія оказывался какъ бы распространеннымъ и на самый принципъ общинности владѣнія, независимо выраженія воли самой общины, вслѣдствіе чего нельзя не признать уже серьезно поколебленной конструкцію общины, какъ коллективной собственности. Но временный характеръ надѣльнаго владѣнія выступаетъ еще ярче наружу, если вспомнить, что, по смыслу 165 ст., даже при неисполненіи условія досрочнаго выкупа, выдѣлъ надѣла все-таки могъ имѣть мѣсто, съ согласія общества. Совокупность намѣченныхъ чертъ можетъ дать основаніе для нѣкоторой аналогіи надѣльнаго владѣнія крестьянской пореформен-

ной общины съ институтомъ общаго владѣнія (сособственность, condominium), которое также разсматривается закономъ, какъ состояніе временное, ибо «никто не обязанъ оставаться въ общемъ владѣніи» (actio communi dividundo). Въ пользу такой конструкціи надѣльнаго владѣнія можно привести соображенія и изъ области общихъ principia iuris. Если я, внося въ теченіе ряда лѣтъ выкупные платежи за надѣльную землю, въ которые включена не только плата за пользованіе землей (въ видѣ процентовъ по выкупной ссудѣ), но и погашеніе капитальной стоимости земли, всецѣло или отчасти оплатилъ эту стоимость, то эта земля, въ той мѣрѣ, въ какой я оплатилъ ее, принадлежитъ мнѣ, а отнюдь не общинѣ и не государству. Въ противномъ случаѣ община или государство оказались бы обогатившимися на чужой счетъ, что противорѣчитъ праву. Отсюда должно вытекать и право иска, возникающее изъ такого неправильнаго обогащенія.

Однако законъ нашъ не признаетъ за крестьянами права на такой искъ. Законъ до послѣдняго времени зналъ только одинъ случай непосредственнаго по землѣ отношенія крестьянина къ государству—именно предусматриваемый ст. 165 Пол. о вык. (внесеніе крестьяниномъ въ казначейство досрочнаго полнаго выкупа за индивидуальный надѣлъ). Въ настоящее время, съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 г., обусловленъ согласіемъ общества и досрочный выкупъ. Но и ранѣе этого закона, во всѣхъ другихъ, кромѣ досрочнаго выкупа, случаяхъ, законъ по землѣ знался только съ міромъ, съ обществомъ, связаннымъ до недавняго времени круговой порукой [1]), и не вмѣшивался во внутреннія отношенія крестьянъ и распредѣленіе между ними земельнаго пользованія и выкупной тягости. Въ связи съ такимъ характеромъ нашего надѣльнаго владѣнія, возможенъ цѣлый рядъ возраженій противъ кон-

[1]) Отмѣна ея не внесла сколько-нибудь существеннаго измѣненія въ отношенія деревни, ибо и ранѣе круговая порука фактически не существовала въ томъ смыслѣ, какъ понималась литературой и бюрократіей, да и теперь повинности обезпечиваются надѣломъ, который можетъ быть отнятъ у неплатежеспособнаго. Такимъ образомъ общество остается хозяиномъ земли.

струкціи его какъ condominium'а и обрисовываются въ немъ черты собственности юридическаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, хотя я и погашалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ капитальную стоимость своихъ полосъ, но общество можетъ рѣшить общій передѣлъ и, благодаря ему, количество находящейся въ моемъ пользованіи земли можетъ уменьшиться; общество, и помимо общаго передѣла, можетъ отнять у меня значительную часть земли, благодаря чему вносимые мною выкупные платежи, оставаясь выкупными для общества, теряютъ для меня свой выкупной характеръ и обращаются въ плату за пользованіе.

При такомъ положеніи не только исключается мое индивидуальное относительно опредѣленной территоріи право,— ибо я сегодня пользуюсь землей здѣсь, завтра тамъ, сегодня однимъ ея количествомъ, а завтра другимъ,—но оказывается пошатнувшимся и мое право участника общаго владѣнія, ибо послѣдній имѣетъ право, хотя и на идеальную, но все же на постоянную и опредѣленную часть имущества ($^1/_5$, $^1/_{20}$, $^1/_{100}$); я же такого права не имѣю, ибо если теперь моя часть равна $^1/_{100}$, то черезъ годъ она можетъ равняться лишь $^1/_{200}$. Юридическая личность надѣльнаго владѣнія пользуется законнымъ признаніемъ, хотя и можетъ вызвать нѣкоторые споры, благодаря отождествленію сельской общины, какъ субъекта надѣльнаго права, съ сельскимъ обществомъ, какъ юридическимъ лицомъ, имѣющимъ правоспособность пріобрѣтенія недвижимаго имущества. Сельское «общество» можетъ пріобрѣсти покупкой землю сосѣдняго помѣщика. Въ такихъ покупкахъ «обществомъ» рѣдко участвуютъ всѣ члены общества, участвуетъ въ нихъ лишь большинство. Спрашивается, имѣютъ ли извѣстное право на участіе въ пользованіи купленной обществомъ землею и члены меньшинства? Съ точки зрѣнія конструкціи юридическаго лица, несомнѣнно имѣютъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, имѣютъ право на увеличенный вслѣдствіе постройки новаго дома дивидендъ и тѣ члены домовладѣльческаго общества, которые на общемъ собраніи акціонеровъ голосовали противъ этой постройки. Но на практикѣ такое послѣдовательное проведеніе юридической личности сельской общины не имѣетъ

мѣста. Къ тому же право на продажу надѣльной земли цѣлымъ сельскимъ обществомъ, безъ каковаго трудно признать сельскую общину лицомъ безусловно юридическимъ, не предусматривается ст. 165. Это право установлено лишь закономъ 14 декабря 1893 г., обусловившимъ его согласіемъ $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, и утвержденіемъ Губернскаго присутствія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сверхъ того и разрѣшеніемъ двухъ или трехъ министровъ. Но такъ какъ законъ 14 декабря, хотя это и звучитъ нѣсколько странно при сличеніи съ его буквальнымъ текстомъ, является по своей внутренней цѣли именно закономъ о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, то признаніе юридической личности надѣльнаго владѣнія остается всетаки подъ сомнѣніемъ. Съ другой стороны, тотъ же законъ какъ бы подчеркнулъ черты юридическаго лица въ конструкціи сельской общины, отмѣнивъ индивидуалистическое правопризнаніе 165 ст., допускавшей свободный досрочный выкупъ надѣла отдѣльными крестьянами. По закону же 1893 года не только выдѣлъ отдѣльныхъ участковъ, но и самый выкупъ надѣла обусловленъ согласіемъ общества и при томъ на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ сельскаго схода. Такимъ образомъ этотъ законъ во всякомъ случаѣ ослабилъ характеръ надѣльнаго владѣнія, какъ общей собственности крестьянъ данной деревни.

Но есть, безспорно, серьезныя соображенія и въ пользу совершенно иной конструкціи надѣльнаго владѣнія. Горячимъ сторонникомъ взгляда на надѣльныя земли, какъ на собственность не совокупности отдѣльныхъ крестьянъ, не сельской общины, но иного юридическаго лица — государства — выступаетъ Н. П. Семеновъ. Основанія въ пользу такого рѣшенія вопроса суть частью формально-юридическія, частью цѣлевыя. Съ точки зрѣнія формальной возможна такая мотивировка. Первоначально выкупъ имѣлъ характеръ акта добровольнаго, сдѣлавшагося обязательнымъ лишь по закону 28 декабря 1881 года. Изъ добровольности выкупа можно заключить, что, первоначально по крайней мѣрѣ, правительство вовсе и не желало обратить крестьянъ во что бы то ни стало въ собственниковъ ихъ надѣльныхъ земель, какъ бы сохра-

няя право собственности на эти земли за собою. Но, съ другой стороны, выкупъ земель у помѣщиковъ, хотя бы и добровольный, всетаки состоялся, а съ 1882 года былъ сдѣланъ даже обязательнымъ. Фактъ выкупа — кредитной операціи съ долгосрочнымъ погашеніемъ капитальной стоимости земли—свидѣтвльствуетъ въ пользу признанія права собственности на надѣльную землю за крестьянами. Но нельзя не согласиться и съ мнѣніемъ Н. П. и П. Н. Семеновыхъ, что выкупная операція, именно какъ выкупная, провалилась окончательно. Недоимки выкупныхъ платежей быстро сдѣлались весьма значительными. Правительство нѣсколько разъ понижало размѣръ выкупныхъ платежей. Однако ни пониженіе, ни пересрочка ихъ на дальнѣйшее время не помогали дѣлу, и крестьяне въ общей сложности за 40 лѣтъ погасили лишь половину причитавшагося съ нихъ въ теченіе этого періода выкупного долга, несмотря на сложеніе недоимокъ и пониженіе размѣра роста на капиталъ. При такомъ положеніи явилось естественнымъ сліяніе суммъ первоначально вполнѣ самостоятельной выкупной операціи со средствами общаго государственнаго бюджета, по закону 15 января 1885 г. Этимъ актомъ какъ бы преднамѣчалось дальнѣйшее обращеніе долгосрочныхъ выкупныхъ платежей въ уменьшенную, но безсрочную оброчную подать, благодаря чему завершился бы процессъ окончательнаго обращенія надѣльныхъ земель въ государственныя. Государство уплатило за эти земли помѣщикамъ ихъ стоимость, и если крестьяне оказались несостоятельными по долгу, лежавшему на отведенной имъ въ надѣлъ землѣ, то «право собственности на выкупленныя уже правительствомъ у бывшихъ помѣщиковъ земли», по мнѣнію Н. П. Семенова, «осталось за государствомъ» [1]).

Къ тому же выводу приходитъ Н. П. Семеновъ и съ точки зрѣнія цѣли надѣльнаго владѣнія. Земля дана крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта, и потому «первою должна быть забота, чтобы земля изъ рукъ крестьянскаго сословія не выходила. Если бы государственная власть утратила совершенно право и воз-

---

[1]) О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи, стр. 8.

можность распоряжаться крестьянскими землями, то регуляторомъ отношеній населенія къ землѣ сталъ бы исключительно капиталъ. При такихъ условіяхъ измельченная частною собственностью въ ничтожные клочки земля становится «размѣнною монетою и выбрасывается на рынокъ». Отсюда обращеніе обездоленной крестьянской массы въ безземельныхъ бобылей, въ пролетаріатъ. Поэтому-то и необходимо признаніе права собственности на надѣльныя земли за государствомъ. Смыслъ такой конструкціи отнюдь не въ отобраніи у крестьянъ ихъ земель, но, наоборотъ, въ сохраненіи ихъ въ неотчуждаемомъ владѣніи сельскихъ обществъ. Что право собственности на надѣльныя земли принадлежитъ не крестьянамъ, а государству, видно уже изъ того, что право распоряженія, — въ противоположность правамъ пользованія и владѣнія,—никогда неотдѣлимое отъ собственника, именно и не принадлежитъ крестьянамъ относительно надѣльныхъ земель со времени закона 1893 года. Между тѣмъ право распоряженія ограничивается лишь въ случаяхъ неправоспособности собственника (малолѣтство, безуміе, расточительность). Но законъ не ограничиваетъ правоспособности крестьянъ, какъ сословія, и потому, если онъ отказываетъ имъ въ правѣ распоряженія надѣльными землями, то этимъ самымъ онъ отрицаетъ у нихъ самое право собственности на надѣлъ. Принадлежность послѣдняго государству подтверждается и тѣмъ особымъ покровительствомъ правитильства надѣльному владѣнію, какъ, напр., въ годину неурожаевъ и т. п. народныхъ бѣдствій, которое не простирается на другіе виды владѣнія. «На такую помощь земельный собственникъ, свободный распоряжаться неограниченно своимъ земельнымъ имуществомъ, притязанія имѣть не можетъ» [1]).

Признаніе права собственности на надѣльныя земли за государствомъ усматривается и въ правовомъ сознаніи самихъ

---

[1]) **О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи**, стр. 16. Вся эта мотивировка подробно изложена въ названной брошюрѣ, а также и въ «**Выводахъ и заключеніяхъ**».

крестьянъ. При переселеніи въ Сибирь крестьяне, по наблюденіямъ автора, «продавали всю свою движимость, скотъ, рабочій инвентарь и не только удобопереносимыя деревянныя, но и вовсе непереносимыя каменныя строенія... Но при этомъ ни о какой продажѣ или уступкѣ за вознагражденіе оставляемыхъ переселенцами обществу земельныхъ участковъ не заходило и рѣчи. Ни переселяющимся, ни остающимся на мѣстѣ и нынѣ не входитъ въ голову, что домохозяева, вносившіе уже болѣе 30 лѣтъ выкупные платежи и погасившіе значительную долю выкупной ссуды, могутъ распоряжаться своими надѣльными земельными участками, какъ собственностью. Въ ихъ глазахъ, эта земля есть государственная, находящаяся въ неотчуждаемомъ владѣніи сельскаго общества, а не личная собственность домохозяина» [1]).

Несмотря на высокую авторитетность покойнаго писателя и государственнаго дѣятеля, столь краснорѣчиво отстаивавшаго конструкцію надѣльнаго владѣнія, какъ собственности государства, трудно согласиться съ правильностью такого взгляда. Въ частности со стороны правовыхъ идеаловъ народа можно до извѣстной степени согласиться, что крестьяне не считаютъ надѣльной земли своей собственной. Но они вообще дешево цѣнятъ надѣльную черезполосную землю, какъ то видно изъ цитированнаго уже примѣра состоявшагося въ Орловской губерніи приговора о разверстаніи, при чемъ десятина собственной отрубной земли приравнивалась двумъ десятинамъ земли черезполосной (стр. 107). Народъ прежде всего практикъ и потому вообще не гонится за надѣльною землею; но еще большой вопросъ, насколько конструкція государственной собственности на землю соотвѣтствуетъ правовымъ идеаламъ крестьянъ, ибо народъ во всякомъ случаѣ хочетъ земли собственной, а не казенной. Трудно согласиться и съ тѣмъ, что продовольственныя и всякія иныя заботы государственной власти о крестьянахъ обусловливаются правомъ собственности государства на надѣльныя земли. Заботы государства о сословіи крестьянъ вполнѣ понятны и помимо такой конструк-

---

[1]) О будущемъ крестьянскаго сословія, стр. 10.

ціи надѣльнаго владѣнія, коренясь на верховномъ правѣ государства. Наконецъ и не одно крестьянское землевладѣніе составляетъ предметъ специальной заботы правительства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичное положеніе занимало у насъ и сословіе помѣстнаго дворянства. Однако это не даетъ Н. П. Семенову повода оспаривать у дворянъ права собственности на принадлежащія имъ земли. Можно возражать и противъ отрицанія у крестьянъ права распоряженія надѣльными землями. Закономъ 1893 г. это право у отдѣльныхъ крестьянъ не было отнято, а лишь ограничено предѣлами крестьянскаго сословія. Что касается распоряженія надѣльною землею со стороны общества, то права общества по отчужденію земли не были ограничены даже сословными предѣлами. Законъ 14 декабря прямо говоритъ о продажѣ земли «цѣлымъ обществомъ», съ согласія $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Все это несомнѣнно вѣскія соображенія противъ конструкціи государственнаго права собственности на надѣльныя земли. Они подкрѣпляются возраженіемъ и на тѣ доводы, которые приведены выше противъ собственности крестьянъ на надѣлъ со стороны неудачи выкупной операціи. Трудно согласиться съ тѣмъ, что несомнѣнная несостоятельность крестьянъ по уплатѣ выкупного долга, обезпеченнаго надѣлами, могла ipso iure повести къ возстановленію права собственности государства на надѣльныя земли. Такая мотивировка основана несомнѣнно на аналогіи съ ипотечнымъ долгомъ кредитному учрежденію или частному лицу. Но спрашивается, насколько допустима и правильна такая аналогія? Государство не частное лицо и не земельный банкъ. Оно имѣетъ другія цѣли и иную природу. Къ тому же и несостоятельность по ипотечному долгу кредитному учрежденію или частному лицу не влечетъ за собою ipso iure установленія права собственности этого лица или учрежденія на заложенную землю. Право собственности кредитора на землю возникаетъ лишь по совершеніи извѣстнаго рода юридическихъ дѣйствій (публичныхъ торговъ). Едва ли возможно усмотрѣть признаки подобнаго рода юридическихъ дѣйствій въ отношеніяхъ выкупной операціи.

Нельзя не согласиться съ мотивами Н. П. Семенова со стороны цѣли надѣльнаго владѣнія, какъ обезпеченія быта крестьянъ навсегда тѣми землями, которыми они были надѣлены у бывшихъ помѣщиковъ; изъ этой цѣли дѣйствительно вытекаетъ недопустимость широкой мобилизаціи крестьянской земли, при которой послѣдняя обращается въ размѣнную монету. Но если остановиться внимательнѣе на этихъ мотивахъ, то неизбѣженъ выводъ, что они мотивируютъ лишь признаніе неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Послѣдняя же вовсе не связана необходимо съ признаніемъ права государственной собственности на надѣльныя земли. Эти земли, и не будучи государственными, могутъ тѣмъ не менѣе оставаться неотчуждаемыми, и не только въ широкихъ предѣлахъ крестьянскаго сословія, но и въ болѣе тѣсныхъ—одной семьи, къ чему и стремится вышеочерченный типъ недробимаго семейно-наслѣдственнаго отрубного хутора. Остается добавить, что и съ чисто практической стороны признаніе права государства на надѣльныя земли едва ли желательно. Нашъ государственный строй еще съ начала прошлаго столѣтія, а особливо въ концѣ его, вошелъ въ періодъ болѣзненнаго кризиса и внутренняго разложенія [1]). При такихъ условіяхъ относиться къ «государству» съ тѣмъ особымъ довѣріемъ, которое, повидимому, питалъ къ нему покойный Н. П. Семеновъ, представляется рискованнымъ. Теперь, когда государственные дѣятели серьезно разсуждаютъ объ отобраніи земель частнаго даже владѣнія, теряютъ $^3/_4$ своей силы, казалось бы, справедливыя слова Н. П. Семенова о томъ, что смыслъ государственной собственности на надѣльныя земли не въ отобраніи этихъ земель у крестьянъ, а, наоборотъ, въ безповоротномъ ихъ сохраненіи за крестьянами. Кто знаетъ, кто можетъ быть увѣренъ, что завтра не явится дѣятель, который именно выдвинетъ програму, еще такъ недавно казавшуюся Н. П. Семенову столь невозможной. Такимъ образомъ и съ чисто практической и

---

[1]) Объективное и яркое изложеніе этого вопроса читатель найдетъ въ новой книгѣ П. Н. Семенова: **Самодержавіе какъ государственный строй.**

съ формально-правовой, и со стороны цѣли надѣльнаго владѣнія и народныхъ идеаловъ можно лишь съ большими оговорками согласиться съ конструкціей надѣльнаго права, какъ государственной собственности. Изъ этой конструкціи въ лучшемъ случаѣ можетъ вытекать лишь такая, отчасти приближающаяся къ истинѣ схема: если собственность на надѣльныя земли принадлежитъ государству, то надѣльное право государства не далеко отъ nudum ius, ибо само право распоряженія государства надѣльными землями ограничено безповоротнымъ владѣніемъ данной сельской общины, при индивидуальномъ временномъ пользованіи отдѣльныхъ крестьянъ. Поэтому правильнѣе признать надѣльное владѣніе оригинальнымъ институтомъ права, соединяющимъ другъ другу противоположныя черты общаго владѣнія, собственности юридическаго лица—общины и государственной собственности. Этой конструкціи не ослабляетъ и ранѣе сдѣланный выводъ о несомнѣнномъ временномъ характерѣ института надѣльнаго права.

Наше надѣльное владѣніе, какъ оно сложилось при освобожденіи крестьянъ въ 1861 г., есть результатъ компромисса между различными теченіями, господствовавшими въ правительствѣ и обществѣ во время реформы. Одно теченіе было направлено къ признанію надѣльныхъ земель неотчуждаемымъ владѣніемъ общинъ и къ сохраненію общиннаго порядка землевладѣнія. Противоположное мнѣніе выдвигало необходимость предоставленія крестьянскихъ надѣловъ въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость скорѣйшаго распаденія общинъ, хотя бы и съ помощью нѣкотораго насилія. Отсюда вполнѣ естественно вытекаетъ тотъ фактъ, что Положеніе 19 февраля вовсе и не предрѣшало будущихъ отношеній крестьянъ къ землѣ, оставивъ открытымъ вопросъ, составляютъ ли надѣльныя земли общественное достояніе, предоставляемое въ неотчуждаемое владѣніе сельскихъ общинъ, или эти земли предназначены къ дробленію ихъ въ будущемъ на мелкіе участки,—для обращенія въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ[1]).

---

[1]) Н. П. Семеновъ. Выводы и заключенія, стр. 35.

Это основное противорѣчіе въ правовомъ положеніи надѣльнаго владѣнія существовало такимъ образомъ уже въ самомъ очертаніи освободительной реформы. Выкупъ крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ собственность уже съ самаго начала находился въ полномъ противорѣчіи съ Положеніемъ 19 февраля, узаконившимъ общинное крестьянское землевладѣніе и круговую поруку. Изъ того, что всѣ выкупныя сдѣлки облекались въ форму договоровъ съ цѣлыми обществами, можно было думать, что общества и предназначались быть собственниками выкупныхъ земель; изъ того же, что надѣльные семейные участки изъ общественной земли дозволялось пріобрѣтать и отдѣльно домохозяевамъ, внесшимъ въ уѣздное казначейство досрочный выкупъ, помимо воли и желанія общества, можно заключить, что цѣлью реформы было обращеніе отдѣльныхъ крестьянъ въ собственниковъ ихъ земельныхъ участковъ. Такимъ образомъ законъ въ широкой степени предоставлялъ указаніямъ самой жизни и опыта дальнѣйшее развитіе надѣльнаго владѣнія, чѣмъ подтверждается сдѣланная нами выше характеристика послѣдняго, какъ института, во первыхъ, временнаго и во вторыхъ, оригинальнаго. Эту характеристику можно дополнить указаніемъ на неизбѣжное подъ вліяніемъ первоначальной его постановки сліяніе въ надѣльномъ владѣніи факта съ правомъ или, нѣсколько видоизмѣняя это указаніе, можно отмѣтить затруднительность розысканія права въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ, на ряду съ правомъ, было съ самаго начала допущено и безправіе, что подтверждается и прямымъ наблюденіемъ надъ жизнью пореформенной деревни.

Какъ же отвѣтила жизнь на неразрѣшенные освободительной реформою вопросы, поскольку этотъ отвѣтъ выразился въ законодательныхъ новеллахъ, изданныхъ послѣ 1861 года? Съ извѣстнымъ приближеніемъ къ истинѣ можно сказать, что въ первое время послѣ реформы законъ развивался въ сторону признанія собственности на надѣльныя земли за крестьянами, если не за отдѣльными лицами, то за обществами ихъ, но во всякомъ случаѣ не за государствомъ. Этотъ взглядъ отразился въ законѣ 28 декабря 1881 г., которомъ первоначально добровольный выкупъ

былъ превращенъ въ обязательный. Аналогичное значеніе имѣлъ и законъ 12 іюня 1886 г., коимъ оброчная подать государственныхъ крестьянъ была превращена въ выкупные платежи. Этимъ закономъ надѣльныя земли государственныхъ крестьянъ, принадлежность коихъ на правѣ собственности государству не подлежала даже сомнѣнію, были предназначены къ обращенію въ собственность крестьянъ, такъ что, повидимому, этотъ законъ можетъ быть признанъ полнымъ торжествомъ принципа крестьянской собственности на надѣльныя земли. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи новеллы 1886 года приходится въ значительной степени отказаться отъ приданія ей такого значенія. На самомъ дѣлѣ, новые выкупные платежи государственныхъ крестьянъ не должны превышать, по этому закону, прежнихъ окладовъ оброчной подати и лѣсного налога, увеличенныхъ на $^2/_3$ суммы взимавшихся до 12 іюля 1886 года окладовъ оброчной и подушной податей. Досрочный выкупъ въ собственность разрѣшается при взносѣ капитала, получаемаго помноженіемъ на 20 установленнаго выше указаннымъ способомъ выкупного платежа. «Изъ всего этого ясно», говоритъ Н. П. Семеновъ, «что выкупной операціи съ выдачей ссудъ, взносами погашенія капитала, точной оцѣнкой выкупной земли и другими требованіями этой кредитной операціи относительно надѣльныхъ земель государственныхъ крестьянъ не было выполнено, и одно переименованіе оброчной подати въ выкупные платежи нельзя признать выкупомъ [1]).

У того же автора находимъ и обясненіе этого государственнаго акта. Онъ былъ вызванъ фискальной необходимостью найти источникъ для пополненія бюджетной убыли по случаю отмѣны подушной подати, которой вмѣстѣ съ другими прежними сборами не должны превышать новые выкупные платежи государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ «все это преобразованіе есть не что иное, какъ взиманіе съ государственной крестьянъ той же, отмѣненной теперь, подушной подати, только подъ другимъ наимено-

---

[1]) О будущемъ крестьянскаго сословія, стр. 13.

ваніемъ» [1]). Фискальное, а не принципіальное значеніе закона 1886 года выясняется и при сопоставленіи съ предшествовавшимъ ему всего на годъ съ небольшимъ закономъ 15 января 1885 г. о причисленіи выкупныхъ платежей къ общимъ доходамъ государства. Значеніе этого закона, въ связи съ пересрочкою на дальнѣйшее время выкупныхъ платежей, уже было выяснено выше: имъ выдвигается принципъ, прямо противоположный собственности крестьянъ на надѣльныя земли, и какъ бы преднамѣчается обращеніе срочныхъ ипотечныхъ выкупныхъ платетежей въ безсрочный государственный окладный сборъ. Выводъ этотъ укрѣпляется закрытіемъ 17 апрѣля 1895 г. самого Главнаго Выкупного Учрежденія. Такимъ образомъ послѣдующее развитіе законодательства, въ связи съ оказавшейся несостоятельностью крестьянъ къ выкупу надѣльныхъ земель въ ихъ общинную или частную собственность, шло въ сторону признанія если не государственной собственности на эти земли, то, во всякомъ случаѣ, ихъ значенія, какъ достоянія общественно-государственнаго или по крайней мѣрѣ сословнаго. Таковъ смыслъ существеннѣйшей части закона 14 декабря 1893 г., который важенъ и въ томъ отношеніи, что въ значительной степени сгладилъ правовыя различія подворнаго и общиннаго надѣльнаго владѣнія. Онъ какъ бы подчеркнулъ, что главный смыслъ надѣльнаго владѣнія не въ пріобрѣтеніи участковъ надѣльной земли въ собственность отдѣльныхъ крестьянъ и даже не въ неограниченную собственность цѣлой общины, а въ неотчуждаемомъ владѣніи крестьянскаго сословія, ибо и пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами (при общиномъ пользованіи) участки земли и состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи могутъ быть отчуждаемы, по этому закону, только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Впрочемъ, въ позднѣйшемъ развитіи законодательства можно до нѣкоторой степени усмотрѣть торжество даже взгляда Н. П.

---

[1]) О будущемъ крестьянскаго сословія, стр. 14.

Семенова, т. е. признанія государственной собственности на надѣльныя земли. Таковою были признаны въ 1891 году земли Степного генералъ-губернаторства, заселенныя поселенцами и инородцами. Казенными же, безъ права отчужденія или обремененія долгами и подъ условіемъ взноса оброчной подати, были признаны 23 мая 1896 г. земли Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерній, находящіяся во владѣніи крестьянъ и инородцевъ по отводнымъ записямъ. Но было уже говорено, что смыслъ этихъ государственныхъ мѣръ въ неотчуждаемости крестьянскихъ земель, а послѣдняя не связана необходимо съ признаніемъ собственности государства на крестьянскія или инородческія земли. А что такое признаніе—опасно, видно изъ того, что уже было произнесено слово объ «использованіи» земель кочевниковъ-киргизовъ для цѣлей «надѣленія» крестьянъ внутреннихъ губерній. Между тѣмъ отнимать у кого бы то ни было землю для передачи другому ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть названо иначе, какъ неправомѣрнымъ актомъ дикаго произвола, и поэтому на частновладѣльческомъ классѣ внутреннихъ губерній лежитъ обязанность протеста противъ такого перенесенія тяжести «надѣленія» съ его плечъ плечи на «дикихъ кочевниковъ» киргизовъ, пріобрѣтенныя права коихъ должны оставаться неприкосновенными.

Возвращаясь къ весьма важному закону 14 декабря 1893 г., нельзя не указать на то, что, не разрѣшивъ вполнѣ историческихъ противорѣчій надѣльнаго права, онъ внесъ новыя противорѣчія, на которыя и указываетъ Н. П. Семеновъ. Обращеніе надѣльныхъ земель въ собственность крестьянъ обусловливалось 165 ст. досрочнымъ выкупомъ. На основаніи же закона 14 декабря распоряжаться отчужденіемъ даже невыкупленныхъ надѣльныхъ земель предоставлено, хотя и подъ извѣстнымъ контролемъ, сельскимъ обществамъ, которыя, стало быть, признаются собственниками земли даже и не выкупленной еще. Съ другой стороны для отдѣльныхъ крестьянъ право распоряженія надѣломъ не обусловлено согласіемъ общества, что противорѣчитъ принципу общинной собственности, а только ограничено предѣломъ даннаго

общества, или, правильнѣе, сословія, такъ какъ приписка къ обществу является формальностью. Но и сама эта сословная неотчуждаемость надѣловъ не проведена послѣдовательно въ законѣ, ибо цѣлымъ обществомъ земля можетъ быть продана и въ постороннія руки.

Можно думать, что состоявшаяся 3 ноября 1905 года отмѣна выкупныхъ платежей еще болѣе усугубитъ путаницу и противорѣчія надѣльнаго права. Что знаменуетъ собою сія отмѣна? Окончательное признаніе выкупной операціи несостоявшейся или, другими словами, признаніе надѣльныхъ земель государственными? Облегченіе податнаго бремени, т. е. оставленіе вопроса о собственности на надѣльныя земли открытымъ? Или, наоборотъ, признаніе надѣльныхъ земель въ собственности крестьянъ? И притомъ какихъ крестьянъ: крестьянскихъ общинъ или отдѣльныхъ домохозяевъ? Въ пользу каждаго изъ намѣченныхъ рѣшеній можно привести десятки доводовъ. Но послѣ 3 ноября значеніе всѣхъ вышеуказанныхъ противорѣчій до крайности обострилось, и положеніе стало въ извѣстной степени безнадежнымъ. Если ранѣе, до отмѣны выкупныхъ платежей, можно было надѣяться на урегулированіе надѣльнаго права при помощи выкупныхъ платежей, то теперь жизнь не замедлитъ поставить цѣлый рядъ вопросовъ, на которые право отвѣтить безсильно.

Можно вообще удивляться, какимъ образомъ оказался возможнымъ этотъ неожиданный и несправедливый государственный актъ. Ничего, кромѣ новаго разлада и нравственнаго разложенія, не можетъ внести въ крестьянскую среду такое поощреніе лѣности и тунеядства. Пострадавшими отъ 3 ноября оказываются тѣ трудолюбивые и исправные хозяева, которые заранѣе выкупили свои надѣлы.

Если смыслъ акта заключается въ дареніи государствомъ надѣльныхъ земель крестьянамъ, то такое дареніе несправедливо относительно другихъ сословій. Почему въ такомъ случаѣ не прощены долги дворянъ Дворянскому банку? Развѣ дворянское землевладѣніе менѣе полезно и необходимо въ государственномъ отношеніи, чѣмъ крестьянское? Не будучи вовсе сторонникомъ

принципа pereat mundus fiat iustitia, я бы могъ еще понять отмѣну выкупныхъ платежей, если бы они были для крестьянъ обременительны. Но они были такъ ничтожны, сравнительно хотя бы съ платежами, вносимыми крестьянами въ Крестьянскій банкъ, въ общемъ весьма аккуратно, что нужно быть круглымъ невѣждою въ деревенскихъ дѣлахъ, чтобы думать, что недиомочность выкупныхъ платежей зависѣла отъ ихъ непосильности. Возможно и необходимо было реформировать способы ихъ взысканія, но отмѣнять ихъ—равносильно тому отчасти трагическому образу дѣйствій, коему слѣдовалъ, въ извѣстной баснѣ Крылова, любимецъ нашего народнаго эпоса, оберегая сонъ Пустынника. Даже проф. Герценштейнъ, коего нельзя заподозрить въ излишней умѣренности, не находилъ возможнымъ, на апрѣльскомъ аграрномъ совѣщаніи 1905 года, сразу отмѣнить выкупные платежи [1]). И человѣческому пониманію прямо недоступны тѣ мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ объединенное правительство 17 октября нашло въ себѣ силу и отвагу пойти по скользкой платформѣ «людей, которые ходятъ съ красными флагами». Къ тому же отмѣна выкупныхъ платежей въ высокой степени лицемѣрна. Въ самомъ дѣлѣ, бюджетъ 1906 года предусматриваетъ, вслѣдствіе пониженія ихъ въ семъ году, убыль государственнаго дохода на 41,4 милл. рублей. Но зато ожидаемое бюджетомъ увеличеніе дохода отъ продажи питей вычислено въ 43 милл. рублей. И нельзя не считать такого ожиданія основательнымъ, ибо дѣйствительно, куда, какъ не въ кабакъ могутъ быть «внесены» нынѣ на бумагѣ отмѣненные выкупные платежи? При этомъ вспоминается, что и ранѣе каждому бюджетному уменьшенію выкупныхъ платежей всегда соотвѣтствовало приблизительно равное этому уменьшенію увеличеніе водочнаго дохода. Такимъ образомъ нельзя не прійти къ выводу, что всякая подобная финансово-правовая мѣра безнравственна вдвойнѣ: и непосредственнымъ чрезъ нее внесеніемъ въ народную жизнь несправедливости и

---

[1]) Аграрный вопросъ, стр. 348.

нравственнаго разложенія, и тѣмъ увеличеніемъ народнаго пьянства, которое посредствомъ ея достигается [1]).

Недальновидною и особенно гибельной по своимъ послѣдвіямъ является отмѣна выкупныхъ платежей съ точки зрѣнія государственной аграрной политики. Въ выкупныхъ платежахъ государственная власть имѣла гибкое и могущественное орудіе для регулированія нашего основного аграрнаго вопроса, т. е. разселенія сельскаго населенія въ предѣлахъ надѣла. Прежде всего правительство могло бы понизить выкупные платежи для общинъ, возвратившихся къ тягловому надѣлу. Большее или меньшее пониженіе выкупныхъ платежей могло бы явиться поощрительной льготой для общинъ и селеній подворнаго права, выдѣлившихъ большую или меньшую часть земли въ отрубные участки; устройство отрубныхъ недробимыхъ хуторовъ могло бы поощряться полнымъ сложеніемъ выкупныхъ платежей. Наконецъ эти платежи могли бы, вмѣстѣ съ другими асигнованіями, служить источникомъ возвратныхъ или безвозвратныхъ ссудъ при разселеніи: на перенесеніе построекъ, устройство колодцевъ и иныхъ водоемовъ, оросительныя работы и т. п., а также на организацію государственнаго кормового обезпеченія. Отмѣна выкупныхъ платежей, поэтому, не можетъ не удорожить всѣхъ этихъ работъ, а главное, уменьшить возможность активнаго воздѣйствія государства на дефекты нашихъ формъ землепользованія. Съ другой стороны, актъ 3 ноября 1905 г., какъ мы видѣли, еще болѣе спуталъ и осложнилъ противорѣчія надѣльнаго права.

---

[1]) Я не говорю уже о томъ, насколько неудачна была отмѣна выкупныхъ платежей по своей несвоевременности, будучи опубликована въ самый разгаръ дикихъ погромовъ и безобразнаго разбойнаго движенія, неправильно и безъ всякаго къ тому основанія называемаго аграрнымъ; въ этомъ движеніи, къ сожалѣнію, приняли участіе и крестьяне, почему отмѣна выкупныхъ платежей была не только безнравственна и несправедлива, но и до крайности неполитична въ такое время, когда здоровымъ государственнымъ смысломъ могло быть подсказано во всякомъ случаѣ скорѣе увеличеніе окладныхъ сборовъ, въ родѣ контрибуціоннаго сбора за мятежъ 1863 года, но никоимъ образомъ не уменьшеніе податного бремени.

Такимъ образомъ, обозрѣніе историческаго развитія надѣльнаго права подтверждаетъ ранѣе сдѣланную характеристику этого института. Объединяя все сказанное о надѣльномъ владѣніи, можно выдвинуть лишь слѣдующіе опредѣленные выводы:

1) Отношенія надѣльнаго права оригинальны и противорѣчивы, неся въ себѣ отдѣльныя черты общей собственности, собственности юридическаго лица и государственной собственности, но составляютъ самостоятельный правовой институтъ.

2) Въ этомъ институтѣ фактъ сливается съ правомъ, и эти темныя черты безправія осложняются лежащими въ самомъ существѣ института противорѣчіями, настоятельно требующими разрѣшенія.

3) Институтъ надѣльнаго владѣнія съ самаго своего возникновенія въ 1861 г. и до сего дня носитъ характеръ временный, характеръ какъ бы продолжающейся ликвидаціи крестьянскихъ отношеній по землѣ, смѣнившей ликвидацію ихъ отношеній съ бывшими помѣщиками.

Законъ и аграрная политика должны облегчить эту ликвидацію, подобно тому, какъ это было сдѣлано для отношеній помѣщиковъ съ крестьянами.

4) Единственное положительное завоеваніе въ исторіи надѣльнаго владѣнія представляетъ собою частично и неполно пробившееся въ право признаніе неотчуждаемости надѣловъ въ предѣлахъ сословія. Этотъ принципъ, въ связи съ неотчуждаемостью отъ членовъ данной общины владѣнія даннымъ надѣльнымъ планомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, нуждается въ послѣдовательномъ проведеніи и отслоеніи отъ него всѣхъ ему противорѣчащихъ правоопредѣленій. Такое развитіе надѣльнаго права можетъ, при раздѣленіи надѣльной территоріи на отрубные участки, прямо привести къ неотчуждаемости этихъ участковъ въ предѣлахъ одной семьи, каковая конструкція вполнѣ соотвѣтствуетъ основной цѣли надѣльнаго владѣнія, какъ общественно-сословнаго достоянія, обезпечивающаго навсегда бытъ крестьянъ. Между тѣмъ ни государственная, ни индивидуальная, ни коллек-

тивно-общинная конструкціи надѣльнаго права по существу этой цѣли не удовлетворяютъ.

Я говорилъ уже, что отъ правовой конструкціи надѣльнаго владѣнія зависитъ и судьба будущаго разселенія. Если надѣлъ есть condominium, то достижима только парцелляція надѣла, что, конечно, будетъ очень много, но что не устранитъ ни непрочности этого владѣнія, ни его дробимости, ни мобилизаціи земли и неизбѣжнаго при ней обращенія сельскихъ жителей въ безземельныхъ бобылей. Семейная консолидація хуторовъ могла бы въ такомъ случаѣ наступить лишь въ концѣ медленнаго и усѣяннаго безконечными случайностями пути, можетъ быть, нѣсколькихъ столѣтій, въ теченіе которыхъ правительство скупало бы для передачи на семейномъ правѣ разрозненные и разнохарактерные участки прежнихъ общинныхъ земель. При этомъ обогатились бы банки, биржи и многочисленный классъ неизбѣжныхъ посредниковъ, но само русское крестьянство, какъ осѣдлое и крѣпкое землѣ земледѣльческое населеніе —главная опора государства— давно перестало бы уже существовать. Вѣдь нельзя забывать, что дворовъ въ настоящее время болѣе 11 милліоновъ въ 49 губерніяхъ, и если довольно разселить только третью часть ихъ, то число будущихъ хуторовъ все-таки будетъ близко къ 4 милліонамъ. Этими соображеніями я не хочу оспаривать пользы и необходимости насажденія хуторовъ на правѣ арендномъ и правѣ неограниченной собственности изъ особаго Государственнаго земельнаго фонда. Но едва ли допустимо предоставленіе на долгое время надѣльныхъ земель для экспериментовъ съ парцелляціей на правѣ неограниченной собственности. Нельзя не считаться съ мнѣніемъ, что лучше, можетъ быть, отказаться отъ всѣхъ преимуществъ отрубного владѣнія, чѣмъ допустить неизбѣжное при свободѣ отчужденія надѣльныхъ земель массовое обезземеленіе крестьянъ. Какъ уже было замѣчено, свободно-отчуждаемые хутора могутъ, въ современныхъ русскихъ условіяхъ, служить лишь дополнительнымъ, но никакъ не основнымъ типомъ мелкаго владѣнія.

Цѣли разселенія крестьянъ въ семейно-недробимыхъ хуторахъ не достигаетъ вполнѣ успѣшно и государственная конструкція надѣльнаго права. Темпъ разселенія долженъ зависѣть не отъ тѣхъ или иныхъ бюрократическихъ или политическихъ теченій въ правительственныхъ сферахъ, а вытекать органически изъ мѣстныхъ экономическихъ условій. Поэтому нельзя, въ интересахъ намѣчаемой аграрной реформы, желать обращенія однимъ почеркомъ пера 135 милл. десятинъ надѣльныхъ земель въ собственность государства. Достаточно вспомнить Аракчеевскія военныя поселенія или устройство государственныхъ крестьянъ въ 1836 г., чтобы не быть сторонникомъ государственнаго полновластія въ экономическихъ вопросахъ деревни, тѣмъ болѣе, что нашъ государственный строй во времена военныхъ поселеній былъ еще далекъ отъ современнаго болѣзненнаго кризиса, который также не можетъ не отразиться пагубнымъ образомъ на судьбѣ всякой крупной реформы.

Впрочемъ и съ болѣе общей точки зрѣнія не приходится говорить объ аграрной реформѣ, а лишь объ аграрной политикѣ, т. е. по возможности удалить съ намѣчаемаго пути всякое проявленіе принудительности. Никто не долженъ быть ни къ чему принуждаемъ, но государство должно покровительствовать полезнымъ хозяйственнымъ измѣненіямъ и облегчать ихъ.

Казалось бы, правильному ходу дѣла разселенія не можетъ препятствовать конструкція надѣльнаго права, какъ общинной собственности. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что общинная «собственность» ограничена цѣлью надѣльнаго владѣнія, заключающейся въ обезпеченіи землею навсегда членовъ данной общины, т. е. эта «собственность» осуществляется въ неотчуждаемомъ крестьянскомъ владѣніи, а отнюдь не правѣ произвольнаго распоряженія. Поэтому расширеніе правъ временной полуфактической, полуправовой коллективности — общины до правъ общины-юридическаго лица — едва ли входитъ въ цѣли правильнаго и возможно скораго разселенія и внесетъ въ это неотложное дѣло скорѣе путаницу и произволъ.

Подобно тому какъ только номинальной можетъ быть собственность на надѣльныя земли государства, ограничиваясь цѣлью сохраненія надѣла въ неотчуждаемомъ владѣніи данной общины, номинально и это самое владѣніе общины, ибо оно тоже ограничено цѣлью — цѣлью постояннаго и неотчуждаемаго въ посторонніе руки пользованія членовъ данной общины. Такимъ образомъ центральнымъ всепроникающимъ моментомъ надѣльнаго владѣнія является заключенная въ самое существо его цѣль. Вѣдь и самое пользованіе членовъ общины носитъ какъ бы фидеикомиссарный характеръ условности, изъ коего вытекаетъ вновь конечная цѣль института — обезпеченіе будущихъ поколѣній. Совокупность всѣхъ этихъ чертъ сообщаетъ надѣльнымъ землямъ характеръ цѣлевого имущества (Zweckvermögen), съ точки зрѣнія котораго и надлежитъ обсуждать всѣ возникающія отношенія. Выше, говоря о переходѣ тяглового надѣла въ отрубной семейно-неотчуждаемый и наслѣдственно-недробимый хуторъ, я выяснилъ, что правовая и бытовая форма этого хутора уже заключена въ самомъ тягловомъ надѣлѣ (см. стр. 96); что отъ тягла одинъ шагъ до хутора, который есть не что иное, какъ естественное завершеніе тягла; было указано также, что и съ технической и экономической стороны наиболѣе желателенъ переходъ къ отрубному владѣнію чрезъ промежуточную стадію тяглового надѣла. Но не трудно признать, что съ болѣе общей правовой точки зрѣнія, нашъ оригинальный институтъ цѣлевого надѣльнаго владѣнія и въ остальныхъ своихъ формахъ, а не только тягловой, долженъ развиваться оригинально, въ предѣлахъ своей цѣли, которая состоитъ въ неотчуждаемомъ владѣніи данной общины и не отклоняясь отъ своей сущности, состоящей въ постоянномъ настоящемъ и будущемъ пользованіи членовъ данной общины. И если современная бюрократическая душевая община представляетъ собою, какъ мы видѣли, полное извращеніе, полную reductio ad absurdum самой заключенной въ сельскую общину идеи, то юристъ не можетъ встрѣтить затрудненій къ отказу отъ этого абсурда. Право на пользованіе есть, очевидно, право на разумное пользованіе, и если компетентная экспертиза признаетъ,

что въ данной мѣстности при извѣстномъ сочетанiи хозяйственныхъ условiй черезполосица есть безусловное сельско-хозяйственное зло, то власть не только имѣетъ право, но и обязана, въ интересахъ народнаго благосостоянiя, содѣйствовать устраненiю этого зла. Такая дѣятельность власти будетъ не отрицанiемъ права, но регулированiемъ пользованiя. Такая дѣятельность въ частности по отношенiю къ надѣльному владѣнiю не будетъ находиться ни въ какомъ противорѣчiи съ цѣлевымъ характеромъ этого владѣнiя, а будетъ, наоборотъ, содѣйствовать болѣе полному согласованiю положенiя этого имущества съ той цѣлью, которой оно призвано служить. Но на вопросъ, можетъ ли имѣть крестьянинъ безусловное право требовать отъ общества отвода надѣла къ одному мѣсту, приходится всетаки отвѣтить отрицательно, ибо община не есть инстанцiя, удовлетворяющая или не удовлетворяющая требованiя своихъ сочленовъ, каковая роль ей бюрократически навязана созданiемъ большинства сельскаго схода. По своему внутреннему смыслу, община всетаки осталась доселѣ живымъ длящимся соглашенiемъ всѣхъ своихъ членовъ, связанныхъ общностью интересовъ. И съ практической стороны вопросъ о переходѣ къ отрубнымъ хуторамъ не можетъ быть поставленъ независимо отъ вопроса объ устроенiи судьбы того сверххуторского населенiя, которое явится неизбѣжнымъ послѣдствiемъ созданiя отрубныхъ хуторовъ. Отсюда вытекаетъ необходимость Государственнаго земельнаго фонда и той организацiи Уѣздныхъ и Генеральныхъ Комиссiй и подчиненнаго непосредственно правительственной власти Сената Совѣта по земельнымъ дѣламъ, о которой было говорено въ одной изъ предъидущихъ главъ (стр. 90). Устраивая на новыхъ земляхъ сверххуторское населенiе въ томъ видѣ, какъ это было намѣчено для населенiя сверхтягольнаго, т. е. въ такихъ же либо семейно-наслѣдственныхъ, либо индивидуально-отчуждаемыхъ, либо арендныхъ хуторахъ, Уѣздныя и Генеральныя Комиссiи должны подготовлять, облегчать и утверждать приговорныя соглашенiя общинъ о разверстанiи черезполосицы и разселенiи деревень, принимая на себя безплатно всю тяжесть межевыхъ, хозяйственно-устрои-

тельныхъ и обезпечительныхъ заботъ. Такимъ образомъ отрубной семейно-неотчуждаемый и наслѣдственно недробимый хуторъ будетъ основанъ на общинномъ приговорѣ и получитъ значенiе фидеикомисса, возвращаемаго, въ случаѣ выморочности, общинѣ для передачи одному изъ ея же членовъ. Тѣ же поощрительныя мѣры, которыя были указаны въ интересахъ перехода отъ душевого надѣла къ тягловому, примѣнимы и къ разверстанiю черезполосицы. Мѣры эти суть: 1) всякаго рода ссуды на продовольствiе, обсѣмененiе и кормовое довольствiе; отсрочки и пересрочки платежей и повинностей, предоставляемыя размежевавшимся въ отрубные хутора общинамъ. 2) Особое содѣйствiе и льготы, оказываемыя членамъ размежевавшихся общинъ при прiобрѣтенiи ими новыхъ земель. 3) Принудительная разверстка черезполосицы въ селенiяхъ, накопившихъ недоимки сверхъ извѣстнаго допустимаго maximum'а.

Можно, впрочемъ, предполагать, что этихъ мѣръ будетъ для быстраго уничтоженiя черезполосицы недостаточно. И такъ какъ выкупные платежи, пониженiе или даже полное сложенiе которыхъ съ общинъ, перешедшихъ къ отрубному владѣнiю, могло бы послужить въ рукахъ правительства могущественнымъ средствомъ уничтоженiя черезполосицы, въ настоящее время отмѣнены, то весьма вѣроятно, что возникнетъ вопросъ о созданiи новыхъ бюджетныхъ источниковъ, могущихъ вести къ подобной же цѣли. Въ этомъ смыслѣ возможно обсуждать установленiе особаго черезполоснаго налога, отъ уплаты котораго могли бы освобождаться общины, а также подворные и прочiе владѣльцы, земли коихъ уже размежеваны [1]). Государство не должно ниспровергать ничьего права и не должно вмѣшиваться въ хозяйственныя отношенiя, но разъ черезполосица есть сельскохозяйственное зло, го-

---

[1]) Изъ этого видно, что черезполосный налогъ долженъ быть не сословнымъ, а общеимперскимъ и равнымъ для всѣхъ сословiй и видовъ владѣнiя. Равнымъ образомъ и содѣйствiе Генеральныхъ Коммиссiй разверстанiю черезполосицы должно быть направлено на владѣнiя всѣхъ сословiй.

сударство, въ интересахъ boni publici, не можетъ останавливаться передъ установленіемъ такой податной системы, которая была бы направлена на ослабленіе этого зла. Податная система именно и должна стремиться къ тому, чтобы по возможности обезпечить за каждымъ разумное и производительное пользованіе правами. И особенно справедливымъ является это мнѣніе относительно надѣльныхъ земель, которыя по своему цѣлевому характеру должны быть предметомъ особой заботливости государства, въ смыслѣ согласованія ихъ положенія съ тою цѣлью, которая проникаетъ въ ихъ правовое и бытовое существо.

Но сельскохозяйственное зло черезполосицы связано съ укоренившимся у насъ обычаемъ поселенія многодворными деревнями, который, усугубляя вредъ черезполосицы, составляетъ и самъ по себѣ сельскохозяйственное зло. И одно размежеваніе въ отрубные участки было бы несомнѣнно дѣломъ громаднаго значенія, но это значеніе еще увеличится при разселеніи дворовъ въ предѣлахъ надѣла, тѣмъ болѣе, что это разселеніе и само по себѣ желательно. Поэтому исходящая изъ правильнаго взгляда налоговая политика должна дѣйствовать сразу на обѣ главныя причины культурной отсталости нашего крестьянскаго хозяйства и, на ряду съ черезполоснымъ налогомъ, создать усадебный селенный сборъ. Отъ этого сбора должны освобождаться дворы безземельные, а также и тѣ селенія, въ коихъ число дворовъ не превышаетъ извѣстнаго minimum'а. Во всѣхъ же остальныхъ селеніяхъ онъ долженъ быть прогрессивнымъ, въ томъ смыслѣ, что окладъ его долженъ повышаться по мѣрѣ увеличенія числа дворовъ въ селеніи. Такой усадебный селенный сборъ можетъ быть введенъ, напримѣръ, въ формѣ распространенія на села и деревни нынѣ существующаго такъ называемаго «городского налога съ недвижимыхъ имуществъ», который и теперь взимается не только въ городахъ, но и въ посадахъ и мѣстечкахъ.

Таковой представляется мнѣ неизбѣжно намъ предстоящая финансовая политика по отношенію къ аграрному вопросу. Такая политика, думается, въ сравнительно непродолжительное время поведетъ къ дѣйствительному разселенію деревень и уничтоженію

черезполосицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она компетентной экспертизой Генеральныхъ Комиссій, провѣренной высшей правительственной и законодательной властью, будетъ признана сельскохозяйственнымъ зломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстности, гдѣ многодворныя поселенія и черезполосица не могутъ еще быть признаны такимъ безусловнымъ зломъ, окажутся далеко не единичными. Ясно, что на такія мѣстности и не должно распространяться взиманіе черезполоснаго налога и усадебнаго селеннаго сбора. Нельзя и въ томъ сомнѣваться, что намѣчаемые сборы только въ томъ случаѣ окажутся цѣлесообразными, если на ряду съ ними будетъ широко поставлено дѣло государственнаго содѣйствія какъ тому сверххуторскому населенію, которое придется поселять на новыхъ земляхъ, такъ и тѣмъ дворамъ, которые будутъ разселяемы въ предѣлахъ стараго надѣла.

Кромѣ упоминавшихся уже выше льготъ и ссудъ общаго характера, которыя придется щедро выдавать хуторянамъ, необходимы будутъ и специальныя ссуды: на устройство колодцевъ и иныхъ водоемовъ, устройство запрудъ и всякаго рода сооруженій по проведенію воды, на перенесеніе и новое устройство хозяйственныхъ построекъ, на пріобрѣтеніе живого и мертваго инвентаря, на проведеніе дорогъ и т. п. Часть этихъ работъ придется, можетъ быть, совершить не ссуднымъ порядкомъ, а непосредственной заботой Генеральныхъ Комиссій. Изъ всего этого видно, что нечего закрывать глазъ на предстоящія въ дѣлѣ разселенія трудности. Трудности эти будутъ очень велики, и дѣло потребуетъ очень большихъ средствъ. Но, во всякомъ случаѣ, затрата этихъ средствъ будетъ въ высшей степени производительна и быстро дастъ ощутительный и благотворный результатъ, чего нельзя сказать ни про существующія организаціи Переселенческаго управленія и Крестьянскаго банка, ни про другіе намѣчаемые нынѣ проекты землеустройства, о которыхъ пришлось столько говорить въ этихъ замѣткахъ. Выясняется и та важная и отвѣтственная роль, которая выпадетъ въ этомъ общенародномъ дѣлѣ на долю Уѣздныхъ и Генеральныхъ Комиссій, а поэтому многое зависитъ отъ того, какой имъ будетъ приданъ характеръ. Не на-

чиная еще дѣла, Комиссіи встрѣтятъ уже значительныя препятствія въ самомъ своемъ образованіи. Первымъ препятствіемъ явится недостаткомъ у насъ необходимаго для дѣятельности Комиссій техническаго персонала. У насъ, при нашихъ громадныхъ пространствахъ неразмежеванной земли, землемѣровъ гораздо меньше, чѣмъ въ маленькой Пруссіи, гдѣ почти уже завершено дѣло межеванія [1]). Едва ли можно признать обильнымъ и тотъ персоналъ агрономовъ, которымъ смогутъ располагать Комиссіи. Практическая сельскохозяйственная подготовка были всегда слабымъ мѣстомъ нашихъ агрономическихъ учебныхъ заведеній, а особенно о крестьянскомъ хозяйствѣ такіе ученые агрономы имѣютъ большею частью самое превратное понятіе. Вдали отъ послѣдняго, какъ это ни странно для земледѣльческаго государства, большею частью находятся и наши практическіе дѣятели права. Все это затрудняетъ исполненіе того въ высшей степени важнаго требованія, проходящаго красною нитью чрезъ все прусское законодательство по дѣламъ о землеустройствѣ, чтобы юристы Комиссій обладали бы въ то же время техническими и экономическими свѣдѣніями, а техники обладали бы свѣдѣніями и въ области права. Задача Комиссій осложняется у насъ и значительными противорѣчіями между правомъ межевымъ и общегражданскимъ, а особенно практикой нашихъ общихъ судебныхъ установленій. Эта несогласованность, это полное отчужденіе судебной практики отъ межевого закона, доходящее до діаметрально противоположныхъ взглядовъ по одному и тому же вопросу (напримѣръ о правѣ давности по отношенію къ межамъ генеральнымъ) ведетъ къ такому положенію, что общегражданскій судья чувствуетъ себя неловко во всякомъ дѣлѣ, такъ или иначе связанномъ съ межевыми или ситуаціонными вопросами, а межевой исполнитель совершенно чуждъ судебной практикѣ. Между тѣмъ во всякомъ земельномъ дѣлѣ обѣ стороны—ситуаціонно-межевая и гражданско-правовая—такъ неразрывно связаны другъ съ дру-

---

[1]) Этотъ вопросъ подробно, хотя и не безъ тенденціозности освѣщенія, изложенъ г. Ивероновымъ въ сборникѣ Аргарный вопросъ.

томъ, что требованіе объединенія ихъ въ одномъ трибуналѣ прямо подсказывается жизнью. И думается, что такимъ трибуналомъ именно и должны стать Уѣздныя и Генеральныя Комиссіи. Это создастъ для нихъ безспорно большое количество «дѣлъ», но именно эти дѣла отразятся какъ нельзя болѣе благотворно на остальной ихъ дѣятельности. Они дадутъ имъ «книги въ руки». Нечего уже говорить про то, какъ благотворно отразилась бы передача всѣхъ земельныхъ судебныхъ дѣлъ Комиссіямъ на хозяевахъ этихъ «дѣлъ». Что касается трудностей, которыя встрѣтятъ Комиссіи въ своемъ образованіи и дѣятельности, то онѣ устранимы постепенностью въ ихъ созданіи. Генеральныя Комиссіи могли бы первоначально быть учреждены въ одной или двухъ областяхъ, а уѣздные не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ данной области. Впослѣдствіи Комиссіи могли бы быть введены и въ остальныхъ уѣздахъ и въ другихъ областяхъ. Такая постепенность могла бы отразиться на трудахъ Комиссій только благотворно.

Дальнѣшія подробности организаціи и дѣятельности Генеральныхъ Комиссій будутъ разсмотрѣны въ заключительной главѣ. Теперь же коснемся вопроса о тѣхъ селеніяхъ, гдѣ ни широкая помощь и содѣйствіе Комиссій, ни финансовая система черезполоснаго налога и усадебнаго селеннаго сбора не приведутъ къ уничтоженію черезполосицы. Какъ надлежитъ поступать власти въ этихъ случаяхъ, которые всетаки необходимо предвидѣть? Хотя законъ 14 декабря 1893 г. и предоставилъ крестьянамъ, съ извѣстными ограниченіями, право продажи земли «цѣлыми обществами», но это правоопредѣленіе надо признать находящимся въ противорѣчіи съ основной сущностью надѣльнаго владѣнія, какъ цѣлевого имущества. Поэтому вопросъ о пріобрѣтеніи Государственнымъ фондомъ, хотя бы по свободному соглашенію, такихъ надѣльнихъ земель, по которымъ не состоялось приговора о размежеваніи, слѣдуетъ рѣшить отрицательно. Я не говорю уже о «выкупѣ», «принудительномъ отчужденіи» и т. п. героическихъ средствахъ произвола. Отчужденіе даннаго надѣльнаго плана, или частей его, отъ общины должно происходить толь-

ко въ порядкѣ добровольнаго замѣна другимъ планомъ, по сосѣдству или въ отдаленіи, который и распредѣляется, по приговору, на хуторскіе участки.

До сихъ поръ, говоря о разселеніи деревень и разверстаніи надѣла въ отрубные хутора, а также и ранѣе—въ вопросѣ о тягловомъ надѣлѣ, мы имѣли въ виду исключительно земли общиннаго владѣнія. Но, какъ не разъ уже упоминалось, всѣми дефектами нашего общиннаго землепользованія въ одинаковой, если не большей, мѣрѣ страдаетъ и наше владѣніе подворное. Какъ же разрѣшается при послѣднемъ вопросъ о переходѣ къ тягловому надѣлу и о разверстаніи надѣловъ? По первому вопросу нельзя не согласиться съ Д. П. Семеновымъ, что существующіе и при подворномъ владѣніи сельскіе сходы съ весьма широкой компетенціей не лишены права составлять приговоры о переходѣ къ тягловому надѣлу, подобно тому, какъ неоднократно составлялись этими сходами приговоры о переходѣ къ общинному владѣнію и о коренныхъ передѣлахъ. Въ этомъ отношеніи сходы подворныхъ владѣльцевъ имѣютъ только то отличіе отъ сходовъ общинныхъ, что постановленіе первыхъ должно быть единогласное; для вторыхъ же достаточно усиленнаго большинства. Но Д. П. Семеновъ идетъ далѣе и, думается, вступаетъ на скользкій путь, предлагая, въ случаѣ отсутствія единогласія, предоставить большинству подворныхъ владѣльцевъ право отведенія надѣловъ меньшинству къ одному мѣсту, либо право экспропріаціи надѣловъ меньшинства. Такая экспропріація, думается, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ экспропріаціи гг. Мануилова и Герценштейна, и можно только удивляться тому, какъ подобныя строки могли проскользнуть въ столь добросовѣстномъ и вдумчивомъ трудѣ, какимъ является во всѣхъ отношеніяхъ трудъ почтеннаго автора. Права подворныхъ владѣльцевъ суть ихъ пріобрѣтенныя права, и потому должны оставаться неприкосновенными. Можно бы еще говорить о правѣ иска communi dividundo каждаго подворнаго владѣльца къ остальнымъ. Но едва ли правильна и такая конструкція, ибо подворный владѣлецъ имѣетъ право не на идеальную, какъ въ общемъ владѣніи, а на вполнѣ реальную и опредѣленную

часть даннаго плана, которою не обязанъ поступаться ни въ чью пользу. И это тѣмъ болѣе правильно потому, что намѣчаемая Д. П. Семеновымъ пертурбація подворнаго вдладѣнія есть пертурбація не только тѣхъ или иныхъ территоріальныхъ площадей, но и самаго права на эти площади, ибо планъ Д. П. Семенова преслѣдуетъ въ частности цѣль уравненія пользованія, которое при подворномъ владѣніи, естественно, сдѣлалось неуравнительнымъ. Указанныя соображенія отнюдь не препятствуютъ подворнымъ владѣльцамъ входить во всеобщія единогласныя соглашенія о передѣлѣ земли на уравнительныя тягла, взаимно и добровольно установивъ тѣ или иные эквиваленты въ пользу владѣльцевъ, отъ которыхъ, при новомъ распредѣленіи, отойдетъ часть земли. Нечего добавлять, насколько облегчитъ и ускоритъ подобныя соглашенія, на ряду съ системой правительственныхъ льготъ и ссудъ, дѣятельность Генеральныхъ Комиссій по переселенію части подворныхъ владѣльцевъ на новыя мѣста, а также и въ формѣ, во многихъ случаяхъ, возможнаго расширенія даннаго надѣльнаго плана путемъ добавленія земли изъ сосѣднихъ участковъ Государственнаго земельнаго фонда.

Такова единственно-возможная постановка вопроса о переходѣ подворнаго владѣнія къ тягловому надѣлу. Но, и помимо такого перехода, подворно-черезполосное владѣніе можетъ превратиться и непосредственно въ отрубное. Спорнымъ является только вопросъ о недробимости и неотчуждаемости такихъ возникшихъ изъ подворнаго владѣнія хуторовъ. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что рѣзкое разграниченіе подворнаго владѣнія отъ общиннаго едва ли правильно, ибо внутреннія сущности того и другого объединяются вполнѣ цѣлью этихъ владѣній, которая одинакова у обоихъ, заключаясь въ обезпеченіи навсегда быта крестьянъ надѣльною землею. Въ частности по вопросу о неотчуждаемости законъ 1893 года не дѣлаетъ различія между общиннымъ и подворнымъ владѣніемъ. Съ этой стороны возможно поэтому, казалось бы, установить, что въ случаѣ разверстанія черезполосныхъ участковъ подворнаго владѣнія въ отрубные хутора, послѣдніе не должны подлежать свободному отчужденію въ постороннія

руки, обращаясь въ предѣлахъ даннаго лишь общества. Но этотъ выводъ не даетъ еще основанія къ установленію недробимости, единонаслѣдія и неотчуждаемости подобнаго хутора отъ данной семьи — свойствъ, составляющихъ принадлежность семейно-наслѣдственнаго хутора. Поэтому едва ли не правильнѣе будетъ мнѣніе, что изъ подворнаго владѣнія можетъ выработаться типъ хутора, нѣсколько отличный отъ того, который образуется изъ развитія общиннаго права. Отличіе подворнаго хутора отъ общиннаго заключается въ томъ, что первый, въ противоположность второму, не заключенъ въ опредѣленные территоріальные предѣлы между извѣстнымъ минимумомъ и максимумомъ и, во вторыхъ, подлежитъ свободному отчужденію какъ въ части, такъ и въ цѣломъ, въ предѣлахъ членовъ даннаго общества. Само собою разумѣется, что выраженное въ приговорѣ добровольное взаимное согласіе всѣхъ членовъ даннаго общества подворныхъ владѣльцевъ можетъ установить разверстаніе надѣльной площади и на семейно-наслѣдственные недробимые хутора. Могучее содѣйствіе такимъ приговорамъ могутъ оказать тѣ же самые черезполосный налогъ и усадебный селенный сборъ, въ связи съ дѣятельностью Генеральныхъ Комиссій, о чемъ было уже говорено при разсмотрѣніи перехода общиннаго владѣнія къ отрубному хутору.

Въ заключеніе этого очерка основныхъ вопросовъ отрубного владѣнія, слѣдуетъ упомянуть о мнѣніи, что послѣднее можетъ осуществиться лишь въ концѣ длительнаго процесса, первымъ этапомъ коего должно быть укрѣпленіе черезполосныхъ участковъ общиннаго землевладѣнія въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ. «Міровой опытъ доказалъ», говоритъ сторонникъ этого взгляда г. Д. Пестржецкій въ № 10709 «Новаго Времени», «что личная, а не общинная собственность есть непремѣнное условіе прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ. Для отдѣльнаго крестьянина важно укрѣпить за собою на правѣ личной собственности часть надѣла даже въ черезполосности, а не только въ отрубномъ участкѣ». Однако мы уже видѣли, что закрѣплять черезполосность въ личную собственность — это именно и значитъ отдалять на

цѣлые вѣка ея разверстаніе въ отрубные хутора. Между тѣмъ въ настоящее время такое разверстаніе, какъ мы видѣли, вполнѣ возможно, помимо введенія неограниченной частной собственности. И такъ какъ наше сельскохозяйственное зло вовсе не въ общинности владѣнія, а именно въ его черезполосности, то нельзя ни на минуту задумываться, чтобы предпочесть путь непосредственной борьбы съ черезполосностью, не начиная гадательной азартной игры съ частной собственностью, которая еще неизвѣстно куда насъ приведетъ и, во всякомъ случаѣ, на долгіе года отдалитъ осуществленіе отрубного хутора.

Въ правильности такого взгляда лучше всего убѣждаютъ, въ частности, тѣ свѣдѣнія изъ «мірового опыта», которыя приводитъ самъ г. Пестржецкій. Онъ совершенно справедливо указываетъ на то, что ходъ аграрнаго развитія во Франціи, Германіи, Голландіи и Бельгіи заключался въ закрѣпленіи территоріальныхъ парцеллъ въ личную собственность, и только впослѣдствіи наступило разверстаніе этихъ черезполосныхъ парцеллъ въ отрубные участки. Такъ во Франціи въ 1513 г. 583 304 владѣнія были разбиты на 5 989 374 парцеллы, т. е. въ среднемъ на владѣніе приходилось 13,5 черезполосныхъ участковъ. А въ 1884 г. въ 2 265 подвергшихся кадастру общинахъ состояло 813180 владѣльцевъ, которымъ принадлежало 8 068 409 черезполосныхъ участка, т. е. по 9,9 парцеллы на владѣніе. Но какой же, спрашивается, возможенъ иной выводъ изъ этихъ цифръ, кромѣ того, что именно установленная ст. 647 и 648 Code Civil частная собственность на общинныя земли и задержала разверстаніе черезполосицы въ отрубные участки? Поэтому нельзя не придти къ заключенію, что, помимо того, что частная собственность сама по себѣ является, какъ мы видѣли, весьма сомнительнымъ идеаломъ мелкаго землевладѣнія въ современныхъ русскихъ условіяхъ, она едва ли пригодна и какъ средство аргарнаго переустройства. Въ послѣднемъ отношеніи неизмѣримо пригоднѣе разсмотрѣнныя нами формы тягла и его естественнаго завершенія—отрубного семейно-наслѣдственнаго недробимаго хутора. Но эти формы, соединяя въ себѣ всѣ преимущества индивидуальной собственности и будучи

свободны отъ ея недостатковъ, и сами по себѣ наиболѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ аграрнаго переустройства въ современныхъ русскихъ условіяхъ. Такимъ образомъ намъ совершенно нечего повторять въ точной копіи путь западно-европейскаго аграрнаго развитія. Намъ надо, наоборотъ, пользуясь указаніями «мірового опыта», итти своимъ собственнымъ путемъ, тѣмъ намѣченнымъ въ этихъ запискахъ путемъ, который подсказывается намъ всей обстановкой нашей сельской жизни и представляетъ собою ея органическое развитіе.

VII.

МАЛОЗЕМЕЛЬЕ И ПОТРЕБНОСТЬ ВЪ ЗЕМЛѢ.

Бѣдственное состояніе современной разработки деревенскихъ вопросовъ и причины этого явленія.—Неопредѣленность понятія малоземелья и его смѣшеніе съ понятіями уменьшенія размѣровъ хозяйства, пероста земледѣльческаго населенія и измельчанія полевыхъ полосъ. — Относительность понятія малоземелья и вытекающая изъ нея непригодность этого понятія для цѣлей аграрной реформы.—Неправильность отождествленія малоземелья съ потребностью населенія въ землѣ.—Обозрѣніе факторовъ, обусловливающихъ потребность населенія въ землѣ и вытекающія изъ него территоріальныя раздѣленія.

Во II в. до Р. Х. Кай и Тиверій Гракхи провели, въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія общественныхъ земель, законъ о раздѣлѣ между бѣднѣйшими гражданами всѣхъ владѣній, имѣвшихъ свыше 500 югеровъ (приблизительно 100 дес.). Однако и эта вторая уже въ Римѣ попытка радикальнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, подобно первой, выразившейся въ Лициніевыхъ законахъ, окончилась полной неудачей: земля очень быстро сосредоточилась вновь въ рукахъ немногихъ. И въ концѣ концовъ, отправляясь отъ понятія справеливости и имѣя въ виду благую цѣль созданія крѣпкаго и обезпеченнаго свободнаго крестьянства, Римское государство окончило латифундіями, которыя perdidere Italiam.

А все, казалось бы, облегчало въ условіяхъ древне-римской жизни, сравнительно съ нашими, осуществленіе мысли о равно-

мѣрномъ распредѣленіи земли между всѣмъ населеніемъ: и фактическая, вслѣдствіе постоянныхъ завоеваній, безпредѣльность земельнаго фонда, и сравнительная малочисленность лицъ, имѣвшихъ право римскаго гражданства, и простота общественнаго быта, и независимость примитивнаго хозяйства, при полномъ отсутствіи капиталистическихъ формъ производства и современнаго техническаго прогресса. Облегчалъ осуществленіе реформы и климатъ Италіи, допускающій широкое разнообразіе земледѣльческихъ культуръ и быструю ихъ интенсификацію.

Этотъ стародавній примѣръ, указывающій на сравнительную ограниченность государственнаго полновластія въ устроеніи общественно-хозяйственныхъ отношеній, не мѣшаетъ помнить при начертаніи проектовъ землеустройства. Пытаясь длинными рядами весьма не безспорныхъ, выражаясь эвфемически, цифръ придать вопросу «государственное освѣщеніе», эти выросшіе въ послѣдніе дни, какъ грибы послѣ дождя, проекты руководятся на самомъ дѣлѣ побужденіями, близкими къ метафизическимъ, вызывая въ памяти мнѣніе Фридриха Великаго, говорившаго, что если бы онъ хотѣлъ наказать провинцію, то отдалъ бы ее въ управленіе философамъ. Подъ видомъ научнаго разсужденія, проекты реформъ преподносятъ, какъ мы видѣли, чистѣйшій плодъ порою весьма искренне прочувствованныхъ, но совершенно не провѣренныхъ критически впечатлѣній и настроеній, породившихъ въ наши дни цѣлый новый видъ поэтической лирики—въ формѣ объективнаго изслѣдованія. Я не говорю уже о томъ, что подъ видомъ аграрной реформы нерѣдко стремятся къ совершенно постороннимъ, чисто партійнымъ политическимъ цѣлямъ. Таково печальное положеніе современной разработки вопросовъ землеустройства.

Если вглядѣться пристально въ условія нашей общественной жизни, то станетъ ясно, что инымъ и быть не можетъ это положеніе въ странѣ, гдѣ фактическая монополія творческой мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вдохновленіе и осуществленіе внутренняго государственнаго управленія принадлежитъ не тѣмъ, крѣпкимъ землѣ и промыслу классамъ, которые оплачиваютъ государствен-

ный бюджетъ и лучше всего освѣдомлены о нуждахъ страны, какъ того требовалъ бы естественный порядокъ вещей, а людямъ пришлымъ и бездомнымъ, людямъ, менѣе всего освѣдомленнымъ въ томъ дѣлѣ, которое они вершатъ, людямъ исключительно канцеляріи, каѳедры и кабинета, людямъ, которымъ нечего терять, но можно только выиграть съ разрушеніемъ историческаго уклада гражданскихъ отношеній. Какое имъ дѣло до исторіи, до десятковъ милліоновъ русскаго крестьянства, до позора и голодной смерти, къ которымъ они давно уже ведутъ русскій народъ, а теперь дѣлаютъ въ этомъ отношеніи послѣднее усиліе заговоромъ дополнительнаго надѣла. Этими людьми предопредѣлено то трагическое для народнаго блага направленіе, которое неибѣжно приметъ аграрное законодательство, если изъ среды положительныхъ тяглыхъ и осѣдлыхъ силъ общества, изъ среды людей земли и промысла, не послѣдуетъ столь же серьезнаго, сколько и горячаго протеста противъ лукавихъ и безпочвенныхъ измышленій правящей интеллигеніци.

Какъ, согласно пословицѣ, изъ-за деревьевъ часто не бываетъ видно лѣса, такъ и изслѣдователи аргарныхъ отношеній, а вмѣстѣ съ ними и общество и правительственная власть выхватываютъ обыкновенно какія-нибудь отдѣльныя черты этихъ отношеній. На этихъ-то, часто совершенно маловажныхъ, чисто мѣстныхъ чертахъ, и раздувая безъ всякой мѣры ихъ значеніе, и пытаются строить изслѣдователи самые широковѣщательные и смѣлые общегосударственные проекты, совершенно забывая о другихъ болѣе существенныхъ сторонахъ дѣла и всей совокупности явленій, входящихъ въ составъ организма народно-хозяйственной жизни.

Въ результатѣ такой односторонней, близорукой и случайной разработки вопроса получается, что, на ряду съ самыми ясными и несомнѣнными требованіями экономической жизни, вводятся въ кругъ пожеланій общества самыя спорныя, самыя сбивчивыя и неясныя, противорѣчащія фактамъ теоріи и самыя опасныя вожделѣнія, о которыхъ приходится только молить Господа Бога, чтобы миновало наше отечество чаша сія.

Говорятъ, что земледѣльцу надо облегчить возможность получить нужную ему землю; что положеніе народа тягостно, что народъ жаждетъ земли: золотыя, брилліантовыя слова, если они приняты въ своемъ истинномъ значеніи. Но тѣ же слова обращаются въ словеса лукавствія, если они осложнены апелляціей на чью-то несправедливость, если, на ряду съ необходимостью удовлетворенія потребности въ землѣ, голословно устанавливаются, въ качествѣ діагноза общей болѣзни, внѣшніе, спорные и совершенно второстепенные мѣстные признаки, какъ, напр., крестьянское малоземелье, и намѣчается еще болѣе спорная и случайная фармокопея подъема крестьянскаго хозяйства въ видѣ проекта принудительнаго отчужденія казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель съ цѣлью дополнительнаго надѣленія этими землями крестьянскихъ обществъ или отдѣльныхъ крестьянъ.

Не оспаривая возможности и необходимости многихъ законодательныхъ мѣръ въ дѣлѣ лучшаго устроенія современныхъ поземельныхъ отношеній, мы считаемъ, что результатъ ихъ въ томъ только случаѣ будетъ благотворенъ, если мѣры эти, исходя изъ правильнаго понятія о народномъ благѣ, будутъ имѣть подъ собою прочное основаніе твердо установленныхъ фактовъ народной жизни. Между тѣмъ, даже въ смыслѣ собранія матеріаловъ для разрѣшенія деревенскихъ вопросовъ, собрано не то, что̀ нужно, и то, что̀ собрано, собрано крайне несовершенно. Кто собралъ всю эту статистику, которой намъ слишкомъ часто пытаются доказать, что черное есть бѣлое? Кому неизвѣстно то неземское, интеллигентно-бюрократическое направленіе, порой чисто революціонное, въ которомъ велась вся статистическая работа земства,—земства, совершенно запруженнаго и обезсиленнаго третьимъ элементомъ,—земства, въ которомъ осталось земскаго одно названіе? Не то же ли чуждое интересамъ земли направленіе характеризовало и труды уѣздныхъ комитетовъ,—этихъ непосредственныхъ предшественниковъ революціи? Не тѣми ли же бюрократическо-интеллигентными чертами отмѣчена и наша министерская статистика? А развѣ возвышаются надъ ней каѳедры нашихъ дипломодательныхъ заведеній? Что же

сказать о выводахъ изслѣдователей? Какіе же могутъ быть сдѣланы выводы на основаніи такого матеріала?

Судьба государственнаго аграрнаго законодательства будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, что̀ будетъ принято за исходную точку, за основаніе назрѣвающихъ государственныхъ мѣръ. Въ настоящихъ замѣткахъ не разъ уже было указано, что такой исходной точкой, такимъ основаніемъ аграрной реформы не можетъ быть признанъ второстепенный и внѣшній, не имѣющій хозяйственнаго значенія, признакъ «малоземелья». Не разъ указывалось уже, что изслѣдователи смѣшиваютъ съ малоземельемъ цѣлый рядъ самыхъ разнородныхъ понятій, что «малоземелье» изслѣдованій не есть ясное, опредѣленное и всегда себѣ равное понятіе, а нѣчто захватывающее то бо̀льшій, то меньшій, то одинъ, то другой кругъ явленій; что это понятіе крайне запутанное и несовершенное съ логической стороны и до того неопредѣленное, что заслуживаетъ, въ полномъ смыслѣ слова, названія пустого мѣста. Но въ виду того, что это безформенное понятіе рискуетъ сыграть крупную трагическую роль въ дѣлахъ земельнаго устроенія нашей родины и отчасти уже играетъ ее, не лишнимъ является сгруппировать разсѣянныя по этому поводу въ настоящей работѣ замѣчанія.

Подъ малоземельемъ одновременно разумѣется и душевое землеобезпеченіе и территоріальный размѣръ хозяйства, между тѣмъ какъ понятія эти различны и не совпадаютъ. При малоземельи душевомъ количество земли, приходящееся на дворъ, можетъ быть значительно, и это послѣднее количество можетъ быть явно недостаточно для веденія самостоятельнаго хозяйства при высокомъ даже въ данной мѣстности землеобезпеченіи душевомъ. Но эти два основныхъ понятія малоземелья,—съ одной стороны душевого, а съ другой дворового,—осложняются тѣмъ, что въ пользованіи крестьянъ находятся земли трехъ категорій: надѣльныя, купчія и арендныя. Такимъ образомъ надѣльное малоземелье, и душевое, и дворовое—можетъ превратиться въ многоземелье, если принять во вниманіе купчія земли. Но оно можетъ остаться и малоземельемъ, которое въ такомъ случаѣ будетъ на-

дѣльно-купчимъ-душевымъ или надѣльно-купчимъ-дворовымъ. Но и послѣднія могутъ быть обратиться въ многоземелье, если приняты во вниманіе земли арендныя. Въ противномъ же случаѣ получаются два новыхъ понятія: малоземелье надѣльно-арендно-купчее душевое и малоземелье надѣльно-арендно-купчее дворовое. Но мыслимо, съ другой стороны, и малоземелье арендное, при многоземельи надѣльномъ, и многоземелье арендно-купчее (дворовое или душевое)—при малоземельи надѣльномъ; мыслимо и малоземелье купчее при многоземельи надѣльно-арендномъ (дворовомъ или душевомъ). Изъ указанныхъ сопоставленій уже ясно, что такихъ комбинацій можетъ получиться безчисленное количество, и всѣ они подойдутъ подъ понятіе малоземелья. Получается какая-то таинственная абракадабра, какая-то алгебраическая теорія сочетаній, которой хотятъ придать значеніе экономическаго изслѣдованія.

Но этимъ, къ сожалѣнію, не ограничивается путаница вокругъ да около понятія малоземелья. Лежащее въ центрѣ этого понятія понятіе измельчанія надѣловъ смѣшивается и отождествляется изслѣдователями съ понятіемъ земельной тѣсноты, т. е. перероста земледѣльческаго населенія. Это понятіе имѣетъ безспорно экономическое значеніе, но современное изслѣдованіе, какъ было уже указано, безсильно разобраться въ этомъ вопросѣ при господствѣ душевого надѣла. Аппаратъ для опредѣленія перероста населенія заключается въ тягловомъ распредѣленіи, дающемъ органическій, связанный съ даннымъ надѣльнымъ планомъ и всѣми мѣстными условіями, размѣръ надѣла. Поэтому о переростѣ населенія можно въ настоящее время, при отсутствіи въ громадномъ большинствѣ мѣстностей тяглового распредѣленія, только гадать, но не разсуждать. Связывая же вопросъ о переростѣ земледѣльческаго населенія съ душевымъ малоземельемъ, изслѣдователи не только не разъясняютъ, но еще больше запутываютъ вопросъ, отклоняя его съ правильнаго пути — возвращенія къ тягловому надѣлу.

Смѣшиваются съ душевымъ или дворовымъ малоземельемъ еще и иныя понятія, какъ, напр., вопросъ объ измельчаніи полевыхъ

полосъ. Между тѣмъ и у многоземельныхъ дворовъ полосы могутъ быть измельченныя, и у малоземельныхъ могутъ быть широкія. Измельчаніе полосъ, какъ мы видѣли, есть неизбѣжный результатъ черезполосности и душевого надѣла и находится подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, но это явленіе не стоитъ ровно ни въ какомъ соотношеніи съ коэффиціентомъ надѣла. Къ тому же и въ самомъ измельчаніи полосъ надо различать два понятія: техническое и экономическое. Полоса можетъ быть такъ узка, что дѣлаетъ обработку физически невозможной. Но и при большемъ размѣрѣ ея обработка можетъ быть экономически невыгодна, поглощая весь доходъ дальностью разстоянія. Оба эти понятія не имѣютъ ничего общаго съ малоземельемъ.

Путаница малоземелья идетъ еще дальше: то выдвигается абсолютное, безотносительно почвы, системы хозяйства и другихъ мѣстныхъ условій, малоземелье, то разумѣется подъ нимъ неудовлетворительность соотношенія количества земли къ другимъ факторамъ производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такъ въ первомъ смыслѣ въ однихъ случаяхъ малоземельными оказываются крестьяне, получившіе въ 1861 году «не свыше высшаго или указного надѣла», а въ другихъ случаяхъ тѣ, душевая норма коихъ болѣе или менѣе отклоняется отъ современной средней. Какъ мы видѣли, въ этомъ абсолютномъ смыслѣ малоземелья и намѣчается разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Но такъ какъ такое приданіе абсолютнаго значенія коэффиціенту обезпеченія землею явно безсмысленно, то мотивировка дополнительнаго надѣла часто сходитъ съ почвы абсолютнаго малоземелья на малоземелье относительное, при чемъ упускается изъ виду, что разработка вопроса въ этомъ направленіи ведетъ къ совершенно инымъ послѣдствіямъ. Такъ въ настоящихъ замѣткахъ указывалось, что двѣ десятины минскихъ песковъ неравны двумъ десятинамъ подольскаго чернозема; что двѣ или три десятины при курскомъ трехпольѣ больше 5 или 7 десятинъ при самарскомъ залежномъ хозяйствѣ; что бытъ туркестанскихъ туземцевъ лучше обезпеченъ небольшимъ количествомъ принадлежащей имъ земли, чѣмъ бытъ живущихъ среди нихъ русскихъ переселенцевъ при впятеро боль-

шемъ надѣлѣ; что развитіе въ мѣстности сельскихъ промысловъ уменьшаетъ значеніе земли, какъ единственнаго источника пропитанія; что близость городовъ и развитіе фабричной промышленности увеличиваетъ доходность крестьянскаго хозяйства при той же площади; что развитіе въ мѣстности частновладѣльческаго хозяйства съ избыткомъ восполняетъ недостатокъ земли у крестьянъ; что таково же значеніе отхожихъ заработковъ населенія.

Но неопредѣленность и безплодность понятія малоземелья въ вопросахъ русскаго землеустройства не ограничивается указанными чертами. Съ малоземельемъ, какъ было уже не разъ замѣчено, отождествляется очень часто потребность крестьянъ въ землѣ. Но дѣло въ томъ, что если эти явленія иногда въ конкретныхъ случаяхъ и совпадаютъ, то ни изслѣдователь, ни законодатель не могутъ и не должны удовлетворяться подобными единичными фактическими совпаденіями. Они должны проникать въ глубь явленій экономической жизни и очищать, отслаивать логическія понятія отъ тѣхъ случайно-амальгамированныхъ съ ними примѣсей, въ смѣшеніи съ которыми явленіе можетъ встрѣчаться въ разнообразныхъ конкретныхъ случаяхъ. Безъ такой аналитической работы законодатель и политикъ будутъ безсильны и въ государственномъ синтезѣ. Мѣры, ими принимаемыя, будучи полезными въ одномъ случаѣ, окажутся вредными въ десяти другихъ. Такому законодателю ничего другого не останется, кромѣ неблагодарной работы безпрестанно издаваемыхъ, отмѣняемыхъ, дополняемыхъ и измѣняемыхъ законоположеній, чему уже бывали примѣры.

Къ подобнаго рода амальгамированнымъ понятіямъ принадлежатъ и понятія малоземелья и потребности населенія въ землѣ. Совпадая иногда съ малоземельемъ, потребность въ землѣ имѣетъ особое самостоятельное бытіе. Между обоими понятіями нельзя поставить знака равенства. Поэтому законодателю, если онъ хочетъ видѣть добрые плоды трудовъ своихъ, слѣдуетъ прежде всего ясно установить исходную точку и основаніе проектируемыхъ мѣръ: должно ли быть этимъ основаніемъ врачеваніе малоземелья или удовлетвореніе потребности въ землѣ. Надо ли облегчить до-

ступъ къ землѣ тѣмъ, у кого ея мало, или тѣмъ, кому она нужна. Всякій житель деревни знаетъ, что не всѣ малоземельные нуждаются въ землѣ; что не всѣмъ многоземельнымъ достаточно той земли, которую они имѣютъ въ своемъ пользованіи. Порой крестьяне, имѣющіе сравнительно много земли, нуждаются въ землѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ снабженные землей въ меньшемъ количествѣ. Эта различная степень потребности въ землѣ, совершенно не зависящая отъ той или иной величины душевого надѣла, обусловливается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всей совокупностью разнообразныхъ условій хозяйственной жизни двора.

Представимъ себѣ, что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ въ одномъ на мужскую душу приходится земли болѣе, а въ другомъ менѣе. Значитъ ли это, что послѣдній безусловно болѣе нуждается въ землѣ? Никоимъ образомъ. Если многоземельный дворъ есть въ то же время дворъ семьянистый, то, во-первыхъ, всякая случайность болѣзни, отлучки, ареста, призыва къ исполненію воинской повинности и т. п. ляжетъ болѣе тяжелымъ гнетомъ именно на второй—малоземельный дворъ, а не на первый—многоземельный; поэтому многоземельный дворъ менѣе стѣсненъ и парализованъ въ расширеніи хозяйственной иниціативы, неизбѣжно связанной съ увеличеніемъ площади землепользованія. А если это такъ, то онъ ощущаетъ живѣе потребность въ землѣ. Въ частности, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ жнутъ, а не косятъ, будетъ сильнѣе ощущать потребность въ землѣ тотъ дворъ, въ которомъ болѣе замѣтно преобладаетъ женское населеніе. При недостаткѣ женщинъ, какъ бы ни достижима была въ другихъ отношеніяхъ возможность расширенія запашки, двору придется отъ нея отказаться и отчуждать на сторону непропорціональныя съ женскими излишнія мужскія силы путемъ найма по сосѣдству въ работники или ухода на заработки. Потребность въ землѣ, какъ мы видѣли, можетъ въ значительной степени обусловливаться наличностью мѣстнаго обычая ухода на заработки или наличностью на мѣстѣ спроса на рабочія руки въ частновладѣльческихъ экономіяхъ. Эта потребность будетъ, очевидно, больше въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ

значительнаго спроса на рабочія руки и не распространены отхожіе промыслы. При равномъ обезпеченіи надѣльной землей изъ двухъ дворовъ будетъ имѣть большую потребность въ землѣ дворъ со значительнымъ количествомъ скота, особенно на тощихъ почвахъ. Развитіе же скотоводства, въ свою очередь, можетъ обусловливаться арендой луговъ на сторонѣ, каковой аренды можетъ быть лишенъ малоземельный дворъ.

Въ такомъ случаѣ послѣдній будетъ имѣть меньшую потребность въ землѣ. Но можетъ быть и наоборотъ. Арендуя луга, малоземельный дворъ имѣетъ большую потребность въ землѣ, сравнительно съ многоземельнымъ, не арендующимъ таковыхъ. Но и малоземельный въ отношеніи надѣльной земли дворъ можетъ быть, благодаря землѣ купчей или арендной, гораздо лучше обезпеченнымъ землей, чѣмъ дворъ, болѣе его многоземельный въ отношеніи надѣльной земли. И такъ далѣе—во всевозможныхъ сочетаніяхъ и переложеніяхъ. Но какъ бы ни были до безконечности разнообразны отдѣльные случаи крестьянскаго хозяйства, всѣ они даютъ одинъ вполнѣ достовѣрный выводъ. И это тотъ же самый выводъ, который полученъ нами и ранѣе, т. е., что потребность даннаго двора въ землѣ не вытекаетъ изъ размѣра душевого надѣльнаго обезпеченія, а составляетъ произведеніе самымъ разнообразнымъ образомъ сочетающихся экономическихъ условій этого двора.

Въ зависимости отъ семейнаго состава, отъ возрастнаго и полового распредѣленія населенія, въ зависимости отъ случайныхъ даже различій физической крѣпости и здоровья, бо́льшаго или меньшаго распространенія алкоголизма и сифилиса, въ зависимости отъ почвы, естественнаго распредѣленія земли между различнаго рода сельскохозяйственными угодьями, характера и числа мѣстныхъ частновладѣльческихъ экономій, цѣлыя деревни и села при высшемъ надѣльномъ обезпеченіи землей могутъ болѣе нуждаться въ землѣ, чѣмъ другія при обезпеченіи низшемъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же факторовъ и другихъ имъ подобныхъ, какъ, напримѣръ, наличности рельсовыхъ путей, фабрикъ и заводовъ, близости городовъ и т. п., могутъ болѣе или менѣе нуждаться въ землѣ цѣ-

лыя мѣстности, совершенно независимо отъ бо̀льшей или меньшей степени надѣльнаго малоземелья и внѣ какого-либо отношенія современной величины населенія къ нормѣ надѣленія 1861 года.

Ближайшее общее опредѣленіе разнообразныхъ условій хозяйственной жизни крестьянъ въ отношеніи потребности ихъ въ землѣ, освѣтивъ этотъ въ высшей степени важный вопросъ хозяйственнаго устроенія крестьянскаго населенія, явилось бы цѣннымъ вкладомъ въ литературу вопроса о землеустройствѣ. Не претендуя на подобное общее опредѣленіе, я сдѣлаю все-таки попытку логическаго обозрѣнія факторовъ, обусловливающихъ земельную потребность.

Во-первыхъ, возможна постановка вопроса о нѣкоторомъ территоріальномъ раздѣленіи Россіи въ отношеніи потребности населенія въ землѣ. Надо думать, что потребность эта должна сильнѣе ощущаться въ мѣстностяхъ съ болѣе мягкимъ климатомъ, съ болѣе короткой зимой, т. е., въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, на ряду съ большимъ разнообразіемъ культуръ, земледѣліе, въ силу климатическихъ условій, способно занять большее количество времени земледѣльца. Съ этой точки зрѣнія само собой напрашивается противоположеніе сѣверо-восточныхъ областей Россіи юго-западнымъ. На юго-западѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, потребность въ землѣ, въ силу указанныхъ естественныхъ причинъ, всегда была и будетъ болѣе живой и естественной потребностью, чѣмъ на сѣверо-востокѣ. Въ частности въ пользу правильности этого основного раздѣленія свидѣтельствуютъ и свѣдѣнія объ урожайности различныхъ мѣстностей Россіи. Наши изохименныя линіи суть въ то же время приблизительно линіи раздѣла большей или меньшей урожайности, и, очевидно, если государство поставитъ своей задачей удовлетвореніе въ той или другой формѣ потребности населенія въ землѣ, то оно должно удовлетворить эту потребность прежде всего и главнымъ образомъ землей урожайной. Потребность въ землѣ есть, очевидно, потребность въ землѣ урожайной. Государство должно руководиться не той жаждой населенія въ землѣ, о которой кричатъ теперь на площадяхъ и съ каѳедръ, и которая во многихъ случаяхъ есть не болѣе, какъ исто-

рическое переживаніе, а очищенными отъ инстинктивныхъ стремленій соображеніями разума, ибо инстинктъ, правильный въ однихъ случаяхъ, можетъ быть въ другихъ неправильнымъ. Великій актъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти былъ въ то же время актомъ прикрѣпощенія крестьянъ къ землѣ. Возможно, что это прикрѣпощеніе было неизбѣжно въ 1861 г.—при полномъ отсутствіи рельсовыхъ путей и преобладаніи натуральныхъ формъ хозяйства. Но въ настоящее время, съ развитіемъ промышленности, занимающей населеніе круглый годъ, и съ проведеніемъ рельсовыхъ путей, сдѣлавшихъ привозный хлѣбъ дешевле мѣстнаго, это прикрѣпощеніе, несомнѣнно, потеряло всякое основаніе, по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ земля скудно оплачиваетъ трудъ земледѣльца. Во многихъ мѣстностяхъ хозяйственныя условія сложились бы къ нашему времени неизмѣримо благопріятнѣе для населенія, если бы въ свое время въ нихъ не было произведено «надѣленія». И если въ такихъ мѣстностяхъ было бы возможно въ настоящее время подымать рѣчь объ отчужденіи нѣкоторыхъ земель, то скорѣе можно говорить объ отчужденіи крестьянскихъ земель въ пользу частнаго или казеннаго владѣнія, чѣмъ о выкупѣ частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ. И это по той простой причинѣ, что пользы-то эти земли и не принесутъ крестьянамъ, не отвѣчая живой съ ихъ стороны потребности. Ликвидація и даже малѣйшее уменьшеніе частновладѣльческаго хозяйства пустили бы здѣсь крестьянъ буквально по міру и непосредственно, лишивъ, напримѣръ, огромныхъ лѣсныхъ заработковъ и косвенно черезъ стѣсненіе промышленности, обусловленной отчасти, напримѣръ въ вопросѣ топлива, именно крупнымъ землевладѣніемъ. Совокупностью изложенныхъ признаковъ характеризуются нѣкоторыя мѣстности въ губерніяхъ Петербургской, Московской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Новгородской, Костромской, Вологодской, Вятской, Пермской и отчасти Казанской и Нижегородской, Уфимской, Калужской, Смоленской, Витебской, Псковской, Рязанской, Тамбовской. Къ этому же раіону слѣдуетъ отнести классическую страну недорода хлѣбовъ, т. е. все Поволжье и Заволжье. Но, съ дру-

гой стороны, указаніе подобнаго основного раздѣленія нашей европейской территоріи не должно быть принято въ смыслѣ исключительномъ. Я указываю только тенденцію дѣйствующей силы, а отнюдь не дѣйствительный размѣръ ея. Не нужно забывать, что въ раіонъ неземледѣльческаго сѣверо-востока попадаютъ промышленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко-земледѣльческая Ярославская губернія, а также не уступающія ей въ земледѣльческомъ отношеніи многія мѣстности губерній Московской, Владимирской и Тверской. Необходимо въ этомъ отношеніи ввести и цѣлый рядъ другихъ поправокъ. Однако, эти поправки нисколько не колеблютъ основной тенденціи, а лишь выясняютъ и ближе опредѣляютъ ее.

На ряду съ противоположеніемъ сѣверо-востока юго-западу, съ несравненно меньшей увѣренностью можно устанавливать коренныя различія между черноземной и нечерноземной частями Россіи въ отношеніи живой потребности населенія въ землѣ. Съ одной стороны въ предѣлахъ чернозема есть много мѣстностей, гдѣ при плодородной, щедро оплачивающей трудъ земледѣльца почвѣ и при отсутствіи какъ промышленности вообще, такъ и въ частности промышленности, связанной съ крупнымъ землевладѣніемъ, а также сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ, есть всѣ основанія къ созданію государствомъ условій широкаго удовлетворенія живой потребности населенія въ землѣ. Но есть въ числѣ черноземныхъ и такія мѣстности, не говоря уже о Поволжьѣ, отнесенномъ нами къ крупно - владѣльческому сѣверо-востоку, гдѣ плодородіе почвы скорѣе легендарное, чѣмъ реальное, и гдѣ высокая урожайность едва ли достижима при отсутствіи капитала и другихъ несовершенствахъ крестьянскаго полеводства. Приходится, поэтому, крѣпко призадуматься раньше, чѣмъ идти на встрѣчу крестьянской земельной жаждѣ въ этихъ мѣстностяхъ, которыя разсѣяны и въ центральной земледѣльческой и въ южно-черноземной области. Вѣдь удовлетвореніе потребности въ землѣ не должно обозначать необдуманной легкомысленной отдачи чернозема—Божьяго дара нашей родины,—на завѣдомую выпашку и истощеніе primo occupanti. Надо подумать и подсчитать, во что обойдется народу то значительное въ общемъ

итогѣ уменьшеніе производительности русскаго земледѣлія, которое неизбѣжно наступитъ при большихъ или меньшихъ расширеніяхъ крестьянскихъ запашекъ на счетъ частновладѣльческихъ. Я не говорю уже о тѣхъ немалочисленныхъ въ черноземѣ мѣстностяхъ, напримѣръ вблизи городовъ, промышленныхъ центровъ или заводовъ, перерабатывающихъ продукты сельскаго хозяйства, гдѣ при коллизіи интересовъ мѣстныхъ группъ крестьянства, къ тому же не всегда правильно понятыхъ, съ интересами всего русскаго народнаго хозяйства, не можетъ быть сомнѣнія въ первенствующемъ значеніи послѣднихъ. Но и того нельзя забывать, что и весь такъ называемый аграрный вопросъ возникъ на центральномъ черноземѣ; поэтому въ высшей степени важно рѣшить, поскольку вопросъ центральнаго чернозема есть дѣйствительно вопросъ аграрный и поскольку это есть вопросъ оскудѣнія центра[1]).

Переходя отъ крупныхъ народнохозяйственныхъ областей къ болѣе тѣснымъ раіонамъ, нельзя и въ нихъ не замѣтить значительныхъ количественныхъ различій въ отношеніи потребности населенія въ землѣ. Таковая будетъ, очевидно, меньше вблизи рельсовыхъ путей, судоходныхъ рѣкъ и крупныхъ проѣзжихъ трактовъ и будетъ больше въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ центровъ и путей сообщенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ раздѣленіемъ мѣстностей потребность населенія въ землѣ и должна удовлетворяться: въ удаленныхъ отъ путей, глухихъ, менѣе зависимыхъ отъ рынка раіонахъ естественно развиться мелкой культурѣ, производящей хлѣбъ для собственнаго употребленія, благодаря чему, въ частности, устранится излишне удорожающая предметы продовольствія перевозка ихъ изъ этихъ мѣстностей въ центры. Мѣстности же

[1]) Сопоставляя два вышеочерченныя основныя раздѣленія русской территоріи въ отношеніи потребности въ землѣ съ территоріальнымъ раздѣленіемъ, сдѣланнымъ въ V главѣ по отношенію къ потребности въ отрубныхъ хуторахъ, нельзя не замѣтить совпаденія этихъ раздѣленій въ общихъ чертахъ.

вблизи путей сообщенія, находясь въ большей зависимости отъ рынка и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе благопріятныхъ рыночныхъ условіяхъ, сгруппируютъ хозяйства капиталистическія, отчуждающія большую часть своихъ продуктовъ на сторону. Въ соотвѣтствіи съ такимъ раздѣленіемъ и крестьянское населеніе, занятое вдали отъ путей преимущественно въ своемъ хозяйствѣ, а вблизи ихъ—въ хозяйствѣ частновладѣльческомъ, достигнетъ и здѣсь и тамъ наивысшей оплачиваемости труда. Таковы, на нашъ взглядъ, основныя схематическія различія потребности въ землѣ и ея удовлетворенія въ болѣе тѣсныхъ раіонахъ; эту схему должно дополнить лишь той существенной оговоркой, что въ дѣйствительности благосостояніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ раіоновъ немыслимо безъ извѣстнаго равновѣсія между обоими видами хозяйствъ: крупнымъ и мелкимъ. Намѣченную же схему надо понимать лишь въ смыслѣ извѣстной тенденціи преобладанія.

Лишнее прибавлять, что, на ряду съ мѣстностями вблизи путей сообщенія и городскихъ поселеній, меньшая потребность въ землѣ характеризуютъ и такія напримѣръ, мѣстности, гдѣ возможно рыболовство, гдѣ существуетъ давняя спеціальность какого-либо производства или занятія: ростовское и нѣжинское огородничество, псковское, тверское и вологодское льноводство, орловско-смоленское грабарство, въ другихъ мѣстностяхъ—пеньководство, калужское плотничество, ярославскій и казанскій трактирный промыселъ и т. п. Сюда относятся, напримѣръ, и мѣстности вблизи монастырей, церквей особо-чтимыхъ святыхъ, вблизи популярныхъ торжковъ и т. д.

Но даже въ одной и той же мѣстности и внѣ зависимости отъ намѣченныхъ выше случаевъ неземледѣльческой ренты потребность населенія въ землѣ можетъ быть весьма различна, обусловливаясь цѣлымъ рядомъ факторовъ совершенно иной категоріи. Такъ, напримѣръ, едва ли будетъ ошибочно установить, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ крупныхъ многолюдныхъ селахъ потребность въ землѣ менѣе ощутительна, сравнительно съ мелкими малодворными деревнями. Не говоря уже о несомнѣнно болѣе замѣтномъ отслоеніи въ крупныхъ селахъ изъ общей земле-

дѣльческой массы класса сельскихъ капиталистовъ, торговцевъ и ремесленниковъ, менѣе непосредственно въ землѣ заинтересованныхъ, потребность въ землѣ уже по той причинѣ будетъ значительно меньше въ такихъ селахъ, что полученіе единицы полевыхъ продуктовъ связано въ нихъ, въ виду неизбѣжной отдаленности полей, съ бо́льшей потерей труда и времени и съ бо́льшей затратой капитала, напримѣръ, въ рабочемъ скотѣ, чѣмъ въ небольшихъ деревняхъ, гдѣ все поле какъ на ладони. Большія села болѣе малыхъ деревень связаны съ крупными центрами и неизбѣжно живутъ, поэтому, въ большей степени, чѣмъ малолюдныя деревни, интересами отхожихъ заработковъ, городовъ и желѣзныхъ дорогъ. Въ частности на той же почвѣ отслоенія богатѣйшихъ крестьянъ отъ бѣднѣйшихъ, при абсолютно значительномъ количествѣ пастбищъ, развивается у болѣе состоятельныхъ хозяевъ болѣе крупныхъ деревень коневодство, а вмѣстѣ съ ними устанавливается какъ бы монополія извознаго промысла въ мѣстности. При такомъ сочетаніи хозяйственныхъ данныхъ, которое каждый житель деревни не разъ имѣлъ возможность наблюдать, земледѣліе никогда не въ состояніи дать столько, сколько даетъ перевозка грузовъ. Въ частности въ западныхъ губерніяхъ крестьяне коневоды охотно арендуютъ и покупаютъ луга и не только для своей потребности, но и для чисто-капиталистической перепродажи сѣна въ мѣстечки и города при зимнемъ повышеніи цѣнъ; но они имѣютъ весьма мало охоты къ расширенію полеводства, совершенно разумно ограничиваясь полученіемъ весьма высокихъ урожаевъ со старонадѣльныхъ земель, не жалѣючи укладываемыхъ тѣмъ большимъ количествомъ навоза, который они получаютъ отъ того же извознаго промысла [1]).

[1]) Въ подобныхъ случаяхъ въ корнѣ благосостоянія болѣе состоятельныхъ многолошадныхъ крестьянъ лежитъ эксплоатація болѣе бѣдныхъ элементовъ, которые, при существующемъ распредѣленіи податного бремени по душамъ и при отсутствіи средствъ къ расширенію коневодства, оплачиваютъ пастбищное довольствіе своихъ болѣе состоятельныхъ односельчанъ, ведущее послѣднихъ къ дальнѣйшему обо-

Наоборотъ, иногда рядомъ съ такой большой извозопромышленной деревней какая-нибудь мелкая деревушка въ 10—15 дворовъ, при совершенно одинаковой возможности аренды, арендуетъ въ процентномъ отношеніи къ количеству населенія въ 5 разъ больше земли, сравнительно съ деревней многодворной, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что потребность въ землѣ обратно пропорціональна размѣру селенія. Если же признать правильность этого эмпирическаго закона, то изъ него вытекаетъ тотъ выводъ, что вообще въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ селенія многодворныя, потребность въ землѣ слабѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ преобладающими мелкими деревнями.

Ограничиваюсь этими замѣчаніями о нѣкоторыхъ общихъ опредѣленіяхъ условій хозяйственной жизни крестьянъ въ отношеніи потребности къ землѣ. Это только указаніе пути, и желательно, конечно, болѣе разностороннее освѣщеніе вопроса; но именно въ этомъ направленіи, имѣющемъ въ основаніи внутренній и субстанціальный признакъ дѣйствительной, живой потребности населенія въ землѣ, должна идти вся разработка вопросовъ землеустройства, а вмѣстѣ съ ней и законодательство. Всякая аграрная политика, исходящая изъ признаковъ внѣшнихъ и формальныхъ, каковымъ, какъ мы видѣли, является надѣльное малоземелье, можетъ повести не только къ разрушенію созданныхъ десятками и сотнями лѣтъ народнаго труда хозяйственныхъ благъ, не только къ ломкѣ учрежденій и отношеній, но прямо къ жестокому истребленію живыхъ людей, къ полному экономическому и финансовому банкротству страны, къ голодной смерти того самаго крестьянства, о благосостояніи котораго мнятъ себя заботящимися вздыхатели надѣльнаго малоземелья.

гащенію. Но подобная эксплоатація слабыхъ сильными, неизбѣжно связанная съ существующимъ у насъ надѣльнымъ землепользованіемъ, именно и составляетъ его реальную сущность. Эта эксплоатація устранима только при переходѣ отъ существующихъ формъ — общинной и подворной—къ формамъ тяглового надѣла и хуторского хозяйства.

Совершенно иной путь и иная—свѣтлая будущность предстоитъ Россіи, если законодатель, пренебрегая случайнымъ и второстепеннымъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ признакомъ надѣльнаго малоземелья и отказавшись отъ неблагодарной и безполезной задачи его врачеванія, положитъ въ основаніе поднятія общенароднаго благосостоянія живую потребность населенія въ землѣ и изыщетъ лучшіе съ точки зрѣнія народнаго блага способы къ удовлетворенію этой потребности.

VIII.

УДОВЛЕТВОРНЕІЕ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ЗЕМЛѢ.

Потребность въ землѣ есть потребность въ землѣ отрубной.—Снабженіе землей сверхтягольнаго и сверххуторского населенія. — Расширеніе культурной площади за счетъ некультурныхъ пространствъ.—Народное благо и необходимость повсемѣстнаго равновѣсія между всѣми видами и размѣрами землевладѣнія. — Несостоятельность въ этомъ отношеніи дѣятельности Крестьянскаго банка.—Характеръ, составъ и компетенція землеустроительныхъ комиссій. — Отличіе ихъ назначенія отъ цѣлей посредничества и принудительнаго отчужденія. — Отношеніе вопросовъ землеустройства къ системѣ финансовъ, валюты и денежнаго обращенія.—Послѣсловіе: важность правовой стороны при разрѣшеніи аграрнаго вопроса (отличіе государственнаго отчужденія для общеполезныхъ цѣлей отъ внѣправового «принудительнаго отчужденія» съ цѣлью дополнительнаго надѣла); «принудительный» выкупъ и «справедливыя» цѣны; «аграрные» безпорядки и наша общественная психологія.

Кто ясно видитъ всѣ преимущества тяглового распредѣленія, сравнительно съ душевымъ, кто понимаетъ, насколько сытѣе, трудолюбивѣе, разумнѣе и нравственнѣе станетъ при тяглѣ русскій крестьянинъ, насколько поднимется производительность его земледѣльческаго труда, тому не можетъ показаться преувеличеннымъ мнѣніе П. Н. Семенова, что при тягловомъ надѣлѣ современная площадь однихъ только надѣльныхъ земель, составляющая, какъ мы знаемъ, лишь $^3/_5$ всего землепользованія крестьянъ, могла бы прочно обезпечить благосостояніе не только тѣхъ приблизительно 65 милліоновъ человѣкъ, которые теперь на ней

бѣдствуютъ, но и значительно бóльшаго количества населенія (свыше 100 милліоновъ душъ). Какое же огромное населеніе могла бы прокормить современная площадь землепользованія крестьянъ, еслибы послѣдніе разселились на той же площади въ отрубныхъ хуторахъ? Трудно, конечно, подсчитать въ точныхъ цифрахъ все то, что̀ теряютъ теперь крестьяне отъ черезполосицы, отъ дальности разстоянія усадьбы отъ полей и отъ своей полной зависимости отъ деревенскаго сѣвооборота и всего строя хозяйственной жизни. Еще труднѣе предсказать размѣры и темпъ той интенсификаціи и подъема производительности крестьянскаго хозяйства, которые сдѣлаются возможными при разселеніи деревень въ самостоятельные хутора[1]). Какъ выразить, наконецъ, въ цифрахъ то громадное количество освободившагося труда, въ настоящее время зря, безъ толку и непроизводительно растрачиваемаго на переходы и переѣзды, на завѣдомо убыточную обработку измельченныхъ полосъ, который при отрубномъ владѣніи найдетъ производительное приложеніе въ своемъ или чужомъ

---

[1]) Г. Пестржецкій въ № 10692 «Новаго Времени» указываетъ, что урожаи конопли, разводимой крестьянами на огородахъ, т. е. въ отрубномъ владѣніи, и теперь не ниже западно-европейскихъ. На собственныхъ купчихъ земляхъ крестьяне и теперь получаютъ урожаи выше въ среднемъ на 20%. Буряты ведутъ интенсивное хозяйство, хотя они по развитію не выше нашихъ крестьянъ. Повышеніе урожайности надѣльныхъ земель до урожайности частновладѣльческихъ повыситъ пищевую норму до 20%. Повышеніе же урожайности до нормы наименѣе культурныхъ странъ—Болгаріи, Сербіи и Галиціи—будетъ равняться увеличенію надѣльной площади вдвое, и крестьяне будутъ имѣть вмѣсто 16 по 30 пуд. на душу. Замѣна трехполья многопольемъ увеличитъ посѣвную площадь на 35—40 милліоновъ десятинъ, т. е. на столько же, сколько можетъ дать переходъ къ крестьянамъ всѣхъ частновладѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель. Повышеніе урожайности можетъ быть достигнуто въ сравнительно короткій срокъ. Въ 1789 году во Франціи урожайность не превышала нашей, а въ 1816—1820 г., несмотря на наполеоновскія войны, урожайность поднялась до 55—60 пудовъ. Еще быстрѣе совершился переходъ къ интенсивному хозяйству въ Германіи послѣ раздѣла черезполосныхъ земель на отрубныя владѣнія.

хозяйствѣ. Не надо забывать и о тѣхъ прямо вызываемыхъ современной формой жизни въ скученныхъ многодворныхъ поселеніяхъ народныхъ бѣдствіяхъ, каковы пожары, эпидеміи и эпизоотіи, размѣры и тяжкія экономическія послѣдствія которыхъ не могутъ не уменьшиться при разселеніи населенія въ отрубныхъ хуторахъ. Во всякомъ случаѣ и безъ приведенія цифръ, иллюстрирующихъ хозяйственные результаты отрубного владѣнія въ чужихъ странахъ [1]), совершенно ясно, что значеніе перехода къ отрубнымъ хуторамъ было бы для насъ огромно. Увеличеніе народнаго благосостоянія подъ вліяніемъ отрубного владѣнія надо считать милліардами рублей, а увеличеніе населенія, которому дастъ жить отрубной хуторъ, многими десятками милліоновъ человѣческихъ жизней. Вѣдь даже 200 милліоновъ человѣкъ, разселенныхъ въ современной сельской Россіи, все еще нельзя будетъ назвать густымъ населеніемъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что нашъ аграрный вопросъ есть вопросъ не территоріальный, а вопросъ формъ землепользованія.

Но нельзя также и въ томъ сомнѣваться, что для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ въ формѣ превращенія душевого надѣла сначала въ тягловой, а потомъ въ хуторской, или прямо душевого въ хуторской, необходимо нѣкоторое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Такимъ образомъ и сторонники дополнительнаго надѣла, бродя вокругъ да около испорченнаго хитраго аппарата нашей современной крестьянской жизни, на ряду съ несущественными, инстинктивно задѣваютъ иногда и

[1]) Проф. А. И. Чупровъ указываетъ, что доведеніе урожая до 100 п. въ $3^1/_2$ раза превысило бы эффектъ обращенія въ крестьянское пользованіе всей земли въ Европейской Россіи (Аграрный вопросъ, стр. 306). Не надо также упускать изъ виду, что отрубные хутора увеличатъ не только урожайность, но и культурную площадь уменьшеніемъ количества пара, количества земли подъ межевыми полосами и т. п. Отрубные хутора, къ тому же, не только доведутъ урожайность крестьянскихъ полей до современной высоты частновладѣльческихъ, но урожайность хуторская должна быть выше послѣдней, ибо интенсивность прямо пропорціональна близости поля отъ усадьбы.

нѣкоторые существенные пружины этого аппарата, но только не понимаютъ ихъ истиннаго значенія. И поэтому ихъ требованіе территоріальнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія есть то, да не то. Интенсификація требуетъ не врачеванія малоземелья, но снабженія землей того сверхтягольнаго и сверххуторского населенія, которое явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тягла и отрубного хутора, этихъ conditio sine qua non интенсификаціи.

Но и помимо такого расширенія крестьянскаго землевладѣнія, прямо вытекающаго изъ намѣченной нами въ этихъ замѣткахъ государственной аграрной политики, возможно и желательно иное его расширеніе. Существуетъ мнѣніе, что въ странѣ, гдѣ 9/10 земли находится еще въ некультурномъ состояніи, не можетъ быть вообще никакого аграрнаго вопроса. Но это мнѣніе несправедливо и опровергается тѣмъ фактомъ, что аграрный вопросъ всетаки несомнѣнно существуютъ, хотя и заключается не въ томъ, въ чемъ склонно его видѣть неосвѣдомленное общественное мнѣніе, т. е. не въ малоземельи, а въ господствующихъ у насъ формахъ землепользованія. Къ тому же нельзя не признать, что и въ самое отношеніе некультурной площади къ культурной, какъ 9 : 1, почвенныя, климатическія и иныя условія должны у насъ вносить столь существенныя поправки, что подобныя утвержденія суть скорѣе реторическія фигуры, чѣмъ реально-фактическія указанія. Что въ Сибири есть десятки и даже сотни милліоновъ десятинъ тундръ и даже не только тундръ, но и прекрасныхъ земель въ тайгѣ, представляется несомнѣннымъ. Но несомнѣнно и то, что лишь самая ничтожная часть этихъ земель и при томъ не только въ Сибири, но и на нашемъ европейскомъ сѣверѣ (да и не только сѣверѣ) можетъ имѣть значеніе для нашего земледѣлія какъ въ ближайшемъ будущемъ, такъ и въ болѣе отдаленномъ. Можно даже итти дальше и предполагать, что въ современную обращенную подъ земледѣліе площадь входятъ и такія территоріи, на которыхъ земледѣліе невыгодно и не имѣетъ никакой будущности; можно думать, что земледѣльческія занятія жителей въ такихъ мѣстностяхъ являются результатомъ не хозяйствен-

наго разсчета, а искусственнаго прикрѣпленія къ землѣ; что въ такихъ мѣстностяхъ желательно освободить населеніе отъ земледѣлія, создавъ для него условія болѣе производительнаго занятія въ иныхъ сферахъ народнаго труда. Но, съ другой стороны, есть несомнѣнно очень много мѣстностей, гдѣ на лицо всѣ условія для производительнаго земледѣлія и гдѣ, несмотря на это, пустуетъ много земель, уже десятки лѣтъ ждущихъ земледѣльца. Такихъ земель еще очень много въ областяхъ Московской-промышленной, Пріозерной, Бѣлорусской и Литовской. Это тѣ многочисленныя пустоши, заросли, облоги — съ кое-гдѣ въ нихъ вкрапленными «рѣзами» и «лядами», тѣ пустоши, которыя не обогащаютъ, а порою обременяютъ землевладѣльца расходами на охрану, администрацію и уплату повинностей. Это и не лѣсъ, и не лугъ, и не поле,—это дикій лѣсъ и лугъ и дикое поле. И несомнѣнно, что, на ряду съ интенсивнымъ развитіемъ въ отрубныхъ хуторахъ, наше крестьянское земледѣліе еще долгое время должно развиваться и экстенсивно за счетъ пустующихъ земель. Нашъ современный аграрный вопросъ имѣетъ, поэтому, на ряду съ разсмотрѣнной уже въ этихъ замѣткахъ, и другую сторону. Онъ заключаетъ въ себѣ и задачу непосредственной борьбы человѣка съ природой, непосредственнаго отвоеванія отъ нея дикихъ некультурныхъ пространствъ и обращенія ихъ въ культурныя. И на ряду съ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ слѣдствіемъ перехода къ тяглу и отрубному хозяйству, желательно и необходимо, поэтому, и иное удовлетвореніе потребности населенія въ землѣ, именно за счетъ пространствъ некультурныхъ или малокультурныхъ [1]). Намѣчаемое рѣшеніе, какъ легко усмотрѣть, будетъ по существу и результатамъ совершенно противуположно проектамъ дополнительнаго надѣла: оно не ликвидируетъ частновла-

---

[1]) Такія пространства найдутся не только въ перечисленныхъ выше народнохозяйственныхъ областяхъ, но и въ Привислинской, Юго-западной, Малороссійской, Новороссійской, Восточной, Сѣверо-восточной, даже въ Центральной-земледѣльческой (въ видѣ исключенія). Объ областяхъ внѣевропейскихъ нечего и упоминать.

дѣльческаго хозяйства и, оставляя его въ цѣлости и неприкосновенности, имѣетъ въ виду не принудительное отчужденіе, но свободную мобилизацію некультурныхъ запасовъ крупнаго землевладѣнія въ сторону землевладѣнія мелкаго.

Разъ аграрный вопросъ будетъ поставленъ на почву удовлетворенія потребности населенія въ землѣ, то разрѣшеніе его будетъ совершенно яснымъ и опредѣленнымъ. Вопросъ объ удовлетвореніи потребности въ землѣ естественно распадается на слѣдующіе три вопроса: удовлетворенію чьей потребности должна содѣйствовать аграрная политика? Чѣмъ, т. е. изъ какого запаса и какой землей должна удовлетворяться эта потребность? И какъ должна она удовлетворяться? На эти-то три вопроса и надо дать посильный отвѣтъ.

На вопросъ, чью потребность въ землѣ должна имѣть въ виду аграрная политика государства, нельзя дать иного отвѣта, кромѣ того, что должна удовлетворяться потребность въ землѣ всего населенія. И съ точки зрѣнія народной экономіи и съ болѣе общей точки зрѣнія высшихъ интересовъ культуры и цѣлей государства необходимымъ условіемъ жизни человѣческихъ обществъ является извѣстное равновѣсіе между видами землевладѣнія: крупнымъ и мелкимъ, помѣщичьимъ и крестьянскимъ. Сельское хозяйство даетъ обществу самыя разнообразныя произведенія, при чемъ производство однихъ наиболѣе свойственно мелкой культурѣ, а другихъ—культурѣ крупной. Вслѣдствіе различія природы крупнаго и мелкаго хозяйства, оба они, каждое въ своей сферѣ, достигаютъ наибольшей степени производительности, благодаря чему и обогащаютъ все общество. Чѣмъ разнообразнѣе, по своимъ размѣрамъ, обусловливающимъ весь характеръ хозяйства, виды землевладѣнія и земледѣлія въ странѣ, тѣмъ большее количество людей можетъ прокормить та же площадь земли. Значеніе этого основного положенія здравой экономической науки, давнымъ давно твердо установленное, теперь часто забывается и тѣми, кому его забывать, казалось бы, уже совсѣмъ не подобаетъ; оно усугубляется тѣмъ, что крупное и мелкое владѣніе взаимно дополняютъ другъ друга. Въ настоящихъ замѣткахъ неоднократно ука-

зывалось, сколь важное значеніе имѣетъ для крестьянъ частновладѣльческое хозяйство, давая многочисленные заработки и служа культурнымъ примѣромъ, почему я и не буду касаться этой совершенно ясной стороны дѣла [1]). Но насколько частное

[1]) По даннымъ Д. П. Семенова можно составить любопытную таблицу, совершенно въ стилѣ нашихъ дополнительных надѣлителей, но показывающую, что приростъ сельскаго наличнаго населенія съ 1858 г. по 1897 г. былъ наиболѣе высокъ въ губерніяхъ съ высшимъ % отношеніемъ частновладѣльческихъ земель. Таковы губерніи.

	Приростъ населенія въ %.	Процент. отношеніе частновладѣльч. земель.
Херсонская	157,9	53,1
Минская	115,1	58,6
Екатеринославская	100,2	50,3
Таврическая	97,5	52,1
Волынская	94,8	49,3
Могилевская	91	54,6

Наоборотъ губерніи съ небольшимъ количествомъ земель частнаго владѣнія являются въ то же время губерніями небольшого прироста сельскаго наличнаго населенія, а именно:

	Приростъ населенія въ %.	Процент. отношеніе частновладѣльч. земель.
Вятская	44,2	6,5
Вологодская	43,6	4,2
Пермская	43,2	27,2
Олонецкая	27	3,9
Нижегородская	23,7	32,8
Воронежская	23	28,1

Я дѣлаю оговорку, что справедливость мысли о необходимости частновладѣльческихъ земель для благосостоянія крестьянъ доказывается не подобными таблицами, а тѣмъ рядомъ соображеній и фактовъ, которые были приведены выше. Понятно также, что увеличеніе населенія сѣверныхъ мѣстностей должно идти болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ мѣстностей болѣе южныхъ. Но присутствіе среди сѣверныхъ губерній со слабымъ приростомъ населенія и такихъ губерній, какъ Нижегородская и особенно Воронежская, все-таки весьма любопытно и еще болѣе подтверждаетъ ту основную связь между приростомъ населенія и высотой % частновладѣльческихъ земель, которая обнаруживается приведенной таблицей.

землевладѣніе является необходимымъ условіемъ существованія крестьянскаго населенія, настолько же необходимо и крестьянское хозяйство частному землевладѣнію. Массовое обращеніе крестьянъ изъ хозяевъ въ батраковъ въ концѣ концовъ неизбѣжно уменьшитъ производительность и крупнаго хозяйства, не говоря уже о томъ, что оно подтачиваетъ экономическое здоровье всей страны. Поэтому равновѣсіе между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ требуется въ полномъ смыслѣ слова во имя народнаго блага, отъ котораго и должна отправляться всякая разумная аграрная политика.

Думать, что прогрессъ Россіи и русскаго сельскаго хозяйства— въ переходѣ земель частнаго владѣнія, или значительной ихъ части, къ крестьянамъ, такъ же нелѣпо, какъ было бы нелѣпо намѣчать переходъ крестьянскихъ земель, въ виду ихъ низшей производительности, къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Низшая производительность крестьянскихъ земель объясняется, какъ мы видѣли, господствующими у насъ формами крестьянскаго землепользованія и устранится съ измѣненіемъ этихъ формъ; но отнюдь нельзя выводить изъ низшей производительности крестьянскихъ земель осужденія мелкаго землевладѣнія. Послѣднее есть тотъ фундаментъ, тотъ краеугольный камень, отъ крѣпости котораго зависитъ крѣпость и здоровье всего строя государственной и общественной жизни, особенно въ земледѣльческой странѣ. Поэтому нельзя спорить о преимуществахъ мелкаго землевладѣнія передъ крупнымъ или наоборотъ, но можно только сказать, что благо заключается въ равновѣсіи между обоими видами. Что касается необходимости поддержанія крупнаго землевладѣнія со стороны государства, то эта необходимость вытекаетъ не только изъ того, что такая поддержка въ сущности является вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшей формой поддержки хозяйства крестьянскаго (увеличивая расширеніемъ частновладѣльческаго хозяйства спросъ на рабочія руки крестьянъ), но вызывается кромѣ того и исторической ролью помѣстнаго класса, какъ наиболѣе культурнаго въ Россіи. Надо быть очень невѣжественнымъ человѣкомъ, чтобы не знать, что у насъ и государственный аппаратъ (нынѣ испортив-

шійся), и наука, и искусство,—словомъ вся наша культура, и все то, чѣмъ громко русское имя, создано именно помѣстнымъ классомъ. И надо быть очень близорукимъ, чтобы предполагать, что эта роль помѣстнаго сословія теперь уже окончена. Наоборотъ, переживаемый политическій кризисъ долженъ неизбѣжно вновь выдвинуть помѣстный классъ къ кормилу нашей жизни, отъ котораго онъ отошелъ за послѣдніе полвѣка со столь трагическими для народной жизни послѣдствіями.

Но помѣстный классъ безъ мѣста, безъ земли есть пустой звукъ. Поэтому, въ связи съ предыдущимъ, вполнѣ ясно, что не только современное частновладѣльческое хозяйство должно въ общемъ сохранить свои земли, но и должна удовлетворяться вновь возникающая потребность въ землѣ землевладѣльческаго класса. Государственная аграрная политика должна имѣть, поэтому, въ виду не тѣ или иныя привилегированныя группы населенія, въ родѣ потомства крестьянъ, «получившихъ въ 1861 году не свыше высшаго или указного надѣла» или получившихъ дарственный надѣлъ, чтò совершенно нелѣпо, но даже не крестьянъ исключительно или иныя какія-либо сословныя группы, а все населеніе. Въ мѣстностяхъ, гдѣ равновѣсіе между крупными и мелкими формами землевладѣнія нарушено, должно стремиться къ его возстановленію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ это равновѣсіе существуетъ, должно избѣгать его нарушенія. При этомъ высота процентнаго отношенія между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ и между отдѣльными разрядами того и другого, очевидно, не можетъ быть установлена однообразно, но должна видоизмѣняться въ различныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ совокупности различныхъ естественныхъ и экономическихъ условій. Можно думать, что въ сѣверо-восточномъ раіонѣ должно увеличиться владѣніе крупное на счетъ государственнаго и мелкаго крестьянскаго [1]). Насажденіе круп-

---

[1]) Слѣдуетъ пояснить, что такое увеличеніе частнаго землевладѣнія на счетъ крестьянскаго возможно безъ нарушенія основного принципа неотчуждаемости 135 милл. десятинъ надѣльныхъ земель отъ крестьянскаго сословія. Отчужденіе даннаго надѣльнаго плана, или

наго землевладѣнія желательно и въ Сибири, какъ необходимое условіе успѣшности колонизаціи крестьянской. Наоборотъ, въ Новороссіи и многихъ мѣстностяхъ областей Юго-западной, Литовской и Бѣлорусской для равновѣсія обоихъ видовъ землевладѣнія желательна мобилизація крупной собственности въ сторону мелкой. Но и въ этихъ областяхъ, благодаря неправильной дѣятельности Крестьянскаго банка, почти вся частновладѣльческая земля уже перешла въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ, что̀ имѣло мѣсто и въ нѣкоторыхъ раіонахъ Московской промышленной области. Въ такихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ задача здравой аграрной политики состоитъ въ разрѣженіи крестьянскаго землевладѣнія оазисами частновладѣльческой земли. Создать такіе оазисы путемъ покупки земли у крестьянъ и перепродажи ея въ частныя руки такая же прямая обязанность Генеральныхъ Комиссій, какъ въ другихъ мѣстностяхъ обязанностью ихъ явится созданіе крестьянскихъ оазисовъ среди крупныхъ сплошныхъ массъ частновладѣльческой земли.

Слѣдуетъ оговориться, что удовлетвореніе потребности въ землѣ крупнаго землевладѣнія должно быть чуждо сословной точки зрѣнія. Наоборотъ, привлеченіе къ земельной собственности и сельскому хозяйству лицъ городскихъ классовъ вдвойнѣ желательно, ибо, во-первыхъ, подобная тенденція увеличиваетъ сумму занятаго въ земледѣліи капитала, а во-вторыхъ, такимъ образомъ отчасти проникается интересами деревни чуждое имъ городское населеніе, что̀ не можетъ не отразиться благотворно на общей экономіи народной жизни.

Какъ на примѣръ аграрной политики, совершенно чуждой идеѣ равновѣсія между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ, и поэтому пагубной и неправильной, можно указать на политику нашего Крестьянскаго банка, поскольку вообще можно назвать политикой ту вдохновляемую различными бюрократическими теченіями дѣятельность, которая характеризовала доселѣ это учре-

---

части его, въ иной видъ владѣнія должно осуществляться въ порядкѣ замѣны равноцѣннымъ надѣльнымъ планомъ въ другой мѣстности.

жденіе. Это полукоммерческое, полублаготворительное учрежденіе на самомъ дѣлѣ съ одной стороны доселѣ было совершенно чуждо здраваго коммерческаго разсчета, а съ другой стороны творило не благо, а скорѣе зло. То направляясь къ созданію мелкой частной земельной собственности, то принимаясь за противоположную этой задачу врачеванія малоземелья, то доводя размѣры выдаваемыхъ имъ ссудъ до 90 и даже 100% оцѣнки, то вдругъ сразу сокращая ссуды и уменьшая ихъ размѣръ, то совершая покупки на десятки милліоновъ рублей, то принимаясь бюрократически гоняться за во что бы то ни стало дешевыми цѣнами, не имѣя при томъ на самомъ дѣлѣ ни малѣйшей возможности ихъ урегулировать, такъ какъ это вообще неосуществимо, банкъ скорѣе запуталъ, чѣмъ облегчилъ предстоящую намъ задачу землеустройства. Только оппортунизмъ и недомысліе нашей экономической политики послѣднихъ 30 лѣтъ могли создать тотъ порядокъ вещей, при которомъ уничтоженіе частновладѣльческой культуры, хищническое истребленіе фруктовыхъ садовъ, парковъ и лѣсныхъ дачъ, продажа на сносъ усадебъ и хозяйственныхъ построекъ, неизбѣжное выпахиваніе десятки лѣтъ удобрявшихся полей и уничтоженіе столь важныхъ для крестьянъ мѣстныхъ заработковъ избираются, какъ средства улучшенія положенія крестьянъ. Пока насъ не проникнетъ сознаніе, что уничтоженіе любого частновладѣльческаго хозяйства есть не только минусъ въ общемъ культурно-экономическомъ смыслѣ, но что въ самомъ этомъ уничтоженіи заключается зародышъ ослабленія и самихъ крестьянъ-покупателей такого культурнаго центра и всей окрестной мѣстности, дѣло землеустройства не встанетъ у насъ на правильный путь. Необходима и устойчивость въ направленіи дѣятельности нашихъ землеустроительныхъ учрежденій. Нашъ неуклюжій министерскій аппаратъ, сдѣлавшій столько зла Россіи и являющійся паразитомъ нашего государственнаго организма, не можетъ сообщить какую-либо устойчивость или какой-либо творческій импульсъ различнымъ службамъ государственнаго хозяйства и управленія и едва ли не иллюзорна надежда, что онъ можетъ исправиться подъ вліяніемъ учрежденій, подобныхъ Го-

сударственной Думѣ. Было бы, поэтому, въ высшей степени желательно и важно вынести хотя бы на первый случай дѣло нашего землеустройства изъ сферы вліянія министерской бюрократіи. Дѣло, на нашъ взглядъ, вовсе не въ преобладаніи въ намѣченныхъ выше Уѣздныхъ и Генеральныхъ Комиссіяхъ общественнаго элемента передъ правительственымъ, но въ безусловномъ изъятіи всего дѣла землеустройства, во всѣхъ его стадіяхъ, и въ главномъ и въ подробностяхъ, изъ вѣдѣнія министерствъ и въ освобожденіи этого дѣла отъ какой-либо зависимости и вообще связи съ послѣдними. Въ интересахъ наилучшей гарантіи, устойчивости и правильнаго направленія дѣла землеустройства и освобожденія его отъ вліянія партій и бюрократическихъ теченій, главное руководство и надзоръ за своей дѣятельностью Комиссіи должны найти въ лицѣ Сената; для дѣйствительности же этого руководства и контроля, какъ уже было замѣчено, должна быть возстановлена въ прежнемъ видѣ и значеніи своемъ должность Генералъ-Прокурора. Что касается Генеральныхъ Комиссій, то Сенату же должно принадлежать назначеніе членовъ этихъ Комиссій изъ числа сельскихъ хозяевъ и спеціалистовъ общаго и межевого права. Что касается Комиссій Уѣздныхъ, то они могли бы состоять подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ непремѣннаго члена Комиссіи—юриста изъ числа сельскихъ хозяевъ, уѣзднаго землемѣра, уѣзднаго агронома, земскаго начальника (по дѣламъ его участка), мѣстнаго лѣсничаго, почетныхъ мировыхъ судей и выборныхъ представителей отъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ уѣзда и при участіи участковаго товарища прокурора. По дѣламъ землеустройства основныя функціи Уѣздныхъ Комиссій могли бы сложиться слѣдующимъ приблизительно образомъ.

1) Составленіе для Генеральной Комиссіи предположеній о пріобрѣтеніи земель для Государственнаго земельнаго фонда.

2) Управленіе землями этого фонда въ предѣлахъ уѣзда, подъ контролемъ Генеральной Комиссіи.

3) Подготовленіе соглашеній различныхъ владѣльцевъ по размежеванію, отграниченію и обмѣну земель. Составленіе предва-

рительныхъ предположенiй по разверстанiю черезполосности и разселенiю деревень, устройству сверхтягольнаго и сверххуторского населенiя; составленiе предположенiй о связанныхъ съ осуществленiемъ размежеванiя осушительныхъ, оросительныхъ, водопроводныхъ, дорожныхъ и иныхъ работахъ.

4) Приведенiе въ исполненiе утвержденныхъ актовъ Генеральной Комиссiи о размежеванiи всѣхъ видовъ, разселенiи и переселенiи; ходатайства о льготахъ и ссудахъ участникамъ приговорныхъ соглашенiй и инымъ лицамъ въ уѣздѣ и выдача таковыхъ съ разрѣшенiя Генеральной Комиссiи; производство всякаго рода мелiоративныхъ работъ и сооруженiй, связанныхъ съ размежеванiемъ и разселенiемъ.

5) Приведенiе въ исполненiе постановленiй Генеральной комиссiи о продажѣ земель Государственнаго фонда въ полную собственность, или отводѣ земли въ аренду, съ правомъ выкупа или безъ онаго, либо на наслѣдственно-недробимомъ и неотчуждаемомъ правѣ, крупными, средними и мелкими участками.

6) Управленiе продовольственнымъ дѣломъ и кормовымъ обезпеченiемъ уѣзда.

7) Функцiи всесословнаго учрежденiя ипотечнаго кредита.

Эти функцiи, по приведеннымъ выше (см. стр. 155) мотивамъ, въ высшей степени желательно дополнить:

8) Разсмотрѣнiемъ въ судебномъ порядкѣ всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ о землѣ (гражданскихъ и уголовныхъ) въ качествѣ суда первой инстанцiи (а также и въ качествѣ суда второй инстанцiи по дѣламъ волостного суда).

Роль окончательной инстанцiи по всѣмъ этимъ дѣламъ должна принадлежать Генеральной Комиссiи, подъ верховнымъ надзоромъ Сената. Со стороны административно-технической дѣятельность Комиссiй могла бы объединяться центральнымъ Совѣтомъ по земельнымъ дѣламъ, подчиненнымъ Сенату на правахъ бывшихъ коллегiй и состоящимъ изъ членовъ по Высочайшему назначенiю и выборныхъ представителей землевладѣнiя. Право представленiя къ назначенiю въ члены Совѣта должно принадлежать исключительно Сенату.

Было уже замѣчено, что наши дополнительные надѣлители, исходя изъ совершенно неправильнаго основанія и придя къ совершенно неправильному выводу, всетаки безсознательно задѣваютъ иногда и существенныя пружины испорченнаго аппарата нашей сельской жизни, но, не понимая настоящаго ихъ значенія, не могутъ дать ничего положительнаго въ смыслѣ ихъ исправленія. Такъ указывалось, что въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительно явится необходимымъ нѣкоторое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, но не для неосуществимаго и скорѣе вреднаго, чѣмъ полезнаго, врачеванія фантастическаго и абстрактнаго малоземелья и не для облегченія «интенсификаціи» крестьянскаго хозяйства, какъ полагаютъ гг. надѣлители, но для болѣе скромной и неизмѣримо болѣе ясной и опредѣленной цѣли— устроенія сверхтягольнаго и сверххуторскаго населенія. Но гг. авторы проектовъ оказываются безсознательно затронувшими дѣйствительно существенныя стороны дѣла землеустройства и тогда, когда они выдвигаютъ необходимость учрежденія мѣстныхъ Комиссій, долженствующихъ замѣнить Крестьянскій банкъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ межевое и переселенческое дѣло, съ чѣмъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, нельзя не согласиться. Но только вышенамѣченная организація уже потому не имѣетъ ничего общаго съ комиссіями гг. сторонниковъ «принудительнаго» отчужденія и дополнительнаго надѣла, что она въ корнѣ отрицаетъ и дополнительный надѣлъ и всякую идею о принудительности. Задача Комиссій, какъ мы видѣли, въ созданіи исключительно путемъ добровольнаго соглашенія Государственнаго земельнаго фонда и въ распредѣленіи этого фонда, опять-таки путемъ исключительно добровольнаго соглашенія, между лицами, имѣющими потребность въ землѣ, въ связи съ исполненіемъ государственной задачи отрубного размежеванія и разселенія и съ оказаніемъ разселяющемуся населенію той помощи самыхъ разнообразныхъ видовъ, которая будетъ необходима съ точки зрѣнія основныхъ началъ здоровой аграрной политики. Но задачи очерченныхъ въ этой книгѣ Комиссій отличаются существеннымъ образомъ не только отъ Комиссій дополнительнаго надѣла, но и отъ

тѣхъ мѣстныхъ учрежденій посредническаго характера, вопросъ о которыхъ возникъ среди менѣе радикальныхъ, чѣмъ проектъ дополнительнаго надѣла, теченій нашей общественной мысли. Но если вполнѣ понятенъ былъ въ свое время институтъ мировыхъ посредниковъ, имѣвшій цѣлью способствовать ликвидаціи отношеній между помѣщикомъ и его крѣпостными крестьянами, то въ настоящее время нѣтъ такихъ подлежащихъ ликвидаціи отношеній, нѣтъ даже тѣхъ классовъ, между которыми пришлось бы посредничать. Аграрный вопросъ, въ правильной своей постановкѣ, не есть вопросъ крестьянъ и помѣщиковъ, а исключительно вопросъ удовлетворенія потребности въ землѣ всего населенія и прежде всего удовлетворенія этой потребности землей отрубной. Такимъ образомъ всякая посредническая роль государственныхъ или общественныхъ органовъ явится либо воздѣйствіемъ, насиліемъ надъ отдѣльными лицами, либо обратится въ обыкновенную маклерскую дѣятельность. Но насколько не можетъ найти оправданія приданіе намѣчаемому посредничеству характера насилія надъ свободной волей отдѣльныхъ собственниковъ, настолько же наивно навязывать общественному органу роль маклера. Извѣстно къ тому же, что въ большинствѣ случаевъ всякое посредничество только удорожаетъ для заинтересованнаго лица тотъ товаръ, который оно ищетъ, и не можетъ быть малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что казенное посредничество обойдется сторонамъ во всякомъ случаѣ дороже частнаго маклерства. Поэтому, представляя собой безнадежную попытку примирить непримиримое, возникшая на почвѣ компромисса между «принудительнымъ отчужденіемъ» и «добровольнымъ соглашеніемъ», идея посреднических комиссій на практикѣ не удовлетворитъ никого и должна быть осуждена заранѣе. Комиссіи должны не посредничать, а самостоятельно творить право, не нарушая ничьихъ пріобрѣтенныхъ правъ и руководясь исключительно идеей народнаго блага, требующей равновѣсія всѣхъ видовъ и размѣровъ собственности. Этому требованію, въ основныхъ своихъ чертахъ, удовлетворяетъ намѣченная выше организація Генеральныхъ Комиссій, имѣющихъ въ верховномъ руководствѣ Сената гарантію дѣйствительной за-

щиты права и законности въ ихъ дѣятельности. Самый составъ ихъ, фактъ распространенія дѣятельности каждой Комиссіи на крупный районъ цѣлой народно-хозяйственной области (Центральная земледѣльческая, Московская промышленная и т. п.) и объединеніе ихъ дѣятельности Центральнымъ Совѣтомъ служитъ достаточной гарантіей, что они будутъ проводить не мѣстную политику приходской колокольни, а общегосударственную. Но имѣетъ несомнѣнныя права и политика приходской колокольни, и ей то и должно быть отведено почетное мѣсто въ тѣхъ Уѣздныхъ Комиссіяхъ или, точнѣе, подкомиссіяхъ, которыя предусматриваются намѣчаемой мною организаціей и которыя должны имѣть истинно земскій характеръ, т. е., выражаясь сказанными однимъ изъ изслѣдователей въ смыслѣ осужденія словами, именно и «должны отражать субъективные взгляды и интересы своихъ довѣрителей» [1]).

Таковъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, посильный отвѣтъ на вопросы: чьей потребности въ землѣ должна содѣйствовать аграрная политика; чѣмъ, т. е. изъ какого запаса, должна удовлетворяться эта потребность; и какъ, т. е. при помощи какой организаціи, должна она удовлетворяться.

Изложивъ въ настоящихъ замѣткахъ то, въ чемъ я вижу сущность нашего аграрнаго вопроса и указавъ, въ чемъ вижу возможное его разрѣшеніе, я не думаю отрицать правильности того взгляда, что нашъ аграрный вопросъ въ значительной степени есть вопросъ финансовой системы, вопросъ валюты, вопросъ денежнаго обращенія.

Весьма яркимъ представителемъ этого взгляда является С. Ѳ. Шараповъ, который въ № 11 «Русскаго Дѣла» говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Вопросы о той или иной формѣ землевладѣнія отступаютъ совершенно на задній планъ на ряду съ вопросами о производи-

---

[1]) **Аграрный вопросъ, стр. 164.**

тельности данной площади земли, т. е. о работѣ на ней солнечнаго луча. Не то важно, кому принадлежитъ земля, а то, сколько пудовъ пшеницы или ржи можетъ дать десятина. Если хозяйство поставлено правильно, и солнечному лучу возможно развивать всю энергію, земля даетъ то, что она можетъ дать, и тогда всѣ довольны. Землевладѣлецъ крупный и мелкій имѣютъ доходъ, работникъ—отличный заработокъ, все спокойно, упраздняются всякія волненія и революціи, и надъ соціальными утопіями въ такой странѣ смѣются.

«Обратно: хозяйство идетъ плохо. Урожаи низки, солнце жжетъ и сушитъ истощенную и плохо обработанную землю. Самый лучшій аграрный строй разваливается. Крупный собственникъ раззоряется, его земли пустуютъ, или непомѣрно поднимается ихъ аренда. Мелкій собственникъ голодаетъ, рабочій эксплоатируется за грошъ, озлобляется. Дикія и мрачныя соціальныя ученія пріобрѣтаютъ почву и усиливаются. Бѣдные злыми и завистливыми глазами глядятъ на мнимо-богатыхъ, обвиняя ихъ въ завладѣніи землей. Еще одинъ шагъ, начинается смута и аграрныя волненія, стремленія къ «уравненію» земли. Затѣмъ пожары, грабежи и насилія.

«Нашъ аграрный строй по гармоніи крупнаго и мелкаго землевладѣнія лучшій въ мірѣ. И вотъ, этотъ строй трещитъ по всѣмъ швамъ. Тысячи перьевъ строчатъ аграрные проекты, сотни милліоновъ дорого доставшихся денегъ расходуются не на улучшеніе культуры, а на безсмысленное перебрасываніе земли изъ рукъ въ руки. Послѣдніе остатки культуры гибнутъ у всѣхъ на глазахъ. Словно лѣшій водитъ нашу глупую и невѣжественную интеллигенцію вокругъ вопроса, какъ по дикому лѣсу. Посмотрите: вонъ спеціалистъ по финансовымъ вопросамъ проф. П. П. Мигулинъ подписывается подъ аграрной программой «сельскихъ хозяевъ», гдѣ есть все, что угодно (и очень здравое), но не пискнуто слова о денежной системѣ, а въ ней, и только въ ней, весь ключъ къ вопросу. И ученый профессоръ это знаетъ, но притворяется, что это до него не касается.

«Посмотрите мелькомъ, только киньте взглядъ: Аргентина, нынѣ богатѣйшая страна въ мірѣ. Ея земледѣліе даетъ безумный доходъ. Отчего? Она воспользовалась всѣми выгодами бумажныхъ денегъ и создала огромное государственное оборудованіе своего хозяйства. Деньги эти даютъ ей великолѣпныя цѣны на хлѣбъ и скотъ, и слѣдовательно, роскошный экспортъ, отсюда ея богатство и благосостояніе.

«Германія. Страна цвѣтущаго земледѣлія, не знающая никакихъ аграрныхъ вопросовъ. Она попала въ режимъ золотой валюты, но спаслась хлѣбными пошлинами, создала своему земледѣлію искусственно высокія цѣны. Уничтожьте эти пошлины и эти цѣны, и завтра германское хозяйство лопнетъ и усадьбы риттеровъ запылаютъ, какъ наши помѣстья.

«Вотъ два примѣра прямой зависимости земледѣлія отъ денежной системы. Посмотримъ же, какова эта зависимость у насъ? И не въ ней ли весь корень нашего пресловутаго «аграрнаго» вопроса?

«Финансовая наука твердо установила, что для процвѣтанія земледѣльческой культуры необходимо въ каждомъ періодѣ земледѣлія точное соотвѣтствіе извѣстнаго количества обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ съ поверхностью культурной площади, или соотвѣтственная постановка публичнаго кредита.

«Коль скоро земледѣліе изъ натуральнаго, распахивающаго цѣлину, или грубо переложнаго, стало плодосмѣннымъ, является безусловное, для земледѣльца ничѣмъ не устранимое, требованіе: 1) имѣть на каждую десятину поверхности обрабатываемой площади такой-то основной капиталъ въ постройкахъ и инвентарѣ и такой-то оборотный, въ денежныхъ знакахъ или кредитѣ, и 2) разсчитывать реализацію урожая по такимъ-то минимальнымъ цѣнамъ, ниже которыхъ производство не оплачивается и землевладѣніе забирается постепенно въ неоплатный долгъ, т. е. съѣдаетъ само себя.

«Со введеніемъ у насъ золотой валюты наше земледѣліе получило огромный ударъ сразу въ двухъ направленіяхъ: оно очути-

лось безъ денегъ, которыхъ золотое обращеніе дать въ надлежащемъ размѣрѣ не могло, и безъ выгодныхъ цѣнъ, которыя упали потому, что поднялась въ своей внутренней цѣнности денежная единица.

«И вотъ теперь мы снова, въ сотый разъ, напоминаемъ нашему одураченному обществу, нашимъ филистерамъ и тупицамъ-профессорамъ и нашимъ архиневѣжественнымъ публицистамъ: нашъ аграрный вопросъ самъ по себѣ не имѣетъ смысла, оттого онъ и не дается никому въ руки. Нашъ аграрный вопросъ есть только вопросъ нашей финансовой системы, вопросъ валюты, вопросъ денежнаго обращенія. Ничего иного въ немъ нѣтъ и быть не можетъ. Если вы хотите его разрѣшить, хотите сдѣлать Россію спокойной и счастливой страной, совершенно чуждой всякимъ аграрнымъ движеніямъ и всякимъ революціямъ—ставьте на первую очередь вопросъ о валютѣ—въ немъ весь ключъ».

Очень многое, почти все справедливо въ приведенныхъ словахъ. Но мнѣ всетаки думается, что нашъ аграрный вопросъ есть вопросъ не только нашей финансовой системы, не только вопросъ валюты, не только вопросъ денежнаго обращенія. Другими словами, разрѣшивъ даже вопросъ валюты, финансовой системы и денежнаго обращенія въ желательномъ смыслѣ, мы не разрѣшимъ еще тѣмъ самымъ аграрнаго вопроса въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. вопроса о землеустройствѣ. Ибо и при хорошей валютѣ и хорошей системѣ финансовъ и денежнаго обращенія отрубная земля будетъ всетаки лучше черезполосной, и придется всетаки заботиться о наилучшемъ, съ точки зрѣнія народнаго блага, удовлетвореніи потребности населенія въ землѣ. Съ другой стороны, вполнѣ возможно, на мой взглядъ, значительно улучшить положеніе народа, содѣйствуя удовлетворенію его потребности въ отрубной землѣ, и при плохой финансовой системѣ и при плохой валютѣ. И чѣмъ хуже разрѣшены у насъ финансовые и валютные вопросы, тѣмъ большее значеніе для народа должна, на мой взглядъ, получить исходящая изъ правильныхъ началъ государственная политика землеустройства.

Въ заключеніе этого очерка современнаго русскаго аграрнаго вопроса нельзя не возвратиться вновь къ тому огромному значенію, которое имѣетъ правовая его сторона. У насъ почти одинаково пренебрежительно относятся къ праву и революціонеры, и традиціи правительственной власти, и наше либеральствующее общественное мнѣніе, и поэтому всякое лишнее слово въ защиту права является словомъ необходимымъ. Въ столь часто всуе произносимыхъ рѣчахъ, что «въ настоящее время нельзя отстаивать священныхъ правъ собственности», не заключается ровно никакого содержанія. Эти рѣчи основаны на смѣшеніи понятія неприкосновенности права съ его объемомъ. Если дѣйствительно трудно въ современной наукѣ права отстаивать точку зрѣнія неограниченной квиритской собственности [1]), то неприкосновенность всякой собственности является conditio sine qua non культурнаго существованія и была таковою во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Никто не говоритъ объ особой священности права собственности. Но совершенно несомнѣнно можно утверждать о священности всякаго права, въ смыслѣ его неприкосновенности. И если неприкосновенность права земельной собственности получаетъ особенно рельефно проявляющееся значеніе, то въ силу того значенія, которое имѣетъ въ экономической и политической сферѣ земельная собственность, особенно въ земледѣльческихъ странахъ. Поэтому малѣйшее нарушеніе принципа неприкосновенности пріобрѣтенныхъ правъ неизбѣжно должно привести къ экономической и политической анархіи.

Именно такую анархію, грубѣйшій актъ варварскаго произвола представляетъ собою то принудительное отчужденіе

---

[1]) Эта неограниченная собственность, какъ того не можетъ не знать всякій изучавшій римское право, является и въ послѣднемъ до извѣстной степени фантазіей, клеветой на римское право, что видно изъ quarta Falcidia и другихъ ограниченій вотчиннаго права у римлянъ, включительно до ограниченій въ цѣляхъ эстетики (ne urbs deformetur).

частновладѣльческихъ земель, которое теперь на устахъ у всѣхъ, начиная отъ министровъ и кончая не второкурсниками даже, а второклассниками. Въ этихъ замѣткахъ я преимущественно касался проекта гг. Мануилова и К°. Но и всякій иной проектъ «принудительнаго отчужденія» не можетъ не быть тѣмъ же самымъ, что и Мануиловскій проектъ, т. е. захватомъ, ибо права на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ цѣляхъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ не установитъ ни одинъ юристъ въ мірѣ. Самое понятіе права состоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ мыслью о принудительномъ отчужденіи. Это отчужденіе есть прямое и рѣшительное отрицаніе права собственности, того права, на которомъ стоитъ вся современная жизнь и вся міровая культура.

Это безспорное, несомнѣнное и не могущее быть опровергнутымъ значеніе принудительнаго отчужденія пытаются ослабить указаніемъ на право государства, въ интересахъ общественной пользы, ограничивать нѣкоторыя права собственниковъ или даже совершенно отчуждать участки земли изъ частной собственности. Несомнѣнно, такое право принадлежитъ государству, но между этими случаями принудительнаго отчужденія частной земельной собственности въ виду общественной или государственной пользы и принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческой земли съ цѣлью дополнительнаго надѣла рѣшительно невозможно устанавливать какой-либо аналогіи. Ибо нѣтъ ничего общаго между, напр., отчужденіемъ какого-либо источника питьевой воды изъ частной собственности въ пользу, напр., города и отнятіемъ какого либо имѣнія или его части у однихъ, хотя бы и болѣе обезпеченныхъ, лицъ для передачи его другимъ, болѣе нуждающимся. Даже и въ такой идеальной постановкѣ уравнительнаго распредѣленія имущества, каковой на самомъ дѣлѣ даже съ большой натяжкой нельзя приложить къ чудищу дополнительнаго надѣленія, не возможно строить аналогіи между принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческихъ земель и отчужденіемъ частной собственности на общеполезныя государственныя цѣли. Существенное отличіе обоихъ этихъ актовъ состоитъ въ томъ,

что въ послѣднемъ случаѣ отчужденіе допускается не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, какъ въ первомъ случаѣ, но въ интересахъ общественныхъ. Поэтому послѣдній случай относится къ области правовой, первый же—внѣ сферы права. Сюда присоединяется и другое существенное отличіе правомѣрнаго отчужденія частной собственности utilitatis pullicae causa отъ произвольнаго внѣправового принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Въ то время какъ первое соединено необходимо съ денатураціей самого объекта собственности, съ превращеніемъ его въ иной видъ пользованія, второе ни въ чемъ не измѣняетъ ни назначенія, ни хозяйственной природы отчуждаемой земли, а только замѣняетъ прежняго владѣльца новымъ. Если полоса моей земли отчуждается подъ желѣзную дорогу, то вмѣсто прежняго моего индивидуальнаго земледѣльческаго или лѣсного пользованія возникаетъ новое общественное пользованіе: дѣлается насыпь, укладываются рельсы, строится станція или отводится мѣсто для товарныхъ складовъ. Если моя земля отчуждается для цѣлей водопровода, то опять-таки вмѣсто моего индивидуальнаго земледѣльческаго пользованія или индивидуальной городской эксплоатаціи, путемъ, напр., застройки участка доходнымъ домомъ, возникаетъ общественное пользованіе съ возведеніемъ различныхъ техническихъ сооруженій, устройствомъ резервуаровъ и т. п. Точно также, когда при перестройкѣ дома въ городѣ я отодвигаю фасадъ за установленную красную линію, какъ то имѣло, напр., мѣсто въ извѣстномъ случаѣ съ домомъ Хомякова въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту, то выступающій за красную линію участокъ земли отчуждается принудительно въ пользу города. Но для чего? Очевидно, не для застройки этого участка домомъ за счетъ города, но въ цѣляхъ расширенія площади городскихъ улицъ, т. е. съ цѣлью улучшенія санитарныхъ и эстетическихъ условій городской жизни. Стало быть красной нитью сквозь эти случаи проходитъ денатурація отчуждаемыхъ участковъ, превращеніе ихъ въ иной видъ пользованія. При этомъ отчужденіи измѣняется не только субъектъ права на отчуждаемый участокъ, но и весь характеръ пользованія.

Такое отчужденіе есть, поэтому, не только отчужденіе utilitatis publicae causa, но и ad usum publicum, и въ результатѣ его тотъ или иной участокъ земли изъ res in commercio обращается въ res extra commercium, обращается въ res publica (музей, водопроводъ) или въ res omnium communis (площадь, скверъ, улица). Нетрудно видѣть, что этого характера денатураціи и обобществленія отчуждаемыхъ земель совершенно чуждо принудительное отчужденіе гг. Кутлеровъ и Мануйловыхъ. Оно ни въ чемъ не измѣняетъ, не денатурируетъ пользованія отчуждаемыхъ земель, которое остается такимъ же земледѣльческимъ и такимъ же индивидуальнымъ, какъ было у прежняго владѣльца, съ тою только разницей, что при такой противуправовой революціи, которая замѣнитъ прежняго владѣльца новымъ, послѣдній неизбѣжно понизитъ производительность отчуждаемой въ его пользу земли, и сама земля эта изъ высшей экономической формы отрубного владѣнія превратится въ форму низшую—черезполосную [1]). Но если, при соблюденіи извѣстныхъ гарантій, можно въ цѣляхъ общественнаго интереса взять вещь у Петра и Ивана и обратить эту вещь въ общественное пользованіе, то эту же вещь нельзя съ правовой точки зрѣнія взять у Ивана, чтобы передать ее Петру. А къ такой передачѣ земли изъ однихъ рукъ въ другія именно и стремятся проекты гг. Мануилова и Кутлера.

Не ослабляетъ сдѣланнаго вывода о безправномъ, революціонномъ характерѣ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель и то соображеніе, что предполагается отчуждать не всю частновладѣльческую землю, а только часть ея. Ибо нельзя утѣшать себя мыслью, что если часть собственности уйдетъ изъ рукъ собственника, то за то останется въ цѣлости другая часть

[1]) Къ этимъ двумъ основнымъ различіямъ правового отчужденія отъ безправнаго присоединяется и громадное практическое различіе обоихъ актовъ; въ то время какъ первое является не правиломъ, а въ видѣ исключенія (отчужденіе подъ желѣзную дорогу, водопроводъ, канализацію и т. п.), отчужденіе земель частнаго владѣнія съ цѣлью дополнительнаго надѣла получаетъ у авторовъ проектовъ всеобщее значеніе и рискуетъ охватить громадную территорію.

ея. Нельзя не привести по этому поводу вѣщихъ словъ автора замѣтки въ № 10711 «Новаго Времени»: «Если у меня сегодня можно взять «принудительно», т. е. безъ моего согласія и вопреки моей волѣ, половину, треть или хотя бы только пятую часть моей земли, то кто же мнѣ поручится, что завтра у меня не возьмутъ принудительно и того, что сегодня оставлено? Надо быть великимъ оптимистомъ или человѣкомъ безъ головы, чтобы послѣ разъ сдѣланнаго «принудительнаго» отчужденія частной земли землевладѣлецъ продолжалъ смотрѣть на свою землю, какъ на неотъемлемую собственность, а только при такомъ взглядѣ на землю собственники могутъ вкладывать въ нее свой трудъ, свои знанія, свои капиталы. Вопросъ о томъ, сколько отнимутъ земли у однихъ, чтобы отдать другимъ, вопросъ второстепенный. Достаточно, чтобы разъ такой разгромъ земельной собственности былъ произведенъ въ какомъ бы то ни было масштабѣ, чтобы все частное землевладѣніе сдѣлалось призрачнымъ и утратило то значеніе и тотъ интересъ въ глазахъ собственника, который служитъ ему неизсякаемымъ стимуломъ заботъ о землѣ, хлопотъ объ улучшеніи хозяйства и проч. Тогда помѣщикъ на своей землѣ будетъ чувствовать себя, какъ чувствуетъ себя крестьянинъ-общинникъ на мірской землѣ... Тогда надъ всей сельскохозяйственной культурой нашей надо будетъ поставить крестъ, ибо вся наша сельскохозяйственная культура, какъ она ни слаба, развивалась всетаки на земляхъ частнаго владѣнія, а не на мірскихъ крестьянскихъ земляхъ, которыя только истощаются хищнической эксплоатаціей ихъ. А затѣмъ, если велѣніемъ закона можно, ничтоже сумняся, отобрать у помѣщиковъ земли, чтобы отдать ихъ крестьянамъ, то почему же нельзя тѣмъ же самымъ порядкомъ отобрать у капиталистовъ ихъ фабрики и заводы для передачи рабочимъ?[1]). Почему нельзя будетъ сдѣлать то же са-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что и технически и съ точки зрѣнія дальнѣйшаго справедливаго распредѣленія гораздо легче осуществить передачу фабрикъ рабочимъ и городскихъ домовъ квартирантамъ, чѣмъ передать частновладѣльческую землю крестьянамъ. *А. С.*

мое съ домами, съ денежными капиталами, со всякой другой собственностью? Вѣдь всякая собственность мѣряется на одну и ту же монету, и въ конечномъ результатѣ «принудительное отчужденіе» собственности однихъ въ пользу другихъ сведется къ одному и тому же вопросу: у кого сколько отнято и кому сколько досталось изъ отнятого? Лиха бѣда начать. А разъ гражданскій законъ впишетъ на свои страницы «захватное право» по отношенію къ земельной собственности, хотя бы на первое время рядомъ съ правомъ собственности для всѣхъ другихъ имуществъ, — дѣло будетъ сдѣлано, и неотразимая логика новаго принципа возьметъ свое, хотѣли бы мы этого или не хотѣли».

Законодатель 19-го февраля придавалъ настолько большое значеніе неприкосновенности права частной собственности, что считалъ нужнымъ гарантировать эту неприкосновенность особымъ торжественнымъ обѣщаніемъ, что «помѣщики, надѣливъ крестьянъ въ постоянное пользованіе за установленныя повинности землею, не обязаны впредь ни въ какомъ случаѣ надѣлять ихъ какимъ бы то ни было, сверхъ того, количествомъ земли». Неприкосновенность права собственности была подтверждена извѣстнымъ словомъ Императора Александра III, сказаннымъ собравшимся въ Москвѣ, во время торжествъ Священнаго Коронованія, волостнымъ старшинамъ; эту неприкосновенность неоднократно подтверждалъ и нынѣ царствующій Государь. Поэтому, казалось бы, самая мысль о «принудительномъ отчужденіи» частновладѣльческихъ земель должна быть признана революціонной и противорѣчащей духу и буквѣ закона; самое обсужденіе возможности такого отчужденія противорѣчитъ идеѣ права и, строго говоря, незаконно. И особенное значеніе получаютъ эти соображенія именно съ точки зрѣнія переживаемыхъ нынѣ измѣненій нашего государственнаго строя, на которыя общественное мнѣніе склонно смотрѣть, какъ на превращеніе Россіи изъ полицейскаго государства въ правовое, какъ на эволюцію строя патріархально-деспотическаго въ строй правовыхъ гарантій. Но какова, спрашивается, можетъ быть внутренняя цѣнность этихъ гарантій, если новый строй начнетъ свое существованіе какъ разъ

именно ниспроверженіемъ того основного человѣческаго права, съ наипрочнѣйшей гарантіей котораго и долженъ былъ бы прежде всего начать зарождающійся правовой порядокъ, какъ то вытекаетъ изъ теоріи и какъ оно и было во всѣхъ историческихъ примѣрахъ правового государства? Это капитальное, заключенное въ самой глубинѣ переживаемаго нынѣ общественнаго движенія, противорѣчіе, противорѣчіе совершенно непримиримое, чревато весьма большими послѣдствіями и не можетъ не навести наблюдателя на весьма грустныя размышленія.

Правовая сторона аграрныхъ вопросовъ, имѣющая столь первенствующее значеніе для ихъ правильнаго разрѣшенія, настолько не пользуется у насъ вниманіемъ, что не только цѣховые дипломодатели въ стилѣ гг. Мануиловыхъ, но даже такіе серьезные изслѣдователи, какъ бывшій министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ, проявляютъ порою въ этихъ вопросахъ совершенно непонятную какъ бы «принудительную отчужденность» отъ права. Нельзя сомнѣваться въ самомъ дѣлѣ, что сказанный авторъ видитъ различія между правовымъ отчужденіемъ въ цѣляхъ boni publici и безправнымъ и деспотическимъ актомъ «принудительнаго отчужденія» съ цѣлью передачи земли отъ однихъ землевладѣльцевъ другимъ, отъ Петра Ивану. Авторъ не только видитъ это различіе, но очень ясно его подчеркиваетъ въ статьѣ своей, появившейся въ № 408 газеты «Слово». И вдругъ въ той же самой статьѣ онъ къ совершенно несомнѣннымъ случаямъ правомѣрнаго отчужденія (выкупъ водопоевъ) относитъ и такіе случаи, какъ отчужденіе «отрѣзныхъ участковъ», выгоновъ и т. п. Между тѣмъ, если совершенно ясна общественная цѣль при обязательномъ выкупѣ водопоевъ, при чемъ пользованіе выкупаемой территоріи явно денатурируется и обобществляется, то совершенно иначе стоитъ вопросъ объ «обрѣзныхъ» земляхъ и выгонахъ. Названіе земель обрѣзными есть, какъ извѣстно, не болѣе какъ историко-экономическое переживаніе, на основаніи котораго нельзя никоимъ образомъ строить разсужденія о какой-либо особой юридической природѣ этихъ земель, а также и выгоновъ. Это такія же, земли какъ и остальныя нераздѣльныя съ ними

земли частныхъ владѣльцевъ, при этомъ отчужденіе ихъ отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ не будетъ ни денатураціей пользованія ими, ни обобществленіемъ его, а потому никоимъ образомъ не можетъ быть конструируемо, какъ правомѣрное. Еще болѣе удаляется А. С. Ермоловъ отъ правового анализа, когда начинаетъ говорить о «принудительномъ отчужденіи» частновладѣльческихъ земель, «издавна находящихся въ фактическомъ пользованіи сосѣднихъ крестьянъ», или, напр., земель, прилегающихъ къ надѣламъ такихъ крестьянъ, которые вышли на дарственный или низшій надѣлъ. Но нетрудно видѣть, что, какъ бы долго ни продолжалось арендное пользованіе крестьянъ частновладѣльческой землею, такое прекарное и зависимое пользованіе не можетъ дать арендаторамъ никакого титула на пріобрѣтеніе этихъ земель. Право собственности въ томъ-то и состоитъ, что оно поглощаетъ всякое иное право, и если моя земля хотя бы вѣчно находилась въ арендѣ, она отъ этого не менѣе моя, чѣмъ та, которую я обработываю личнымъ трудомъ. Впрочемъ въ вопросѣ объ арендныхъ земляхъ А. С. Ермоловъ неправъ и съ чисто практической стороны. Отчужденіе арендныхъ земель не только не въ интересѣ арендаторовъ, но, какъ разъ наоборотъ, подорветъ въ корнѣ ихъ благосостояніе, ибо съ этимъ отчужденіемъ связана, какъ мы видѣли, передача пользованія арендными землями отъ современныхъ арендаторовъ малоземельнымъ обществамъ, что совершенно не одно и то же. Безцѣльно, какъ мы видѣли, въ экономическомъ отношеніи и надѣленіе землей дарственниковъ и «малоземельныхъ». Съ правовой же стороны отчужденіе частновладѣльческихъ земель съ цѣлью надѣленія дарственниковъ и малоземельныхъ настолько же не выдерживаетъ критики, насколько не выдерживаетъ ея отчужденіе земель арендныхъ: нетрудно, въ самомъ дѣлѣ, убѣдиться, что и въ первомъ, и во второмъ случаѣ такое принудительное отчужденіе было бы лишено существенныхъ признаковъ отчужденія utilitatis publicae causa, т. е. денатураціи пользованія отчужденными землями и обращенія его изъ частнаго въ общественное. Произошелъ же этотъ рядъ недоразумѣній оттого, что къ чисто правовому разсмотрѣнію

вопроса о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель авторъ подошелъ, исходя изъ совершенно неправового понятія «крестьянъ даннаго имѣнія». Благодаря же этой допущенной имъ правовой путаницѣ, почтенный авторъ, столь глубоко убѣжденный въ полной ненужности, пагубности и пошлости всего этого современнаго фарса о дополнительномъ надѣлѣ и столь краснорѣчиво и авторитетно изобличавшій въ рядѣ прекрасныхъ статей всю пустоту толковъ о малоземельи, самъ волею судебъ сыгралъ въ руку своимъ противникамъ. Ибо нельзя съ правовой стороны быть противъ «принудительнаго отчужденія» вообще, но за него въ частности въ вопросѣ объ обрѣзныхъ и арендныхъ земляхъ, или въ вопросѣ о дарственникахъ или малоземельныхъ. Какъ было показано выше, и со стороны экономической нельзя быть за дополнительный надѣлъ однихъ категорій крестьянъ при отрицаніи дополнительнаго надѣла вообще, ибо всякое дополнительное надѣленіе есть экономическая нелѣпость, подобно тому какъ всякое принудительное отчужденіе земли отъ Петра Ивану есть нелѣпость правовая.

Мысль объ экономическо-правовой нелѣпости принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель съ цѣлью дополнительнаго надѣленія крестьянъ этими землями подкрѣпляется и со стороны вопроса о выкупѣ отчуждаемыхъ земель. Говорятъ, что земля должна выкупаться по цѣнамъ нормальнымъ, справедливымъ. Но что̀ такое есть справедливая цѣна — этого не опредѣляютъ, и по той простой причинѣ, что этого вообще опредѣлить нельзя. Можно только сказать, что то ближайшее опредѣленіе «справедливой» оцѣнки, которое дается авторами проектовъ, т. е. что выкупныя цѣны не должны быть цѣнами рыночными, не можетъ не поселить въ каждомъ полной увѣренности въ томъ, что именно справедливой не можетъ быть даже приблизительно намѣчаемая выкупная оцѣнка.

Вопросъ о земельныхъ цѣнахъ настолько самъ по себѣ вопросъ большой и сложный, что онъ не можетъ быть разсмотрѣнъ въ настоящихъ замѣткахъ. Но нельзя не замѣтить, что довольно модныя у насъ рѣчи о томъ, что существующая рыночная цѣна на землю есть нѣчто произвольное и не соотвѣтствующее дѣйствительной стоимости земли — эти рѣчи суть рѣчи вздорныя и основанныя на недоразумѣніи. Эти наши рыночныя цѣны упрекають въ томъ, что онѣ опредѣляются не доходностью земли, а чѣмъ-то инымъ. Но можно замѣтить, что вообще никогда и нигдѣ цѣна на землю не опредѣлялась ея доходностью. Въ томъ, что моментъ доходности есть въ дѣлѣ земельныхъ цѣнъ моментъ совершенно второстепенный, убѣждаетъ, напримѣръ, рыночная стоимость огородныхъ земель. Даютъ онѣ большой доходъ, да не всякому нужны. Продавая ихъ, придется всегда считать себя, съ точки зрѣнія доходности, продешевившимъ. Лѣсные вырубы не даютъ никакого дохода, но—напр. въ Бѣлоруссіи, гдѣ развито лядное хозяйство,—стоютъ очень дорого. Въ огромной части Россіи лѣсныя имѣнія даютъ меньшій подесятинный доходъ, чѣмъ малолѣсныя; между тѣмъ по другимъ понятнымъ причинамъ имѣнія лѣсныя идутъ въ продажѣ дороже малолѣсныхъ. Земельныя цѣны въ данной мѣстности являются результатомъ цѣлаго ряда факторовъ, отчасти и не экономическаго характера. Эти факторы весьма трудно учитываются въ отдѣльности, но они объединяются въ томъ явленіи, которое зовется спросомъ на землю. Цѣнъ «ненормальныхъ», а равнымъ образомъ спроса на землю «нездороваго или искусственнаго» быть не можетъ, ибо каждая реальная сдѣлка по покупкѣ земли не можетъ имѣть другого какого-либо основанія, кромѣ реальныхъ, конкретныхъ интересовъ лицъ, непосредственно въ данной сдѣлкѣ заинтересованныхъ. Земля не тюльпаны, цѣну которыхъ довела до баснословнаго размѣра голландская мода XVII вѣка, и разъ данная цѣна за эту землю заплочена, то эта цѣна есть для этой земли цѣна нормальная. Но изъ этого не слѣдуетъ, что та же цѣна будетъ нормальной для земли сосѣдней. Даже болѣе того: та же самая земля въ рукахъ одного продавца можетъ стоить дороже, а при другомъ владѣльцѣ дешевле; и одинъ поку-

патель можетъ заплатить за ту же землю дороже сравнительно съ другимъ: такова всепроникающая связь земли съ личностью владѣльца. Но каждая изъ этихъ разныхъ цѣнъ на одну и ту же или сосѣднюю землю будетъ цѣной нормальной, вытекая изъ совокупности всѣхъ конкретныхъ и реальныхъ условій данной сдѣлки. Вотъ это-то свойство реальныхъ цѣнъ на землю—отражать всѣ связанные съ землею реальные факторы, столь прекрасно выраженное въ народной пословицѣ: Богъ цѣны строитъ— и забываютъ нерѣдко сторонники полицейско-теоретической регламентаціи.

Вообще разговоры о преувеличенности, вздутости рыночныхъ цѣнъ на землю въ Россіи и искусственномъ возбужденіи спроса на нее представляютъ собою нѣчто удивительное. Утверждать подобныя нелѣпости можно лишь, совершенно отрѣшившись отъ дѣйствительности. Въ цѣломъ обширномъ раіонѣ обширный историческій классъ населенія—богатые и привязанные къ землѣ польскіе помѣщики лишены права пріобрѣтать землю. Существуетъ цѣлый рядъ подобнаго же рода ограниченій правоспособности евреевъ. А какое могущественное препятствіе къ спросу на землю со стороны крестьянъ представляютъ собою господствующія формы ихъ землепользованія, о чемъ достаточно было говорено въ этихъ замѣткахъ. Не возбужденъ искусственно, но, наоборотъ, до-нельзя сокращенъ у насъ правительственной политикой спросъ на землю. Достаточно съѣздить, напримѣръ, въ Ковенскую губернію, чтобы убѣдиться, какая громадная разница, не оправдываемая разницей доходности, существуетъ въ цѣнахъ на земли, лежащія по обѣ стороны границы у Вержболова. И качество земли, и условія хозяйства, и даже густота населенія въ приграничной полосѣ приблизительно одинаковы. Между тѣмъ земли за Вержболовомъ, въ Пруссіи, втрое дороже, чѣмъ по сю сторону Вержболова. И это совершенно понятно, если вспомнить хотя бы только одну разницу въ защитѣ права собственности у насъ, гдѣ безнаказанно совершаются разгромы цѣлыхъ уѣздовъ, и въ Пруссіи, гдѣ не пропадаетъ ни одного сучка изъ лѣсу, ни одного яблока изъ сада. Въ виду этого можно быть совершенно увѣреннымъ, что,

измѣнись у насъ хотя бы только гражданско-правовое положеніе отдѣльныхъ группъ населенія и административно-судебная защита собственности, современная средняя цѣна въ 200 рублей за десятину въ самомъ близкомъ будущемъ поднялась бы до 400 рублей.

Но всетаки, если какія-нибудь цѣны на землю могутъ быть до извѣстной степени названы справедливыми, то только цѣны рыночныя. Опредѣлять нормальную цѣну по доходности, кромѣ вышеуказанныхъ теоретическихъ соображеній, уже потому было бы неправильно, что практически весьма трудно опредѣлить именно эту доходность, ибо въ доходность земли входитъ цѣлый рядъ такихъ благъ, которыя либо получаются не ежегодно, а чрезъ извѣстный промежутокъ времени (напримѣръ продажа лѣса), либо вообще трудно переводимы на деньги (напримѣръ польза и дешевизна деревенской жизни, степень удовлетворительности отношеній съ крестьянами, отражающаяся на всѣхъ отрасляхъ хозяйства, высшая кредитоспособность лица, владѣющаго землею), либо даже суть блага не хозяйственныя, какъ, напримѣръ, возвышенное общественное положеніе и вліяніе крупнаго земельнаго собственника. Кромѣ того неразрѣшимъ вопросъ о томъ, что собственно разумѣть подъ доходностью: чистый ли доходъ всего организма имѣнія или среднюю арендную плату. Споренъ даже вопросъ о томъ, что такое чистая доходность: входитъ ли въ нее и та часть поступленій, которая прямо обусловливается уничтоженіемъ капитала, напримѣръ истощеніемъ почвы или хищнической эксплоатаціей лѣса, и не должна ли въ нее, наоборотъ, включаться и та неполучаемая деньгами часть ея, которая состоитъ въ постоянномъ увеличеніи самого хозяйственнаго капитала: напримѣръ отъ усиленнаго удобренія, осушенія, лѣсоразведенія или даже отъ чисто рыночныхъ причинъ увеличенія цѣнности имѣнія. Отсюда видно, до чего сложна эта бухгалтерія доходности, и при такихъ условіяхъ самое указаніе на доходность, какъ на основаніе опредѣленія стоимости земли, обращается въ пустой звукъ. Но и иное теоретическое опредѣленіе, напримѣръ по существующимъ въ мѣстности среднимъ продажнымъ цѣнамъ, не мо-

жетъ дать въ результатѣ конкретно-справедливой цѣны, ибо самыя мельчайшія разницы въ положеніи даннаго участка относительно рынка или рабочихъ рукъ, разницы въ качествѣ земли и ея распредѣленія по угодьямъ, въ общей сложности даютъ столь существенную разницу въ ея оцѣнкѣ, что послѣдняя можетъ до безконечности видоизмѣняться, сравнительно съ абстрактной средней. Опредѣлить же эти различія каждаго конкретнаго участка, очевидно, не подъ силу никакой комиссіи. Но мало и этого: самыя тѣ среднія цѣны, которыя, на первый взглядъ, могли бы служить основаніемъ къ объективной оцѣнкѣ выкупаемыхъ земель, суть цѣны завѣдомо невѣрныя. Всѣмъ извѣстно, что при продажѣ цѣна обыкновенно уменьшается въ оффиціальныхъ документахъ съ цѣлью уменьшить сумму причитающихся казенныхъ пошлинъ. Нерѣдко продажная цѣна уменьшалась оффиціально и съ иною цѣлью, съ цѣлью, напримѣръ, ввести въ заблужденіе Крестьянскій банкъ, отказывающій иногда въ ссудѣ, когда земля кажется банку запроданной по «искусственно-повышенной» цѣнѣ. Но и кромѣ этихъ случаевъ, представляющихъ собою правило, а не исключеніе, не слѣдуетъ забывать, что вообще продаются, и въ особенности крестьянамъ, не лучшія и даже не среднія, а худшія земли. За хорошую землю каждый хозяинъ держится крѣпко и только въ крайнемъ случаѣ рѣшается разстаться съ ней [1]). Такимъ образомъ оффиціальныя данныя о земельныхъ цѣнахъ, не говоря уже о ихъ завѣдомой невѣрности, даже и въ томъ случаѣ, если бы они были вѣрны, всетаки не могли бы служить настоящей фотографіей средней цѣнности земли. Ибо это—фотографія только худшихъ по качеству или положенію земель и потому искаженная. Какъ же можно по такой фотографіи судить о земляхъ лучшихъ? А гг. авторы проектовъ собираются выкупить цѣлыхъ 30 милліо-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ тѣхъ даже сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда порою случайно попадаетъ на рынокъ какое-нибудь великолѣпное имѣніе, то оно идетъ въ продажу въ полномъ составѣ, оптомъ. И такая оптовая цѣна отнюдь не можетъ даже близко подойти къ цѣнамъ какого-либо отдѣльнаго участка изъ того же имѣнія.

новъ десятинъ, въ которыя не могутъ не попасть и лучшія земли. Такимъ образомъ совершенно ясно, что никакой принудительный выкупъ не можетъ сколько-нибудь близко подойти къ справедливой оцѣнкѣ, потому не можетъ, что онъ лишенъ того единственнаго средства приблизительно справедливой оцѣнки, которое заключается въ добровольномъ соглашеніи заинтересованныхъ сторонъ, отражающемъ всю совокупность естественныхъ, экономическихъ и иныхъ факторовъ цѣнности даннаго конкретнаго участка земли. Принудительный выкупъ именно потому не можетъ быть справедливымъ, что онъ есть принудительный.

Было замѣчено, что оцѣнка земли и по добровольному соглашенію можетъ быть справедлива только приблизительно. Проистекаетъ это изъ свойства земли, какъ товара, не увеличивающагося въ количествѣ при постоянно увеличивающемся населеніи. Отсюда вытекаетъ то положеніе, что, какъ бы сравнительно дорого не заплатилъ я за землю, въ конечномъ итогѣ я не прогадаю, купивъ ее, и, съ другой стороны, я въ конечномъ итогѣ всегда теряю, лишившись принадлежащей мнѣ земли, какъ бы щедро ни былъ я вознагражденъ за это лишеніе. Поэтому съ болѣе широкой точки зрѣнія продавецъ земли будетъ всегда въ убыткѣ, а покупатель всегда въ барышѣ, ибо земельныя цѣны растутъ постоянно и неуклонно и будутъ безконечно расти въ нашей стадіи экономическаго развитія. Эту-то истину и имѣлъ въ виду отчасти, напримѣръ, Екатерининскій генералъ-прокурорскій наказъ, указывая, что для государственной пользы слѣдуетъ поступаться частными интересами, но что эту уступку для владѣльцевъ необходимо обратить въ удовольствіе. Этимъ принципомъ, какъ извѣстно, и регулируется доселѣ повсемѣстно размѣръ вознагражденія за отчужденіе земли utilitatis pubicae causa. Но въ томъ-то лишній разъ и обнаруживаютъ авторы нашихъ проектовъ ту глубокую экономически-правовую пропасть, которая лежитъ между подобнымъ правомѣрнымъ государственнымъ отчужденіемъ и намѣчаемымъ ими безправнымъ актомъ варварскаго произвола, что они не только не обставляютъ вопроса о вознагражденіи владѣль-

цевъ отчуждаемыхъ земель общепринятыми гарантіями, но подъ девизомъ «справедливаго вознагражденія» предполагаютъ именно ограбить классъ русскихъ собственниковъ [1]). На отдаленно даже приближающійся къ справедливому размѣръ вознагражденія ни у какой казны, очевидно, не хватитъ денегъ. Между тѣмъ, какъ уже указывалось, для удовлетворенія той живой потребности въ землѣ, удовлетворенію которой должна содѣйствовать здоровая аграрная политика, вовсе и не требуется столь большихъ капиталовъ. Эта потребность можетъ исподволь удовлетворяться изъ обыкновенныхъ бюджетныхъ источниковъ государства, къ общему удовольствію и пользѣ и лицъ, ищущихъ земли, и остальныхъ плательщиковъ государственныхъ налоговъ.

Извѣстно евангельское повѣствованіе о бѣсахъ, силою Промысла Божія вышедшихъ изъ бѣсноватаго и вселившихся въ стадо нѣкіихъ четвероногихъ, которыхъ бѣсы тутъ же ввергли въ воду, гдѣ и потопили. Но и другія животныя, и безъ непосредственнаго участія Божественной воли, нерѣдко гибнутъ, поддаваясь инстинктивнымъ движеніямъ. Такъ, напримѣръ, крымскимъ жителямъ извѣстно, что въ бурю порою въ неудержимой паникѣ бросаются въ море и погибаютъ въ немъ цѣлыя стада овецъ, какъ бы привлекаемыя самой грозящей имъ опасностью. Инстинктъ самосохраненія, этотъ основной инстинктъ жизни, подверженъ такимъ образомъ разнообразнымъ аберраціямъ. Можно предположить, что въ подобныя минуты паники животныя не только не сознаютъ опасности, но какъ бы чувствуютъ неотразимую необходимость такого потопленія въ морѣ, и очень жаль, что бараны, обдирае-

---

[1]) Рекордъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно А. А. Исаеву, который такъ добръ, что соглашается отобрать частновладѣльческія земли за половину цѣны; впрочемъ, эта щедрость распространена только на среднія имѣнія, ибо «прогрессивное пониженіе цѣны (по мѣрѣ увеличенія площади имѣнія) должно итти безостановочно, пока она не упадетъ до нуля» (Смута и Земельный вопросъ, стр. 36). И это еще не лучшій изъ перловъ А. А. Исаева.

мые волками, не оставляютъ своихъ мемуаровъ. Можно думать, что они погибаютъ, загипнотизированные взоромъ свирѣпаго хищника съ вполнѣ парализованными хотѣніемъ и волей; можетъ быть они чувствуютъ даже нѣкоторое удовольствіе въ послѣднихъ минутахъ своей жизни, а къ виновнику своего конца чувствуетъ даже нѣкотораго рода трусливую признательность.

Подобное трусливое смиреніе и полная атрофія здоровой мысли и воли, въ соединеніи съ предвкушаемымъ похмельемъ нѣкоего тайнаго удовольствія сквозитъ невольно въ рѣчахъ, настроеніяхъ и поступкахъ значительной части нашей высшей и средней земельной интеллигенціи подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія «аграрныхъ» безпорядковъ и всей той трагикомедіи нашей общественной жизни, которая за послѣдніе два года разыгралась подъ именемъ новоявленнаго аграрнаго вопроса. Что «принудительное отчужденіе» вошло въ повседневный оборотъ мысли нашей инородческой интеллигенціи, въ 9/10 не связанной органически ни со страной, давшей ей пріютъ, ни съ одной изъ отраслей производительнаго народнаго труда, это представляется совершенно понятнымъ. «Принудительное отчужденіе» интересуетъ эти группы, какъ одинъ изъ членовъ той теорической экономическо-политической формулы, которая по ихъ разсчету, можно думать ошибочному, должна привести ихъ къ чисто практическимъ, вполнѣ понятнымъ съ ихъ точки зрѣнія, цѣлямъ. Кромѣ того дѣйствія и хотѣнія этихъ группъ подсказываются инстинктомъ маклерства, куртажа и комиссіи, имѣющимъ столь существенное значеніе въ ихъ житейской дѣятельности. Предположеніе, что маклерство «принудительнаго отчужденія» можетъ оказаться столь же выгоднымъ, какъ и иныя сферы маклерской дѣятельности, заключаетъ въ себѣ несомнѣнную долю здраваго смысла. Равнымъ образомъ объяснимо и сочувственное болѣе или менѣе отношеніе къ «принудительному отчужденію» среди хотя и безземельныхъ, но связанныхъ съ промысломъ и идеей отечества классовъ торговопромышленныхъ, несмотря на то, что это «отчужденіе» грозитъ прямымъ разореніемъ (стр. 45) и классу торговопромышленному. Объясняется это сочувствіе глубокимъ...

невѣжествомъ этихъ классовъ въ деревенскихъ вопросахъ и полной отчужденностью ихъ отъ интересовъ той деревни, на счетъ которой они выросли. Но, за исключеніемъ великосвѣтскихъ барынь, нельзя говорить о подобномъ невѣжествѣ и отчужденности отъ деревенской жизни въ средѣ нашихъ землевладѣльцевъ, крупныхъ и мелкихъ, чиновныхъ и нечиновныхъ, либеральныхъ и консервативныхъ. И если не только ихъ обиходный словарь, но и самыя понятія ихъ въ сферѣ, казалось бы, долженствующей имѣть для нихъ первостепенное значеніе, подсказываются революціей, то это обстоятельство необъяснимо внѣ аналогіи съ вышенамѣченной гипотезой о психологіи барана, обдираемаго волкомъ.

Если даже отдѣльные, стоящіе выше общаго уровня, вдумчивые изслѣдователи поддаются отчасти, какъ мы видѣли, вліянію атмосферы, воздѣйствію среды, воздѣйствію, съ одной стороны, всей той невѣжественной дребедени, которую ежедневно приходится читать и выслушивать, а съ другой стороны тѣхъ впечатлѣній мрака и ужаса, которыми наполнена теперь жизнь, то можно ли удивляться тому паническому страху, тому безволію и безмыслію, которыя овладѣли въ наши дни толпами всякихъ собраній, съѣздовъ и совѣщаній. Дворянства цѣлыхъ губерній входятъ съ заявленіями о своей готовности подѣлиться землей съ крестьянами. Земскіе съѣзды, состоящіе почти сплошь изъ помѣщиковъ, уже давно выставляютъ этотъ дѣлежъ своей земли однимъ изъ своихъ основныхъ требованій. Это же требованіе выставляется и тѣми изъ нашихъ вновь народившихся партій, которыя завѣдомо руководятся лицами изъ помѣщичьяго класса. Даже собравшійся въ Москвѣ въ январѣ 1906 года съѣздъ предводителей дворянства, съѣздъ спеціально по аграрному вопросу, не только не высказалъ горячаго протеста противъ идеи принудительнаго отчужденія, что̀ являлось его первѣйшей, казалось бы, и самой естественной обязанностью, но даже допустилъ въ своей резолюціи именованіе «аграрными» безпорядками того дикаго разбойничьяго движенія, которое прошлою осенью уничтожило многія сотни частновладѣльческихъ хозяйствъ. Это разбойничье

революціонное движеніе, съ легкой руки революціонеровъ и газетной терминологіи, неоднократно было называемо аграрнымъ и въ офиціальныхъ донесеніяхъ губернаторовъ и царскихъ генералъ-адъютантовъ. Но предводительскій съѣздъ не могъ не знать, что такое именованіе заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, глубокую неправду, а во-вторыхъ, что неправда эта можетъ быть чревата крупными послѣдствіями. Ибо, если осенніе погромы помѣщичьихъ усадебъ происходили дѣйствительно на аграрной почвѣ въ томъ количественно-территоріальномъ смыслѣ, который придается этому понятію общественнымъ мнѣніемъ, то дѣйствительно можно придти логически къ тому выводу, къ которому пришла введенная въ заблужденіе часть общественнаго мнѣнія. Между тѣхъ именно изъ анализа картины такъ называемыхъ «аграрныхъ» безпорядковъ можно почерпнуть полное убѣжденіе въ томъ, что у насъ вообще нѣтъ никакого аграрнаго вопроса, въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать это выраженіе. Именно аграрнаго-то ничего и не было въ такъ называемыхъ «аграрныхъ» безпорядкахъ, и на эту важную сторону дѣла долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе январскій съѣздъ предводителей, нашедшій между тѣмъ возможнымъ заниматься такими даже пустяками, какъ, напр., ходатайство о предоставленіи земледѣльцамъ казенныхъ «лѣсныхъ площадей, которыя могутъ быть обращены въ другой видъ угодій». Съѣздъ долженъ былъ указать, что противъ навязываемаго деревенскимъ волненіемъ «аграрнаго» значенія говоритъ прежде всего повсемѣстность этихъ волненій. Волненія происходили вездѣ: они коснулись и многоземельныхъ казенныхъ крестьянъ, и малоземельныхъ дарственниковъ; они происходили и на черноземѣ, и на менѣе плодородной тяжелой глинѣ, и на безплодномъ пескѣ. Они вспыхнули и въ Центральной земледѣльческой области, и на югѣ, гдѣ земля составляетъ главный, а мѣстами и единственный, источникъ пропитанія населенія. Но были они и на промышленномъ сѣверѣ, гдѣ земледѣліе имѣетъ лишь дополнительное, при другомъ основномъ заработкѣ, значеніе. Были они и тамъ, гдѣ, какъ, напр., па востокѣ, земли много, и она дешева. Были они, наконецъ, и въ ближайшихъ окрестностяхъ

крупныхъ промышленныхъ центровъ, даже напр. подъ Петербургомъ, гдѣ земля дорога, но не имѣетъ для крестьянъ рѣшительно никакого значенія. Неужели и этихъ общихъ соображеній недостаточно для убѣжденія въ томъ, что не земля—поводъ и цѣль крестьянскихъ волненій? Неужели фактъ повсемѣстности движенія не даетъ основанія усумниться въ томъ, что дѣло такъ просто, такъ схематично, какъ оно представляется бюрократіи и интеллигенціи, хотя бы даже это представленіе опиралось на категорическія заявленія, идущія изъ среды самихъ крестьянъ.

Съѣзду предводителей не могли не быть извѣстны всѣ подробности происходившихъ волненій. Крестьяне мѣстные, т. е. именно тѣ, которые единственно и могли бы быть заинтересованы въ землѣ сосѣдняго имѣнія, нигдѣ не начинали погрома. Его совершали пришлыя за 20—30, иногда за 50 и болѣе верстъ толпы, предававшіяся грабежу или разрушенію и уничтоженію, — уничтоженію отго построекъ и того скота, которые именно и могли бы пригодиться субъектамъ «права» на владѣльческія имѣнія, которыя будто бы имѣлось въ виду установить погромами. Во многихъ экономіяхъ сжигались обильные запасы хлѣба, и это въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ. Не видно ли изъ этого, что движеніе не только не было аграрнымъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и вообще оно не было матеріальнымъ? Слишкомъ проглядываетъ въ немъ его въ нѣкоторомъ смыслѣ идейная, спиритуалистическая сторона. Вѣдь нѣкогда не только хлѣбъ—живыхъ людей сжигали ради идеи.

Въ Рязанской губерніи разгромъ имѣнія г. К., одного изъ культурнѣйшихъ въ Россіи, совершаютъ казенные крестьяне, не только въ землѣ не нуждающіеся, но сдающіе въ аренду часть своихъ даже надѣловъ. И вотъ эти сидящіе на черноземѣ крестьяне идутъ за 30 верстъ въ песчаную мѣстность и предаютъ потоку и разграбленію обширную и богатую экономію, источникъ крупныхъ заработковъ мѣстныхъ крестьянъ. Можно ли удивляться, что на третій день погрома, когда все уже было сожжено и сбѣжала администрація имѣнія, бросивъ его на произволъ судьбы, стали подбирать остатки и мѣстные крестьяне? Ну, а не крестьяне даже,

а болѣе просвѣщенные и вовсе съ землей не связанные люди, удержались ли бы при такихъ условіяхъ отъ удовольствія похозяйничать въ разоренной и брошенной усадьбѣ? Думаю, что удержались бы очень немногіе. Да и кромѣ цѣлей неправильнаго обогащенія, хотя бы въ формѣ сувенира о погромѣ, многіе ли изъ людей культурнаго общества отказались бы отъ впечатлѣній пылающей усадьбы и вида «соціальной революціи» въ лицахъ? Мнѣ лично извѣстны иностранцы, спеціально пріѣхавшіе въ Россію, чтобы смотрѣть на революцію. Да чтò говорить объ иностранцахъ. Мало ли среди городскихъ жителей есть отмѣнныхъ любителей пожаровъ, и не слѣдуетъ забывать, что Неронъ, какъ возможность, сидитъ въ любомъ изъ насъ. Въ Саратовской губерніи въ имѣніи князя П. Г. былъ совершенъ не только общій разгромъ имѣнія, не только былъ сожженъ вѣковой дворецъ владѣльца, но, напримѣръ, стѣны этого дворца взрывались порохомъ. Что же? И въ этомъ проявленіи разрушенія слѣдуетъ усматривать нѣчто аграрное, какой-либо хотя бы отдаленный намекъ на animus possidendi? Думается наоборотъ, что подобные случаи ясно обнаруживаютъ, что осеннее движеніе не только не было матеріальнымъ, но по источнику своему оно является вовсе не крестьянскимъ, а чисто городскимъ, революціоннымъ. Впрочемъ, это движеніе давно уже было въ программѣ и не спеціально революціонныхъ сферъ, на что имѣются указанія и въ книгѣ Аграрный вопросъ.

Техника погромовъ въ восточномъ раіонѣ была въ большинствѣ случаевъ организована слѣдующимъ образомъ. Дѣло начиналось съ поджога помѣщичьяго дома или хозяйственныхъ построекъ, совершаемаго большей частью весьма немногочисленной группой лицъ, чаще всего 2 — 3 человѣками, безусловно не крестьянами, а какими-то невѣдомыми, а иногда и вѣдомыми, пришельцами. Крестьянскія же толпы, подъ вліяніемъ предшествовавшей агитаціи спеціальныхъ эмиссаровъ, приступали къ погрому только тогда, когда пожаръ уже занялся. Такимъ образомъ зарево или дымъ пожара являлись какъ бы сигналомъ къ погрому въ вызванной пожаромъ суматохѣ, но самые пожары являются стоящими отдѣльно отъ погромовъ. Нельзя не видѣть, что это обстоятель-

ство совершенно измѣняетъ всю картину, и пресловутое «аграрное» движеніе оказывается обыкновеннымъ грабежомъ во время пожара, грабежомъ, порою обусловленнымъ прямымъ насиліемъ надъ волей грабителей со стороны подстрекателей и угрозой послѣднихъ поджечь всю деревню, если она откажется присоединиться къ погрому.

Я упоминалъ уже объ идейной сторонѣ погромовъ. Несмотря на несомнѣнное присутствіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ революціонной агитаціи, безъ которой погромовъ несомнѣнно вовсе и не было бы, слѣдуетъ замѣтить, что и одной агитаціи было бы недостаточно для вызова погромовъ. Вотъ тутъ-то и проступаетъ ихъ идейная сторона. Эта лежащая отчасти ниже порога сознанія область психологіи деревенскихъ народныхъ массъ есть область несомнѣнно темная и запутанная. Но поскольку возможно подмѣтить въ крестьянскихъ собственно волненіяхъ нѣкоторыя постоянныя идейно-психологическія черты, это суть несомнѣнно черты протеста не противъ собственности и собственниковъ, а противъ интеллигентовъ и интеллигенціи, ибо крупные землевладѣльцы въ глазахъ народа суть прежде всего представители интеллигенціи. Противъ собственности же русское крестьянство уже потому не можетъ возставать, что само оно вѣками именно о ней и грезитъ. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно чувствуетъ, что правящая интеллигенція завела родину въ тупикъ, и съ этой точки зрѣнія понятно, что крестьянство охотно поддается вліянію агитаторовъ, подстрекающихъ крестьянъ раздѣлаться съ помѣщиками; въ нихъ крестьяне видятъ прежде всего интеллигентовъ, и послѣднее отчасти по винѣ самихъ помѣщиковъ. Въ высшей степени характерно, что съ особенной силой проявились крестьянскіе волненія въ области Поволжья, т. е. въ той самой области, гдѣ въ прошлые вѣка разыгрались эпопеи Стеньки и Пугачевщины, преданія коихъ, повидимому, живы доселѣ. И съ этой точки зрѣнія особенно ярко характеризуетъ эти волненія, какъ не аграрныя, не матеріальныя, но, наоборотъ, какъ стихійныя проявленія скорѣе идейнаго порядка, то обстоятельство, что какъ разъ въ тѣхъ именно двухъ губерніяхъ, гдѣ волненія проявились

въ одной изъ наиболѣе рѣзкихъ формъ, т. е. въ Саратовской и Самарской[1]), крестьяне надѣлены землею не только въ вполнѣ достаточномъ размѣрѣ, но надѣлы этихъ губерній, особенно послѣдней, сравнительно съ остальной Россіей, могутъ быть названы даже колоссальными. Наоборотъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствительно возможно говорить о наличности аграрнаго вопроса въ придаваемомъ ему пространственно-земельномъ смыслѣ, т. е. гдѣ есть много некультурныхъ пустующихъ владѣльческихъ земель, при живой потребности въ этихъ земляхъ непрерывно укрѣпляющагося крестьянскаго хозяйства, тамъ крестьянскихъ волненій либо вовсе не было, а если они и проявлялись, то въ видѣ слабаго подражательнаго отголоска волненій на востокѣ и югѣ. Таковы нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности областей Сѣверо-западной и Московской промышленной. Это сопоставленіе должно, въ связи со всѣмъ предыдущимъ, окончательно убѣдить каждаго добросовѣстнаго наблюдателя, что въ такъ называемомъ «аграрномъ» движеніи именно аграрнаго-то и нѣтъ ничего. Любопытно, что подтвержденіе этой мысли можно найти и въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ движеніе имѣло не идейно-нравственный, но матеріальный импульсъ. Таковъ случай имѣнія г-жи К. въ Саратовской губерніи, расположеннаго на границѣ степной и лѣсистой полосъ; въ этомъ имѣніи развилась, вслѣдствіе счастливыхъ природныхъ условій, дачная и даже курортная жизнь. Въ описываемомъ случаѣ крестьяне рѣшили, захвативъ имѣніе, не обременять себя эксплоатаціей его земледѣльческимъ образомъ, но, продавъ большую часть земли и сохранивъ лишь дачную мѣстность, жить доходами, получаемыми отъ дачниковъ, и на проценты съ того капитала, который они получатъ за проданную землю. И это называется аграрнымъ движеніемъ!

---

[1]) По свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, помѣщеннымъ въ «Русскомъ Словѣ» отъ 9 апрѣля, эти двѣ губерніи стоятъ на первомъ мѣстѣ и по цифрѣ причиненныхъ безпорядками убытковъ, причемъ эта цифра приближается къ половинѣ общей цифры убытковъ по 20 губерніямъ, гдѣ происходили погромы (13.465,000 р. изъ 31.371,000 р.).

Но всетаки въ это движеніе повѣрили не только городскіе читатели газетъ, не только профессора, адвокаты и чиновники, не только потерявшіе голову власти, но—зрѣлище неожиданное—сами помѣщики. Такова сила внушенія, такова паника, вызванная этимъ внушеніемъ, такова убѣдительность волчьей аргументаціи, когда онъ собирается ободрать барана. И эта аргументація оказалась тѣмъ болѣе неотразимой, что баранъ и самъ по себѣ, безъ волчьей помощи, давно дошелъ собственнымъ умомъ до сомнѣнія въ своемъ правѣ на существованіе.

Не со вчерашняго дня наши земцы и помѣстные дворяне стали болѣе «государственными и общественными дѣятелями», т. е. попросту говоря чиновниками и интеллигентами, чѣмъ землевладѣльцами. Въ этой метаморфозѣ можно менѣе всего винить реформу 1861 года, но преобладающее среди общества неправильное отношеніе къ реформѣ и неправильное пониманіе ея послѣдствій создали то въ высшей степени неправильное и трагическое для судьбы всего народа положеніе, что представители землевладѣнія, какъ бы чураясь своихъ классовыхъ землевладѣльческихъ интересовъ, написали на своемъ знамени пароль и лозунгъ интересовъ «общегосударственныхъ». На практикѣ предводитель дворянства, т. е. помѣстнаго класса, менѣе всего руководится въ своей должности заботой о классовыхъ интерасахъ своихъ избирателей и ихъ охраною, и 3/4 его дѣятельности направляются не къ защитѣ этихъ интересовъ, а, наоборотъ, къ подтачиванію устоевъ землевладѣнія и его быта. Ходячія слова объ окончаніи роли дворянства, какъ помѣстнаго сословія, и направленіе всей его дѣятельности къ нуждамъ общегосударственнымъ выставлялись, вдобавокъ, какъ актъ особой мудрости, жизнеспособности и предусмотрительности нашего помѣщичьяго сословія, и клеймилась, наоборотъ, позоромъ «узкосословная эгоистическая политика дворянства» въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ она случайно имѣла мѣсто. Между тѣмъ историческіе примѣры, напр., сосѣдней съ нами Пруссіи, какъ разъ наоборотъ, показываютъ, что тамъ, гдѣ дворянство, какъ землевладѣльческій классъ, преслѣдовало именно узкую, такъ называемую «близорукую эгоистическую политику»,

не заботясь ни о другихъ классахъ, ни о нуждахъ общегосударственныхъ, тамъ оно не только само сохранило неприкосновенными всѣ свои права, не только защитило свои интересы и подняло нравственный престижъ, но и завоевало полное довѣріе живущаго съ нимъ совмѣстно крестьянскаго класса и на практикѣ, заботясь только о себѣ, сдѣлало гораздо больше въ интересахъ общегосударственныхъ, чѣмъ нашъ робкій, альтруистическій, себя самого и своихъ правъ какъ бы стыдящійся помѣщичій классъ, почти не имѣющій вліянія на живущее около него крестьянство[1]).

Этими психологическими особенностями современнаго русскаго дворянства продиктовано и трагическое отношеніе къ возникшимъ проектамъ «принудительнаго отчужденія». Человѣкъ, съ полнымъ сознаніемъ могущій сказать о своей жизни и своихъ классовыхъ интересахъ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,

[1]) Защитникомъ весьма стройной аргументаціи той же основной мысли, но съ нѣсколько иной точки зрѣнія, выступилъ гр. В. Ф. Дорреръ въ собраніи выборщиковъ Государственнаго Совѣта отъ дворянства. По мнѣнію графа, мысль о томъ, что дворяне должны выступить въ защиту общегосударственныхъ интересовъ, т. е. говорить отъ имени народа, есть мысль, несмотря на ея кажущуюся новизну и либиральность, въ существѣ самая ретроградная. Дѣло въ томъ,—пояснилъ графъ,—что дворянство имѣетъ право говорить отъ лица всего народа въ силу IX тома, но надо помнить, что IX томъ, хотя и не отмѣненъ юридически, но давно отмѣненъ жизнью. Теперь всѣ сословія, всѣ классы общества имѣютъ право говорить за себя и сами защищать свои интересы. Не выступитъ ли дворянство въ смѣшной роли, если самозванно возьметъ на себя говорить за всѣхъ? Разъ всѣ имѣютъ право говорить и защищать свои интересы, то въ этомъ правѣ не можетъ быть отказано и дворянству, но отсюда логически слѣдуетъ, что говорить оно можетъ не за всѣхъ, а только строго придерживаясь своей спеціальной сословной дворянской точки зрѣнія. Только эта дворянская точка зрѣнія на извѣстные государственные вопросы и интересна для Верховой Власти, ибо только выслушавъ всѣ мнѣнія, Верховная Власть будетъ дѣйствительно освѣдомлена и можетъ найти ту равнодѣйствующую линію, которой руководствуется мирная и нормальная жизнь страны.

естественно можетъ ожидать свободы и покоя только въ томъ, чтобы забыться и уснуть,—съ тою только разницей отъ забытья и сна столь ясно прозрѣвавшаго будущее поэта, что сонъ, мерещащійся теперь нашему дворянству, охотно идущему на встрѣчу «принудительному отчужденію» или, по крайней мѣрѣ, не протестующему противъ него сколько-нибудь энергично, именно будетъ тѣмъ холоднымъ сномъ могилы, который внушаетъ поэту такое отвращеніе. Относительно вошедшаго въ плоть и кровь нашего дворянства недоразумѣнія съ туманной общегосударственной ролью помѣщичьяго класса, вмѣсто ясной и опредѣленной эгоистической защиты своихъ классовыхъ интересовъ, слѣдуетъ замѣтить, что эта дворянская поза и лицемѣрна, къ тому же, въ высшей степени. Въ частности, по вопросу о «принудительномъ отчужденіи», на ряду съ добровольнымъ желаніемъ «итти навстрѣчу государственной необходимости», приходится нерѣдко слышать рѣчи и о томъ, что слѣдуетъ бросить собакѣ кость, чтобы она оставила васъ въ покоѣ. Въ этихъ словахъ ярче всего выступаетъ все то непониманіе, все то нежеланіе понять и обнаружить рѣшимость къ правильной постановкѣ вопроса, вся та сантиментальная жестокость нашего передового либеральствующаго общества, на совѣсти котораго столько грѣховъ предъ родиной. Но если вдуматься глубже въ эти роковыя слова, то содержаніе ихъ окажется то же, что въ широковѣщательныхъ рѣчахъ объ общегосударственной роли и назначеніи помѣстнаго дворянства и подчиненіи его классовыхъ интересовъ общегосударственнымъ.

Но мы не должны забывать о трехъ истинахъ. Во-первыхъ, «собака» не удовлетворится одной костью, а станетъ требовать и других, ибо «неотразимая логика новаго принципа возьметъ свое, хотѣли бы мы этого, или не хотѣли».

Во-вторыхъ, русское крестьянство, многомилліонный русскій народъ не собака, но состоитъ изъ такихъ же живыхъ людей, созданныхъ по образу и подобію Божію, какъ и тѣ люди, которые собираются бросать имъ какія-то кости со своего стола. Лучшее средство къ тому, чтобы люди-крестьяне сохранили свои кости,

состоитъ, какъ мы видѣли, именно въ томъ, чтобы и люди-дворяне заботились о своихъ костяхъ и никому бы ихъ не отдавали.

Въ-третьихъ же, кость, которую собираются бросить крестьянамъ, есть кость отравленная, къ выясненію чего съ различныхъ сторонъ народно-хозяйственной жизни и направлены настоящія замѣтки. Эта кость грозитъ народу не благополучіемъ, а смертью.

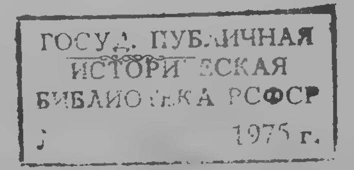
Благополучіе же всенародное на Руси тогда только наступитъ, когда русскіе собственники встанутъ бодро на защиту и укрѣпленіе своихъ священныхъ правъ. Только укрѣпляя эти права свои, они въ то же время укрѣпятъ и права народныя. Собственнику должна быть совершенно чужда трусливо-лицемѣрная роль непрошеннаго радѣтеля о нуждахъ «общегосударственныхъ» и вообще всякія рѣчи о большой политикѣ и о подчиненіи его классовыхъ интересовъ инымъ интересамъ. Смыслъ государственнаго значенія собственности тогда только и осуществляется, когда собственникъ дѣлаетъ хорошо свое дѣло, т. е., значитъ, прежде всего охраняетъ хорошо права свои. Собственнику нечего стыдиться своихъ правъ и итти предупредительно на встрѣчу умаленію ихъ неприкосновенности. Русскій собственникъ не стыдиться долженъ своихъ историческихъ судебъ, а, напротивъ, гордиться прошлой ролью своею и въ сожалѣніи о наступившемъ извращеніи этой роли почерпать силу и волю къ ея возстановленію. Русскій собственникъ не долженъ забывать, что все то величавое и здоровое нравственно и матеріально, чѣмъ славно сдѣлалось русское имя, родилось изъ его, русскаго собственника, творческой работы. Онъ долженъ помнить, что онъ построилъ тотъ домъ, въ которомъ живетъ русскій народъ, что прежде всего и главнымъ образомъ онъ, русскій собственникъ, создалъ Россію. А если въ русскомъ домѣ подгнилъ теперь фундаментъ, покосились полы и потолки и пошатнулись стѣны, то безъ него, безъ русскаго собственника, не обойтись въ дѣлѣ ремонта этого дома. Оттого то и покосился домъ, что собственникъ русскій частью вольной волею, частью невольно, частью сознательно, частью въ невѣдѣніи о томъ, что онъ дѣлаетъ, отклонился отъ своей прямой роли собственника и принялъ на себя роль, ему не соотвѣтству-

ющую, чуждую существа его историческаго строительства. Поэтому для исправленія родного жилища ему прежде всего слѣдуетъ возвратиться къ первоначальной естественной роли. Только при этомъ условіи собственность вновь станетъ тѣмъ рельсовымъ путемъ, по которому единственно только и можетъ идти культура и истинный прогрессъ.

А потому послѣднее мое слово къ вамъ, русскіе собственники. Брошенные на произволъ судьбы властью, гонимые невѣжествомъ либеральствующаго общественнаго мнѣнія и столь трагически неудачно представленные, въ переживаемые тяжелые дни, офиціальными глашатаями и истолкователями вашихъ чувствъ и хотѣній, объединяйтесь дружно въ великомъ дѣлѣ защиты своихъ правъ. Пусть то «принудительное» отчужденіе, которое грозитъ вашимъ землямъ, если уже дѣйствительно суждено произойти въ той или другой формѣ или степени этой невиданной въ мірѣ деспотической революціи, будетъ дѣйствительно принудительнымъ. Не освящайте этого принужденія какимъ-либо актомъ согласія, не обольщайте себя мечтой о возможности какого-либо компромисса, боритесь до послѣдней возможности и, главное, не оскверняйте себя принятіемъ какого-либо вознагражденія. Вы должны помнить, что за землю нѣтъ вознагражденія. И всякое вознагражденіе, которое будутъ вамъ предлагать, есть не болѣе какъ постыдный обманъ. Это вознагражденіе есть та чечевичная похлебка, за которую продалъ Исавъ по существу неотчуждаемое право своего первородства. И откуда бы ни исходило домогательство земли вашей, вы должны съ полной вѣрой въ свое право и въ полномъ убѣжденіи въ чистотѣ своей классовой совѣсти, крикнуть дерзкимъ: руки прочь! не позволямъ!

И пусть будетъ вашимъ паролемъ и лозунгомъ: ни пяди нашей земли; ни песчинки нашихъ полей; ни былинки нашихъ луговъ; ни хворостинки нашего лѣса.

Февраль — Мартъ 1906 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Легенда общаго малоземелья.

СТРАН.

Расширеніе надѣльной площади съ 1861 года.—Купчія и арендныя внѣнадѣльныя земли, какъ коррективъ надѣльнаго малоземелья. — Завѣдомая минимальность данныхъ о крестьянскомъ землепользованіи. — Преувеличенность данныхъ о количествѣ «наличнаго» сельскаго крестьянскаго населенія. — Неправильность исключенія женщинъ въ земельномъ вопросѣ.—Ошибочность исключенія земледѣльческаго населенія прочихъ (кромѣ крестьянъ) сословій. — Территоріальная неполнота картины изслѣдователей 1

II. Вопросы частнаго малоземелья.

Кто такіе—малоземельные?—Существенная ошибка въ опредѣленіи ихъ количества.—Мѣстное значеніе малоземелья (центральный черноземъ). — Осложненіе понятія малоземелья купчими и арендными землями.—Малоземелье или оскудѣніе центра?—Формальное и второстепенное значеніе понятія малоземелья и его практическая негодность для разрѣшенія вопросовъ крестьянскаго хозяйства.—Относительное его значеніе въ связи съ системой хозяйства, промышленностью сельской и общей и характеромъ мѣстности.—Отношеніе крестьянскаго хозяйства къ частновладѣльческому.—Надѣльное малоземелье, какъ прогрессивный факторъ народнаго благосостоянія.— Связь съ вопросомъ о господствующихъ формахъ крестьянскаго землепользованія. — Пагубныя послѣдствія врачеванія малоземелья для всѣхъ сторонъ народной и государственной жизни.—Вопросъ о дарственникахъ и безземельныхъ крестьянахъ 15

III. Ликвидація частновладѣльческаго хозяйства въ формѣ дополнительнаго надѣла.

СТРАН.

Незначительность расширенія крестьянскаго землепользованія при отчужденіи во владѣніе крестьянъ всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, городскихъ и частновладѣльческихъ земель. — Пагубное вліяніе такого отчужденія на благосостояніе крестьянъ со стороны обезпеченія населенія заработкомъ и со стороны продовольственной.—Голодная смерть русскаго народа и финансовое банкротство Россіи, какъ неизбѣжный результатъ ликвидаціи частнаго землевладѣнія.—Общее пониженіе культурныхъ условій и сокращеніе сельской и городской промышленности и торговли подъ вліяніемъ той же причины. — Тожественность результатовъ экспропріаціи всей земельной собственности съ результатами ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства по проекту дополнительнаго надѣла. — Разореніе всѣхъ разрядовъ крестьянства подъ вліяніемъ дополнительнаго надѣла.—Полная правовая необоснованность проекта. — Его характеръ сословной привилегіи и не вытекающей изъ природы существующихъ отношеній подражательности реформѣ 1861 г. — Политическая сущность и подпочва проекта.—Отношеніе дополнительнаго надѣла къ идеямъ національзаціи земли: революціонная «соціализація» и планъ Г. Джорджа. — Частныя замѣчанія по поводу проекта дополнительнаго надѣла: несообразности и путаница, связанныя съ признаніемъ права собственности крестьянъ на отчуждаемыя земли, а также съ отношеніями крестьянской аренды въ случаѣ національзаціи отчуждаемыхъ земель; физическая неосуществимость надѣленія; коллизіи между малоземельемъ и потребностью въ землѣ; отклоненіе дополнительнымъ надѣломъ государственной аграрной политики отъ единственно-правильнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса 37

IV. Надѣлы душевой и тягловой.

Бытовая русская община и современная бюрократическая. — Вопросъ перероста населенія. — Семейные раздѣлы. — Улучшеніе матеріальной и моральной атмосферы крестьянской жизни при тягловомъ надѣлѣ. — Лучшія условія отлива крестьянства въ переселеніе, въ городъ и промыселъ. — Гипнозъ традиціонныхъ представленій въ начертаніи проекта дополнительнаго надѣла. — Аграрная политика прежняго помѣщичьяго класса.—

СТРАН.

Современное территоріальное распространеніе тяглового надѣла и возможность возвращенія къ тяглу безъ ломки законодательства и общинной жизни. — Количество и судьба сверхтягольнаго населенія. — Генеральныя комиссіи и поощрительная дѣятельность правительства. — Порядокъ перехода къ тягловому надѣлу.—Тягло, какъ готовая форма будущаго отрубного хутора 72

V. Формы землепользованія въ отношеніи производительности крестьянскаго хозяйства.

Отсутствіе тревожныхъ признаковъ уменьшенія средняго размѣра хозяйства въ современномъ крестьянскомъ землепользованіи.— Интенсификація, техническія улучшенія, улучшенія сѣвооборота и повышеніе производительности крестьянскаго хозяйства. — Пертурбаціонныя причины господствующихъ формъ крестьянскаго землепользованія, препятствующія повышенію его интенсивности и производительности: удаленность полей отъ усадьбы; ихъ черезполосность и измельчаніе полосъ; зависимость хозяина отъ сѣвооборота и хозяйственнаго строя всего селенія, обусловливающая трудность и медленность главнѣйшихъ хозяйственныхъ улучшеній. — Вопросъ о передѣлахъ земли и сельской общинѣ: центральное значеніе тяглового надѣла.— Два основныхъ момента земельной собственности. — Общее измѣненіе положенія европейскаго земледѣлія и несоотвѣтствіе индивидуальной неограниченной собственности, какъ основного типа крестьянскаго владѣнія, условіямъ современной Россіи.— Отрубной семейно-наслѣдственный неотчуждаемый и недробимый хуторъ, какъ основа благосостоянія русскаго народа. — Выясненіе различныхъ мѣстностей со стороны естественныхъ препятствій къ разселенію деревень и со стороны наиболѣе остро ощущаемой необходимости такого разселенія. . 98

VI. Правовая сторона вопроса о современныхъ надѣлахъ и будущихъ хуторахъ и общія основанія аграрной политики.

Надѣльное право, какъ общее владѣніе, собственность юридическаго лица и государственная собственность.— Неудовлетворительность этихъ конструкцій. — Историческое противорѣчіе въ институтѣ надѣльнаго владѣнія. — Очеркъ его развитія съ 1861 года до нашихъ дней.—Значеніе акта 3 ноября 1905 года.—

СТРАН

Основныя черты надѣльнаго права. — Вытекающій изъ нихъ характеръ перехода къ отрубному хутору, согласованный съ практическими соображеніями. — Облегченія общаго характера.— Черезполосный налогъ и усадебный селенный сборъ. — Спеціальныя ссуды и работы.—Генеральныя комиссіи.—Подворное владѣніе въ отношеніи тягла и отрубного хутора. — Основное отличіе предстоящаго намъ аграрнаго переустройства отъ западно-европейскаго аграрнаго развитія 129

VII. Малоземелье и потребность въ землѣ.

Бѣдственное состояніе современной разработки деревенскихъ вопросовъ и причины этого явленія.—Неопредѣленность понятія малоземелья и его смѣшеніе съ понятіями уменьшенія размѣровъ хозяйства, перероста земледѣльческаго населенія и измельчанія полевыхъ полосъ. — Относительность понятія малоземелья и вытекающая изъ нея непригодность этого понятія для цѣлей аграрной реформы.—Неправильность отождествленія малоземелья съ потребностью населенія въ землѣ. — Обозрѣніе факторовъ, обусловливающихъ потребность населенія въ землѣ, и вытекающія изъ него территоріальныя раздѣленія 162

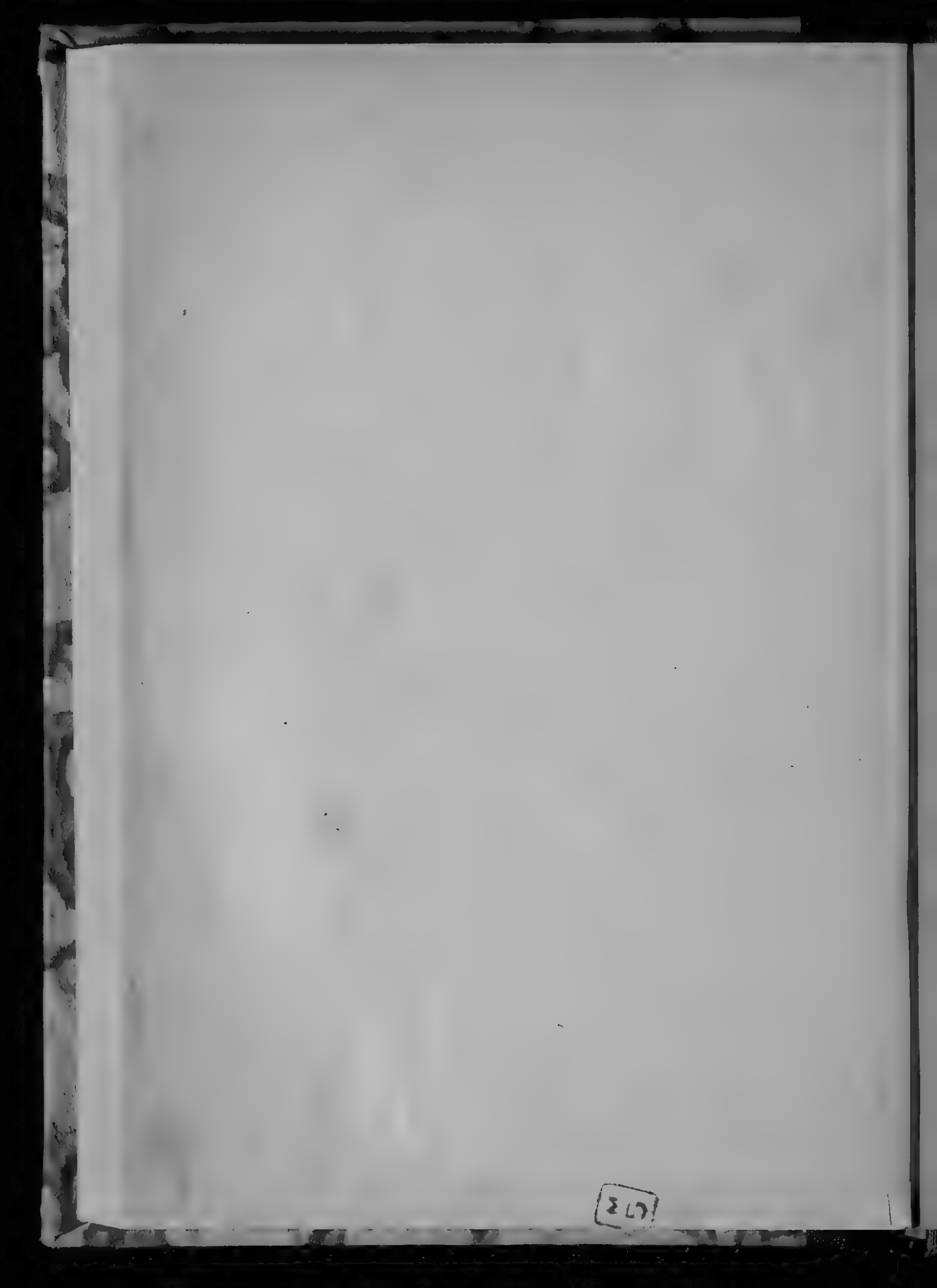
VIII. Удовлетвореніе потребности населенія въ землѣ.

Потребность въ землѣ есть потребность въ землѣ отрубной.—Снабженіе землей сверхтягольнаго и сверххуторского населенія. — Расширеніе культурной площади за счетъ некультурныхъ пространствъ. — Народное благо и необходимость повсемѣстнаго равновѣсія между всѣми видами и размѣрами землевладѣнія.— Несостоятельность въ этомъ отношеніи дѣятельности Крестьянскаго банка. — Характеръ, составъ и компетенція землеустроительныхъ комиссій. — Отличіе ихъ назначенія отъ цѣлей посредничества и принудительнаго отчужденія. — Отношеніе вопросовъ землеустройства къ системѣ финансовъ, валюты и денежнаго обращенія.— Послѣсловіе: важность правовой стороны при разрѣшеніи аграрнаго вопроса (отличіе государственнаго отчужденія для общеполезныхъ цѣлей отъ внѣправового «принудительнаго отчужденія» съ цѣлью дополнительнаго надѣла); «принудительный» выкупъ и «справедливыя» цѣны; «аграрные» безпорядки и наша общественная психологія 180

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
37	9 снизу	отношеніемъ	отношеніями
57	17 сверху	спрашивается по поводу ихъ проектовъ, возникали.	спрашивается, по поводу ихъ проектовъ возникли.
74	12 сверху	Хотя счетъ на ревизскія души былъ усвоенъ кредитными учрежденіями при пріемѣ въ залогъ имѣній и примѣнялся при переходѣ правъ на эти имѣнія, но и въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX-го и народъ и помѣщики удержали тягловой порядокъ надѣла.	Но хотя счетъ на ревизскія души былъ усвоенъ кредитными учрежденіями при пріемѣ въ залогъ имѣній и примѣнялся при переходѣ правъ на эти имѣнія, и народъ и помѣщики удержали тягловой порядокъ надѣла и въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX-го.
109	1 снизу	вопроса 1 стр. 10	вопроса, стр. 10.
120	7 сверху	proprieté.	propriété.
131	4 »	diridundo	dividundo
134	5 »	свидѣтвльствуетъ	свидѣтельствуетъ
135	11 снизу	правитильство	правительство
140	11 »	чтö	что̀
141	3 »	государственной	государственныхъ
164	15 сверху	лукавихъ	лукавыхъ
»	16 »	интеллигенціи	интеллигенціи
175	2 »	при большихъ или меньшихъ расширеніяхъ	при большемъ или меньшемъ расширеніи
182	15 снизу	разширеніе	расширеніе
214	16 »	теорической	теоретической
217	17 сверху	отго	тѣхъ
»	14 »	соврешали	совершали
»	18 »	которыя будто	которое будто

Цѣна 1 р. 25 к.

